

Память сердца

Воспоминания
жителей МО Пискаревка
о Великой Отечественной войне

Книга вторая

Санкт-Петербург
2008

П 15

Память сердца. Воспоминания жителей МО Пискаревка о Великой Отечественной войне.
Книга вторая. – СПб.: Феникс, 2008 – 204 с. с ил.

Редактор: Г. А. Максименко

Ответственный за выпуск: Я. В. Белоусов

Составители: Я. В. Белоусов, Л. С. Рахалов, Л. Н. Третьякова

Иллюстрации,
фото, верстка: Е. С. Липатова

Редакционный совет: Т. Ф. Балакальчук, А. В. Кулик, Н. М. Николаева,
М. О. Орлинская, А. А. Самохвалова, В. В. Сергеева,
А. М. Соколова.

В книге использованы:

Литература:

Венок Славы. Антология художественных произведений о Великой Отечественной войне в 12 томах. М.: Современник, 1984.

Белый А. Жизнь на войне и без войны. Исповедь неизвестного солдата.

Круглов В. Радист особого назначения. Документальная повесть. Стихи.

Берггольц, О. Прошлого нет. Стихи поэмы. 2003.

Стихи авторов, опубликованные в журнале «Творчество юных».

Иллюстрации и рисунки учащихся Дома детского и юношеского творчества Калининско-го района.

Особая благодарность за помощь в издании книги:

Ишутину Алексею Ивановичу, члену политсовета Санкт-Петербургского отделения, председателю политсовета Калининского районного отделения политической партии «Единая Россия».

Отпечатано ООО «Феникс», 194156, Санкт-Петербург, пр. Энгельса, 27

Формат 60x90/8. Печать офсетная. Гарнитура Petersburg. Бумага глянцевая 170 г/кв. м. Заказ № 111. Тираж 700 экз.

ISBN

© Местная администрация муниципального образования
МО Пискаревка, 2008

Память сердца

Депутаты Муниципального образования Муниципального Совета Пискаревка

Дорогие петербуржцы-ленинградцы!

Вы держите в руках 2-ю книгу «Память сердца», посвященную подвигу советских людей в Великой Отечественной войне.

На страницах книги ветераны, герои Великой Отечественной войны рассказывают о тяжелых боях с врагом, которые они вынесли, защищая нашу страну, наш любимый город. Вы прочтете страшные и горькие воспоминания ленинградцев о войне и 900-дневной блокаде, малолетние узники вспомнят перенесенные ужасы заключения, труженики тыла расскажут о своем вкладе в Победу. Вы узнаете историю создания в нашей стране Министерства Противовоздушной обороны (МПВО), отметившего в этом году свое

75-летие, и о его работе в нашем городе во время войны и в послевоенные годы. Ветераны 21-го отдела милиции Калининского района, расскажут об организации отдела, появившегося еще в дореволюционные годы, этапах становления и большом вкладе в поддержание безопасности и порядка в блокадном Ленинграде.

Мы благодарны всем, кто принял участие в создании этой книги, и уверены, что пройдут десятилетия, а такие книги как «Память сердца», сохранят в истории подвиг ленинградцев, россиян, который станет для юного поколения и нашей молодежи достойным примером великого патриотизма и любви к своей Родине.

*Русский солдат! Бессмертен твой подвиг!
Ты защищал свою Родину-Мать.
Камень войны и ужасен, и горек,
Но нашу свободу ты смог отстоять!
Русская мать! Сколько горя познала,
Сколько слез пролила на могиле детей!
Сквозь муки лишений ты скорбь испытала,
В день победы мы помним о жертве твоей.
Дети войны! Вы отцов потеряли,*

*Счастливые годы минули, как сон.
Много вы видели смерти, печали,
Но сохранился единый наш дом!
Русский народ! Путь тернистый к свободе
Ты прошагал весь за годы войны.
Перебрались чрез страдания, невзгоды
Великой Отчизны родные сыны!*

Алиса ГАЙДУКОВА

Память сердца

Валентина Ивановна МАТВИЕНКО

Губернатор Санкт-Петербурга

Дорогие ленинградцы, петербуржцы!

Книга, которую вы открыли – дань памяти героическому подвигу целого поколения, тем, кто мирно жил и трудился на благо страны, и кого война застала в самом расцвете сил.

Только мужество и любовь к нашей стране помогли перенести ветеранам нечеловеческие страдания, голод, лишения и потерю близких.

Название книги «Память сердца» как нельзя лучше отражает ее суть. Только сердце может хранить истинную память о пережитом, только оно помнит бесконечное счастье Великой Победы над фашизмом.

В этой книге – воспоминания людей, переживших страшные годы войны, рассказанные простым человеческим языком.

«Память сердца» для того и создана, чтобы внуки и правнуки знали и помнили о великом мужестве и духовном подвиге тех, кто защищал Ленинград.

Благодарю всех, кто участвовал в подготовке и издании второй книги «Память сердца».

Желаю ветеранам Великой Отечественной войны, жителям блокадного Ленинграда, труженикам тыла, всем, кто внес свой вклад в великое дело Победы, здоровья, благополучия, теплоты и заботы близких людей.

Память сердца

Вадим Альбертович ТЮЛЬПАНОВ Председатель Законодательного Собрания Санкт-Петербурга

Дороге петербуржцы!

Мы с Вами живем в одном из лучших и прекраснейших городов мира. Но наш город за три столетия прошел сложную и многотрудную жизнь. Трижды менялось название Петербурга – он был Петроградом и Ленинградом. За это время город и его жители пережили большие потрясения – революции, войны, блокаду, перестройки. Одним из самых тяжелых испытаний для нашего города, как и для всей страны, стала Великая Отечественная война 1941–1945 гг, унесшая жизни миллионов людей. Но, благодаря тем, кто считал своим долгом защищать любимый город, никогда враг не переступил его границы.

Теперь, спустя уже 62 года, мы с болью в сердце видим как последствия войны и 900-дневной блокады сказались на жизни и здоровье не только самих защитников города и жителей блокадного Ленинграда, но и на их детях и внуках. И мы не имеем права забывать о них. Наши депутаты Законодатель-

ного Собрания разрабатывают и принимают законодательные акты и решения, направленные на поддержку людей старшего поколения, отдавших свое здоровье, свои силы на благо Отечества и нашего великого города.

Перечитывая сборник, понимаешь, как дороги эти страницы нашей истории, которая должна остаться в памяти юных петербуржцев и последующих поколений.

Поздравляя с очередной, 63-й годовщиной нашей славной Победы в Великой Отечественной войне, лично от себя и от депутатов Законодательного Собрания желаю всем петербуржцам мирного неба, хорошей, спокойной жизни. А нашим ветеранам и жителям блокадного Ленинграда – здоровья, долгих лет жизни и уверенности в том, что их подвиг и личный вклад в нашу победу никогда не будет забыт, ведь

**«НИКТО НЕ ЗАБЫТ
И НИЧТО НЕ ЗАБЫТО».**

Память сердца

Нина Владимировна ШУБИНА Председатель Комитета по работе с исполнительными органами государственной власти и взаимодействию с органами местного самоуправления

Дорогие читатели!

Война... Далекая и близкая, полная крови и страданий, подвигов и разочарований. Война перепахала все жизни и все судьбы людей, которые родились и жили в первой половине, теперь уже прошлого, XX века.

Многое теряется при смене эпох или представляется в другом свете, но подвиг остается подвигом независимо от времени. И память о нем должна быть священна. Но как сохранить это трепетное чувство боли, сострадания, и в тоже время, величайшей гордости, которое испытывает каждый, кто прошел горнило этой Великой войны.

У Вас в руках удивительная книга – Книга памяти сердца. Ветераны, защитники и жители блокадного Ленинграда, узники фашизма, дети, увидевшие войну – они именно те люди, кто совершили подвиг, позволивший жить на нашей земле всем нам и последующим поколениям. Эти люди выстояли, доказав всему миру свое право на жизнь. И именно они рассказали и написали свои воспоминания для этой книги, передали крупинки истории, которые помогут людям младших поколений осознать себя, вспомнив о подвиге старших, найти в себе скрытые силы, чтобы изменить мир к лучшему, и ощутить гордость, которая не позволит быть недостойными.

Эта книга больше, чем собрание известных и неизвестных фактов о Великой Отечественной войне. Без сомнения, каждый читатель почувствует, что составители книги вложили в нее свою душу, мудрость и святую веру в жизнь.

Многое из того, что вы прочтете в этой книге, станет для вас открытием. Теперь, по прошествии стольких лет, это книга о судьбах, в которой многое читается между строк, и это больше, чем дань уважения нашим ветеранам, это послание к младшим поколениям, словно ковчег, хранящее для них слова наших героев.

По традиции, как и в первую книгу, в этот сборник вошло много рисунков детей. Виденье войны в рисунках подрастающих ребят удивительным образом переплетается с воспоминаниями участников и свидетелей Великой Отечественной войны. И это значит, что в наших детях живет память старших поколений. Что ни время, ни события не властны над Памятью, идущей от сердца к сердцу.

Нашим ветеранам и всем, кто приложил усилия к созданию второй книги «Память сердца» я желаю здоровья и благополучия. И всем нам желаю мира и долгих счастливых дней в нашей великой, гордой стране Россия.

Борис Александрович ОРЛОВ
 Председатель правления СПб отделения
 Союза писателей России, капитан I ранга

Наша Победа останется нашей Победой

9 мая 1945 года была объявлена Победа над фашистской Германией. От всего сердца поздравляю наших ветеранов с Великой Победой. Мы гордимся подвигом, который они совершили, защитив нашу страну, наш любимый город от лютого врага. Нам дорого далась эта Победа, более 20 миллионов воинов, защитников, блокадников, жителей страны ушли из жизни.

Но сегодня мы уверены, что никто не будет забыт и ничто не будет забыто. Вечная память тем, кто отдал свои жизни за нашу Победу!

Выражаю большую благодарность депутатам Муниципального округа Пискаревка за выпуск уже второй книги «Память сердца». Желаю всем здоровья, семейного благополучия, мирного неба.

В ДЕНЬ ПОБЕДЫ

«Танки прут... Их пуля не берет...
 Взвод в земле... В живых лишь я,
 сынок!

Оставляю сорок первый год,
 По России пятясь на восток».

Он заплакал... Распахнул окно...
 Прохрипел, садясь на табурет:
 «Помни: поражение одно
 Не забыть и после ста побед!»

Отступлень, пепел, плач сирот
 От отца ко мне приходят в сны.
 Поминаю сорок первый год,
 В семье не вернувшийся с войны.

ОТЦУ

Из калитки ты шагнул в войну
 С легкою котомкой за плечами
 И, как предки к правде
 в старину,

Шел по ней и днями и ночами.
 В поисках всемирной тишины
 Укрощал безжалостные доты
 И в Берлине вышел из войны
 Через Бранденбургские ворота.

ИНВАЛИД

Рассыплет молнии гроза —
 И волны заблестят.
 Он столько видел, что глаза
 На небо не глядят.
 Идет безмолвно на причал
 И палочкой стучит.
 Он столько на войне кричал,
 Что до сих пор молчит.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Он в хату вошел невесел.
 — За душу молились?.. Ждали?..
 Икону снял и... повесил
 На стену свои медали.
 Друзей поминал. И плакал.
 Казалось, что мир нереален.
 И грозно смотрел из мрака
 С медалей Иосиф Сталин.

По брусчатке европейской гулко
 Топали под крестопад наград.
 В Петербург шли, словно
 на прогулку,
 Но разбили лбы о Ленинград.

У Невы наткнулись на преграду:
 Если враг у стен — народ един.
 Русский город выдержал блокаду,
 Но ее не выдержал Берлин.

России основа —
 Русь в битвах созрела.
 От русского слова
 Российское дело.

По-разному жили:
 И факты, и сплетни.
 Россия — пошире,
 А Русь — поконкретней.

И вмешаются боги,
 В небе плазмой пыля,
 В коммунальные склоны
 На планете Земля.

Помирят нас, без крика
 Настояв на своем.
 Только жаль, что близко
 В мире мы заживем.

МПВО Ленинграда

Память сердца

Двадцать второе июня

*Двадцать второе июня,
В том, сорок первом году,
Великая наша Россия
Попала в засаду к врагу.
Фашисты на нас наступали,
Вели непрерывно мы бой.
Жилища свои покидали,
Не зная – вернемся ль домой?
Все шли: старики, молодые,
Стремилась на фронт, воевать.
А в церкви молились люди, –
Не зная, чьей помощи ждать.
Да, много там крови пролито,
Потерь горьких не избежать.
Но подвиги те не забыты.
Мы будем всегда вспоминать
Всех тех, кто за мать, за Россию,
Кто жизнь не боялся отдать,
Тем слава героям, и гордо
Теперь мы можем сказать:
«Россия! Ты лучшая в мире!»
Могу я сто раз повторять:
«Россия! Россия! Россия!
Тебя никому не забрать!»*

А.МАТВЕЕВА

Начальник Главного управления МЧС
России по Санкт-Петербургу, генерал-майор
внутренней службы,
Леонид Анатольевич БЕЛЯЕВ.

Уважаемые ветераны!

История человечества насчитывает немало столетий. И все это время защита населения при чрезвычайных ситуациях от опасностей, возникающих при военных действиях или вследствие их, является актуальной проблемой человечества.

В СССР решение вопросов защиты населения было возложено на местную противовоздушную оборону (МПВО), образованную в 1932 г.

Именно бойцы МПВО проделали колоссальную работу по спасению человеческих жизней в дни блокады Ленинграда. Они тушили пожары и извлекали людей из-под завалов, обезвреживали снаряды и обеспечивали жизнедеятельность города. И это при том, что восемьдесят пять процентов личного состава МПВО составляли хрупкие женщины. Без сомнений они вступали в борьбу со смертью, не задумываясь о собственной жизни.

Их отвага и мужество стали достойным примером для современных спасателей и пожарных, служащих в рядах МЧС России. Сегодня они стоят на страже города и защите населения.

Спасибо Вам, ветераны и низкий поклон!

Всей душой поздравляю Вас с 75-летием
Гражданской обороны России!

Мы никогда не забудем ваш подвиг!

Начальник ГУ по делам гражданской обороны
и чрезвычайным ситуациям
Санкт-Петербурга,
Александр Георгиевич ИВАНОВ.

Уважаемые бойцы и командиры местной
противовоздушной обороны, ветераны
гражданской обороны Ленинграда!

Местная противовоздушная оборона Ленинграда, созданная в 1932 году, героически зарекомендовала себя в годы Великой Отечественной войны, в годы блокады Ленинграда. Уверен, каждый блокадник помнит бойцов МПВО. Они всегда первыми приходили на помощь. Разбирали завалы, обезвреживали авиабомбы, оказывали помощь больным и немощным, детям и взрослым, тушили пожары и гасили «зажигалки», помогали укрываться при бомбежках и артобстрелах, восстанавливали трамвайные и железнодорожные пути, здания и делали многое другое.

Бойцы МПВО! Ваши дела навсегда останутся в памяти народа.

Ваши боевые традиции МПВО продолжило новое поколение бойцов и офицеров Гражданской обороны Ленинграда – Санкт-Петербурга, которые достойно исполняли и исполняют свой долг при ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС, землетрясения в Спитаке, ликвидируя чрезвычайные ситуации в Санкт-Петербурге.

Желаю Вам всегда оставаться такими же мужественными, стойкими к любым невзгодам, здоровья Вам и Вашим близким, чтоб Вас окружали добрые и заботливые люди.

С праздником, дорогие ветераны!

4 октября 2007 г. в большом концертном зале «Октябрьский» состоялся праздничный концерт, посвященный 75-й годовщине со дня основания МПВО. Зал был переполнен. Ветераны сердечно встречали любимых актеров и певцов.

А уходили все участники с юбилейного торжества с замечательным буклетом, в который вошла практически вся история МПВО и ГО Ленинграда и Санкт-Петербурга. С разрешения организаций, при содействии которых вышло это издание мы на страницах второй книги «Память сердца» поместили главные и основные этапы истории МПВО.

4 октября 1932 года Совет Народных Комиссаров (СНК) утвердил «Положение о противовоздушной обороне СССР», которое предусматривало широкое развитие Местной Противовоздушной Обороны (МПВО) в рамках общей ПВО страны.

В 30-е годы международная обстановка существенно усложнилась, увеличилась опасность возникновения новой мировой войны.

Важную роль в совершенствовании организационной структуры МПВО в этот период сыграло Постановление СНК СССР от 27 августа 1936 года «Об организации населения для защиты от воздушного нападения на территории СССР».

В соответствии с Постановлением СНК СССР от 20 июня 1937 года «О местной ПВО Москвы, Ленинграда, Баку и Киева» руководство МПВО в этих городах и ответственность за ее состояние возлагались на местные органы власти. В 1938 году заместителем председателя Ленгорисполкома – начальником МПВО Ленинграда был утвержден полковник Лагуткин Емельян Семенович (с декабря 1941 г. генерал-майор), прослуживший в этой должности 10 лет.

МПВО Ленинграда накануне В.О.В. была наиболее подготовленной. Система МПВО города имела в своем составе около 133 тыс. человек.

Для наблюдения за воздухом было сооружено более 100 вышковых наблюдательных пунктов. В городе насчитывалось 1117 бомбоубежищ, а на 20 августа 1941 года их было уже свыше 4600 убежищ различных типов и 336 тыс. погонных метров простейших укрытий общей вместимостью 900 тыс. человек. Проведены большие работы по технической маскировке важнейших зданий и сооружений города. Развернуто массовое обучение населения способам борьбы с зажигательными средствами. Пожарная охрана была военизирована и сведена в отряды соответственно административному делению города.

Медико-санитарная служба оперативно развернула 25 хирургических госпиталей на 9565 коек, кроме того, в домохозяйствах к концу 1941 года дополнительно было развернуто более 3000 коек.

2 июля 1941 года Совет Народных Комиссаров СССР издал Постановление «О всеобщей обязательной подготовке населения к противовоздушной обороне». 11 июля 1941 года Ленгорисполком принял решение о введении в Ленинграде, Пушкине, Петергофе, Колпине и Кронштадте всеобщей обязательной подготовки взрослого населения в возрасте от 16 до 60 лет.

За июнь-июль 1941 года среди населения города было проведено 17 тысяч различ-

Е. С. Лагуткин

ных занятий по вопросам МПВО. Районные организации Осоавиахима подготовили для групп самозащиты МПВО домохозяйств 3596 командиров.

К началу сентября 1941 года в системе МПВО города числилось около 300 тыс. обученных бойцов и командиров, объединенных в различные формирования.

В августе 1941 года немецко-фашистские войска вышли на ближние подступы к Ленинграду.

8 сентября противник занял Шлиссельбург. Было прервано железнодорожное сообщение с основной частью страны, и город с почти 3-х миллионным населением оказался в кольце блокады.

Значительно возросла интенсивность арт-обстрелов и бомбардировок Ленинграда.

8 сентября 1941 года – первый массированный налет на город вражеской авиации, когда на Ленинград было сброшено 6327 зажигательных и 48 фугасных бомб. В этот день только в Московском районе возникло 83 пожара.

На Бадаевских складах полностью сгорело 41 складское помещение. От огня погибло 3 тыс. тонн муки и около 700 тонн сахара. Среди населения ранено 206 и убито 29 человек.

19 сентября 1941 года – наиболее продолжительный воздушный налет и арт-обстрел, когда на город было сброшено 528 фугасных и 1435 зажигательных бомб, одновременно взорвалось 97 снарядов крупного калибра. Возникло около 500 очагов поражения и 39 пожаров на территории 11 районов города, ранено 1487 и убито 250 человек.

Бойцы МПВО вместе с дружинницами Красного Креста и комсомольскими бытовыми отрядами обследовали десятки тысяч квартир, организовали уход за ослабевшими, спасали детей, доставляли больных в стационары, наводили санитарный порядок, таким образом обеспечивая жизнедеятельность города в условиях блокады.

6 марта 1942 года по решению Военного Совета Ленинградского фронта «Об усилении готовности города Ленинграда к противовоздушной обороне» в формированиях и команды МПВО начался призыв женщин в возрасте от 18 до 35 лет (всего 16,5 тыс. человек).

10 июля 1942 года Указом Президиума Верховного Совета СССР за образцовую подготовку противовоздушной обороны Ленинграда, доблесть и мужество, проявленные личным составом пожарной охраны при ликвидации пожаров, городская пожарная охрана НКВД Ленинграда награждена орденом Ленина.

В августе 1942 года для усиления оперативного руководства в городе было создано 508 штабов кварталов (по 3 человека в каждом).

Участковые команды МПВО переформированы в 35 городских батальонов МПВО общей численностью 21375 бойцов и командиров. Пожарная охрана стала одной из служб МПВО. К началу сентября 1942 года было создано около 6 тыс. пожарных звеньев на предприятиях и более 2 тыс. в домохозяйствах.

В январе 1943 года был осуществлен прорыв блокады, но обстановка в Ленинграде продолжала оставаться напряженной. Город подвергался массированным бомбовым ударам, усилилась его артиллерийские обстрелы.

Личный состав формирований МПВО принимал самое непосредственное участие

в прокладке знаменитой «Дороги Жизни». Ударными темпами была сооружена железнодорожная ветка, позволившая наладить снабжения города продовольствием.

16 июня 1943 года ГКО СССР принял постановление «О местной противовоздушной обороне», согласно которому штабы и отдельные городские батальоны МПВО Ленинграда переводились на положение кадровых частей Красной Армии.

14 января 1944 года началось наступление 2-й ударной армии под командованием Федюнинского И.И. с Ораниенбаумского плацдарма, 15 января – 42 армии Ленинградского фронта под командованием Масленникова И.И. с Пулковских высот.

27 января 1944 года торжественный артиллерийский салют возвестил о победе под Ленинградом и полном снятии 900-дневной блокады.

Исполком Ленгорсовета поставил перед командованием МПВО задачу подготовки специалистов для проведения аварийно-восстановительных работ, разминирования и очистки города и окрестностей от неразорвавшихся боеприпасов.

В феврале 1944 года было сформировано 3 сводных восстановительных полка (4 тыс. человек) для восстановления железнодорожных путей и мостов, а также 180 аварийно-восстановительных отрядов на промышленных предприятиях города.

За период блокады медики оказали помощь 34 000 раненых. Тяжелую и опасную работу выполняли подрывники, обезвреживая неразорвавшиеся снаряды и бомбы. Руководитель подрывной службы Лопатин Н.М. лично обезвредил 114 авиабомб и более 200 мин и снарядов.

За 900 дней и ночей блокады на Ленинград было сброшено около 5 тыс. фугасных бомб различного калибра, 103 тыс. зажигательных бомб, выпущено более 148 тыс. тяжелых артиллерийских снарядов. На каждый

квадратный километр городской территории приходилось 16 фугасных, свыше 320 зажигательных бомб, 480 снарядов. Город потерял более 5 млн. квадратных метров жилой площади, из строя полностью или частично было выведено 10317 зданий различного назначения, 840 промышленных предприятий.

За время блокады в Ленинграде только по официальным данным умерло от голода 641 тысяча жителей (по подсчетам историков не менее 800 тысяч), погибло от бомбежек и обстрелов около 17 тысяч человек и около 34 тысяч было ранено. Потери личного состава МПВО составили 45 77 человек, в том числе: убито, умерло от ран, погибло при выполнении заданий – 345, ранено – 454, пропало без вести 320, умерло от дистрофии – 3458.

Силами бойцов МПВО Ленинград за период 1941-1945 гг. выполнен огромный объем работ: Отремонтировано и восстановлено 2118 жилых домов, 24 лечебных учреждения, 81 школа, 288 общественных зданий, осуществлялся ремонт и восстановление набережных, водопровода, канализации, энергокабельного хозяйства, трамвайных путей, шоссежных дорог и улиц, проверены и разминированы территории общей площадью 76 тыс. га, обнаружено, обезврежено и уничтожено 7 млн. взрывоопасных предметов, только батальонами МПВО (35) оказана помощь 33782 ленинградцам, разобрано 6554 завала, извлечено из-под завалов живых 3968 человек и 2255 тру-

пов, погребено 318 тысяч трупов; построено и отремонтировано 1300 защитных сооружений, разобрано на топливо 1400 деревянных домов, заготовлено 548 тыс. кубометров дров.

Родина высоко оценила работу личного состава МПВО Ленинграда. За успешное выполнение заданий Правительства и проявленное при этом мужество и доблесть, Указом Президиума Верховного Совета СССР 2 ноября 1944 года МПВО Ленинграда награждено орденом Красного Знамени.

6 декабря 1944 года Президиум Верховного Совета СССР передал МПВО Ленинграда Знамя Верховного Совета как символ воинской чести, доблести и славы.

За образцовое выполнение заданий командования и проявленное при этом мужество 306 бойцов МПВО награждены боевыми орденами, 449 – боевыми медалями, 22598 – медалью «За оборону Ленинграда» и 18000 медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

Во исполнение постановлений ГКО СССР от 01.02.1945 г. и 10.06.1945 г. из частей МПВО было демобилизовано 10713 человек и направлено для работы на строительные и промышленные объекты Ленинграда.

В августе в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 23 июня 1945 года отдельные городские батальоны МПВО были расформированы, личный состав демобилизован.

Д.Д. Шостакович на посту МПВО

В 1961 году на базе МПВО в стране была создана новая общегосударственная оборонительная система – Гражданская оборона СССР. МПВО с ее местными, ограниченными по масштабу и характеру действиями, уступила место качественно новой системе, ставшей стратегическим фактором обеспечения жизнедеятельности государства в современной войне. Был практически завершен начавшийся в пятидесятые годы процесс пересмотра устоявшихся взглядов на защиту населения и территорий в условиях возможного применения противником оружия массового поражения.

26 апреля 1986 года стало суровым экзаменом на стойкость и мужество, проверкой готовности сил и средств ГО к действиям в условиях радиационной опасности, при работе по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС. В ликвидации аварии, вместе с пожарными Ленинградского гарнизона пожарной охраны принимал участие Александр Сергеевич Александров, ныне начальник отряда пожарной охраны Красногвардейского района.

Авария на Чернобыльской АЭС и Спитакское землетрясение в Армении 1988 года заставили по-новому определить задачи ГО, не ограничиваясь только рамками военного времени.

27 декабря 1990 года принято Постановление Совета Министров РСФСР №606 «Об образовании Российского корпуса спасателей на правах Государственного комитета РСФСР», который создается с целью прогнозирования, предотвращения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, координации действий министерств, ведомств, других органов государственного управления при чрезвычайных ситуациях.

10 января 1994 года Указом Президента РФ №66 «О структуре федеральных органов исполнительной власти» ГКЧС России был преобразован в Министерство РФ по делам ГО, ЧС и ликвидации последствий стихийных бедствий – МЧС России.

Сегодня в Муниципальном Округе Пискаревка Калининского района СПб проживают 9 ветеранов МПВО. И семеро из них написали свои воспоминания о войне:

Мы были юными и смелыми

Таиса Андреевна КИСЕЛЕВА

Я родилась в крестьянской семье, в 1937 приехала в Ленинград, поступила в ФЗО, после обучения устроилась работать на завод. До войны я проходила курсы в РОККе (Районном отделе Красного Креста). 22 июня сообщили, что началась война, сначала меня отправили в район Гатчины, как медсестру. Пробыли несколько дней, и началось наступление немцев. Кругом пожары, выбирались, как могли, врач, что был с нами, потерялся в лесу, больше мы его не видели. Пешком и на попутках вернулись в Ленинград. Началась работа – чтоб отапливать детские дома и больницы нас отправили в Гавань, разбирать деревянные строения. Девушки с ломом и топорами, сначала мало что получалось, но постепенно принаоровились.

В здании школы нам оборудовали казарму. Выставишь на окно патефон, люди проходят: «Надо же, у них весело!» Духом мы не падали. Была у нас договоренность: если бы в город вошел немец, пойти всем на заминированный мост, и на нем подорваться.

К 42-му году начался голод, нас отправили забирать мертвых из квартир, отвозили их на Смоленское кладбище. Помогали эвакуировать детский дом, вместе с детьми добрались до Кобоны, а вернуться не могли

неделю. То бомбежка, то шторм. В те времена ходила присказка: «Кобона, Кобона – опасная зона». Но вернулись благополучно. Дали нам следующее задание – чистить город. Начиналась весна, водопровод не работал, все нечистоты выбрасывались прямо за окно, если не убрать, началась бы эпидемия. По ночам долбили лед, вывозили. Ночь работаешь, ночь отдыхаешь, а днем – выезжали на оказание первой помощи. Однажды нашу медико-санитарную роту вызвали в разрушенную

снарядом баню, а прибыв, сами попали под обстрел. Я стояла рядом с командиром отделения, когда ей оторвало кисть.

15 августа 1942 мы вошли в состав МПВО, но до 43-го года считались невоеннообязанными, потом прислали комиссованного лейтенанта, мы приняли присягу и стали бойцами Ленинградского фронта. 22 декабря 1942-го, Указом Президиума Верховного Совета СССР, меня наградили медалью «За оборону Ленинграда».

Когда началось наступление, прорыв Блокады, прибывало много раненых. В больнице Мечникова сделали эстакаду, на лошадях, на машинах туда подвозили раненых, а оттуда в госпиталь на Обводном. Уже ходили трамваи, их оборудовали носилками в два этажа.

Иногда бойцы, особенно офицеры, начинали возмущаться: «Как же вы нас понесете, две девчущки, уроните! Одного офицера мы специально подняли на второй ярус. Когда привезли, он смутился, попросил прощения. А однажды нас отправили на Староневский, там, около кинотеатра «Призыв», содержались раненые немцы. Но у нас столько зла на них было, обхаживать вместо наших. Если не понимали, не слушались, бранили их. Немцы стали жаловаться, и начальство госпиталя попросило больше нас не присылать.

В 44-м перевели в штаб на 15-й линии Васильевского острова. Так жили, делились всем, стояли друг за дружку и знали, что любой день может оказаться последним. Выдают паек на неделю, а в нем и 300 грамм конфет, пока все конфеты не съедим, спать не ложились – вдруг разбомбят, а конфеты останутся.

В День Победы новость передавалась мгновенно, люди высыпали на улицу, плакали, целовались. Всем батальоном собрались в ресторане. Слушали музыку, пили. То, что все тогда чувствовали, словами передать нельзя.

Сразу после войны меня демобилизовали, направили на завод «Знамя Труда». В 47-м я вышла замуж, родила и вырастила сына. Работала резьбонарезчицей на Ленинградском экспериментальном ЗГА, потом до пенсии на заводе нефтяной и газовой промышленности. Пока могли мы с девушками из моей роты держали связь и встречались, теперь осталась только еще одна. В нынешние времена нет прежнего доверия дружелюбия и сплоченности. Но, воспоминания, как мы поддерживали друг друга, меня согревают.

ДДЮТ, Галина ИЛЮШИНА, школа № 145, 9 класс

Марфа Ивановна ПЕТРОВА

На ком держится земля русская? – На простом мужике и простой женщине, которые веками – в генах своих – выработали в себе такие черты характера, как выносливость, трудолюбие, честность, прямоту, гордость и стремление к независимости, свободе.

Именно эти слова можно сказать о Петровой Марии Ивановне. Родилась она в 1920 году в Мордовии, в деревне Подгорные Селищи. Маму ее звали Анной Андреевной Струнниковой, а папу – Иваном Семеновичем Струнниковым. Были они трудолюбивыми крестьянами. В их семье выросло четверо детей, единственный сын погиб на фронте, а младшая дочка Надя умерла еще до войны.

Марфу не отдавали учиться в школу, о чем она всю жизнь жалеет... В Ленинград привезла ее сестра Матрена, в 1942 году умершая от голода.

До Великой Отечественной войны, с двенадцати лет, Марфа была в доме сестры и нянькой и домработницей. Без прописки жила два года, пока отец не оформил ее уборщицей в школе, где сам он работал истопником. Вдвоем они жили в этой школе.

Когда началась Великая Отечественная война, Марфа, охваченная всеобщим энтузиазмом, стала проситься на фронт. Но ее направили в МПВО, в 15-й батальон. И начались ее незабываемые будни... Просилась

она на самые трудные участки работы, участвовала в чистке люков, разборе завалов, деревянных домов и барж - на топливо. Часто приходилось забирать раненых...

На 5-й линии Васильевского острова находилась городская баня, и туда постоянно требовалось подвозить дрова. Со своими подругами - Молчановой Полиной и Масленниковой Клавой. Девушка трудилась не покладая рук. Когда прибывали вагоны с дровами, трое подружек вставали на разгрузку,

во время этих работ, Марфа чуть не погибла под поездом... Жили подруги на территории школы. Дружные и неунывающие, они за каждое дело брались с душой. Их обучали и военному делу - стрелять из винтовки, бросать гранату.

Марфа Ивановна вспоминает, что в начале войны, когда отец поехал в Мясной Бор к жене и внукам, чтобы зарезать домашнего поросенка и вернуться в Ленинград, фашисты так стремительно продвинулись на восток, что быстро захватили Любань... Ивану Семеновичу удалось связаться с партизанами и вместе с ними он стал драться с фашистами. При встрече отец рассказывал, что многие жители Любани так поступали. Сам Иван, уходя в партизанский отряд, взорвал свой дом и сжег два других... А когда советские войска освободили Волхов, партизаны

помогли ему с внучатами перебраться через Волхов в Мордовию. В боях здоровье Ивана Семеновича было подорвано, но только после смерти у него обнаружили два сердца, это помогло ему многое перенести, в том числе фашистские побои...

После войны Марфа Ивановна трудилась на заводе имени Калинина. В 1947 году у нее родился сын Валерий, которого не стало в 2005 году. В 1950 году Мария похоронила отца, а мама умерла гораздо раньше.

За свою долгую, безупречную трудовую жизнь и службу Марфа Ивановна Петрова получила много благодарностей и поощрений, медали: «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 годов» и другие.

ДДЮТ, «Суровое время». Дарья ХАБАРОВА, школа № 514, 5 класс

Не забыть тех дней в МПВО...

Зинаида Павловна ГЕРАСИМОВА

В Калининской области, в Старицком районе, в деревне Колесово родилась в 1923 году Зинаида Павловна Герасимова. Там она прожила до семи лет. Ее отец, Герасимов Павел Арсеньевич, в довоенный период работал председателем колхоза. Был не только большим тружеником, но и прекрасным семьянином. Он мечтал «обосноваться» в Ленинграде, и со второй попытки ему это удалось. Павел Арсеньевич начал работать на насосной станции. В общежитии ему предоставили комнату. Двенадцать квадратных метров на четверых: он, жена и две дочки... Отец Зины вместе с супругой, Марией Евдокимовной, всю войну на этой станции и отработали... Потом он был слесарем на заводе «Красный Гвоздильщик». Оттуда он ушел на пенсию.

Итак, 21 июня 1941 года веселая, жизнерадостная Зиночка Герасимова танцует на выпускном вечере. Будущее – после десятилетки – будет светлым! Тем более, что завтра – день рождения ее любимой мамы... И вдруг – грянула война! Мама подружки устраивает Зину на Балтийский завод. Там она работает сама со своей дочерью... А через два месяца Зину отправляют на лесозаготовки. Там работали, в основном, молодые девчонки, не приспособленные к подобным нагрузкам. Было много травм. И Зинаида, оставив свои вещи, убегает домой. Мечтает попасть на фронт, но ее направляют в одно из подразделений МПВО Ленинграда. Тут надо и скалывать лед, и ловить бревна в Неве, складывая их на берегу. И уже другие рабочие занимались их распиловкой. За это люди получали лишь бесплатное питание... Зинина рота – двадцать человек – часто

разбирала завалы, (после обрушения домов)... В МПВО Зинаида Павловна прослужила около трех лет, и сумела в эти годы закончить курсы сандружинниц. Получила соответствующее удостоверение, которое помогло ей устроиться работать в санроту на завод. Стремясь к знаниям, Зинаида Герасимова отправляется в Комитет Комсомола, чтобы там ей помогли получить направление в техникум. И вот она студентка Механического техникума, который

находился тогда на Среднем проспекте Васильевского острова недалеко от табачной фабрики имени Урицкого. Через два года учебы она получает диплом техника. Работает (тридцать лет!) в НИИ оборонной промышленности: сначала – техником, затем – инженером.

Когда, после техникума, Зинаида Павловна начала работать, то в это время у нее с мужем, Васильевым Сергеем Петровичем, родилась дочка Сашенька. Сначала девчужку устроили в ясли, потом – бабушка решила сама заниматься воспитанием внучат. Тем более, что у дочери Нины тоже появилось потомство...

Когда Александра выросла, то выучилась на киноинженера. Мама ею гордится, как и отцом, который участвовал в Параде Победы на Красной Площади. Туда он был направлен от своей насосной станции, где был в военные годы мотористом...

Сама Зинаида Герасимова отмечена орденом Отечественной войны II степени, медалью «За победу над Германией», медалью «За доблестный труд», юбилейными медалями и, конечно же, медалью «Ветеран труда».

Раиса Васильевна ТИМАКОВА

Девушка-сапер... Не правда ли, странное сочетание? Но во время Великой Отечественной войны удивляться ничему не приходилось. Народ встал на защиту страны, и, люди, как могли, помогали освобождать от захватчиков родную землю...

Раиса Васильевна Тимакова (в девичестве – Федотова) родилась в 1924 году. Она родом из Пушкинских Гор, Псковской области. Ее родители до войны были крестьянами. Отец, Василий Федотович Федотов, с 1941 года работал в Ленинграде в воинской части пограничных войск – по хозяйственной части. Мама, Ефросинья Федоровна Федорова, была оформлена там же, санитаркой. Раечка еще не успела закончить десятилетку, когда фашисты пересекли границу Советского Союза, ей было 17 лет. В апреле 1942 года она пошла на курсы саперов-подрывников. В Петроградском районе было создано два батальона МПВО: №17 и №19, где были отдельные специальности: медики, химики, связисты, пиротехники, саперы, минеры. Семья Раи была тогда прописана на улице Куйбышева, дом 30. Но сама Раиса Федотова фактически проживала в казармах, которые постоянно переезжали и находились то на улице Рентгена, то на Саблинской, то на Съезжинской. Дольше всего ее подразделение (около 20 человек), квартировалось на Зверинской улице. Там же была их столовая, где все они обедали. А за ужином туда ходил посыльный с баночками.

Часто им приходилось дежурить на вышках, которые стояли на улице Рентгена. Трудовые дни и ночи тянулись в постоянном

ожидании прорыва блокады. И, наконец, по радио, ночью, пришло долгожданное известие! А утром было у ленинградцев настоящее ликование... Как вспоминает Раиса Васильевна, в этот день, как и после полного снятия блокады, бойцам МПВО выдавали по 250 граммов водки. Ее выменивали на рынке на продукты, для праздничного стола.

Раиса Васильевна с подругами продолжала подрывать коробки домов, чтобы расчистить место для постройки новых зданий. Медленно тянулись будни воинской службы. Правда, с продуктами стало легче. Наступила весна 1945 года... С начала мая официального известия об окончательной Победе ждали все со дня на день. И ночью, с 8-го по 9-е мая никто из подруг Раи не ложился спать: все ждали, что по радио будет правительственное сообщение... Именно этой ночью женская саперная команда узнала о Победе. В эти дни они работали в Нижнем парке разрушенного и заминированного Петергофа, куда осенью 1941 года были заброшены из Кронштадта 600 моряков-десантников. Почти все они там и погибли, выполнив поставленную им задачу: захватить территорию Нижнего парка, включая Шахматную горку, но не дождавшиеся подхода советских войск.

Бойцы подразделения Раисы Васильевны видели следы боев, но не знали о подвиге десантников. На главной аллее Нижнего парка они вели работы по разминированию, подрыву мин и бурению мощных корней деревьев. А пилили деревья пленные немцы. До сих пор помнит Раиса Васильевна беседки парка, разрисованные безобразными ри-

сунками - отступая, фашисты портили все, что могли. А пленные немцы, оправдываясь, говоря, что были людьми подневольными и извинялись за содеянное.

Помнит Раиса Васильевна вечер 9-го мая 1945 года, когда всех ее подруг отпустили в город Ленинград отпраздновать День Победы. На улицах ленинградцы смеялись, плакали от радости, обнимались с незнакомыми людьми...

Наконец наступили мирные дни, позади осталась демобилизация. Раиса Федотова работала, порой вспоминая, как подрывала стены обрушившихся домов, разбитые американские горки.

Пришло, наконец, время встретить свою судьбу. Избранником ее стал Тимаков Александр Александрович. В 1955 году она вышла замуж. Саша в войну с 16 лет, будучи в оккупации, воевал с немцами в Пятигорске, с по-

мощью малой радиостанции передавал важные сведения советскому командованию. А когда наши войска освободили Пятигорск от фашистов, Александр Тимаков был зачислен связистом в регулярную армию. Дошел со своей частью до Германии, был демобилизован, прослужив 7 лет. После демобилизации они с мамой прибыли в Ленинград. Работал радиомехаником, начальником отдела одного из НИИ. Скончался Александр Александрович в 2004 году. У них с Раисой Васильевны и дочь и, уже взрослый, внук.

Родина отблагодарила чету Тимаковых орденами и медалями за посильный вклад в борьбу с фашизмом.

Раиса Васильевна награждена орденом Отечественной войны II степени, медалями: «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне» и медалью Г.К. Жукова.

ДДЮТ, «Ленинградские будни». Зарема ИЛЬЯСОВА, лицей № 95, 5 класс

Я — человек выносливый

Тамара Григорьевна ДЕМЕНТЬЕВА

Крепкова Тамара Григорьевна родилась в 1921 году в деревне Першино Ярославской области. В 1930 году ее семья переехала в Ленинград.

В 1940 году от производства Тамару отправили учиться в школу МПВО. С другими девушками, она проходила практику в госпитале. Вместе с ними помогали раненым в финскую войну бойцам.

21 июня 1941 г. готовились к тренировочным занятиям, брали учебные противогазы и защитные костюмы. А уже ночью 22-го — объявили о начале войны. Когда на пароходах начали прибывать наши раненые, девушки забирали бойцов и сопровождали и по госпиталям.

Тамара Григорьевна называет себя выносливым человеком. Тяжелые носилки, узкие корабельные проходы, раненых приходилось даже перетаскивать на руках. 19-летняя девушка увидела чужую боль и страдания. Один солдат, лишившийся ног, все время бранился, Тамара только боялась, чтоб он не свалился.

Она рассказала запомнившийся случай: Сидит раненый и стонет: «Сестричка, помоги!». У него была сломана ключица. Я ему говорю: «Сиди тихо, не шевели рукой, и боль утихнет». И вдруг он кричит — плечо успокоилось. Потом начались дежурства в госпиталях. Вместе с врачом, Тамара делала обходы, любила делать перевязки.

Отец Тамары умер рано, семья жила скромно. Когда началась блокада, продавать было нечего, пришлось обходиться только тем, что могли получить по карточкам.

Тамара Григорьевна вспоминает: «Началась суровая зима — в домах нет света, в трубах замерзла вода, нет дров, частые налеты вра-

жеской авиации. Однажды бомба попала в Неву, недалеко от нашего дома, взрыв был такой сильный, что мы почувствовали, как закачались стены. И была одна страшная ночь, от прожекторов, залпов зениток и взрывов бомб стало светло как днем. Таких сильных налетов больше не было или уже притупилось чувство страха.

Сгорели Бадаевские склады, начался страшный голод. Я получала 250 грамм, мама с сестрой по 125, больше ничего из еды у нас не было. Заболела мама, а за ней и я очень сильно заболела. Я перестала есть, даже видеть хлеб не могла. Мама еще вставала, она грела кирпичи и обкладывала меня ими.

Я долго пролежала в кровати, врачи говорили, что нужно пройти комиссию. Сестра пошла за номерком, а я пока доползла, очередь уже прошла. Я заняла вновь, почувствовала себя плохо и попросилась сесть, но мне никто не уступил места, я потеряла сознание, а когда очнулась, увидела, что сестра плачет, но я не могла дать знак, что жива. После этого сестра очень за меня боялась, говорила, чтоб лежала и больше не вставала.

В мае 1942 умерла мама. Похоронить ее можно было только за хлеб, которого у нас не было. Мы зашили ее в одеяло и свезли с сестрой на Охтинское кладбище. Для умерших там рыли братские могилы, в одну из них мы и положили маму.

Я стала настоящим дистрофиком. Когда открыли Дорогу Жизни, стали привозить какие-то продукты, привезли и селедку. И вот с нее я стала поправляться.

Меня вызвали в Райвоенкомат, но я была опекуном сестры, и меня не взяли. Сестру я с-

троила работать на фабрику вязать сетки, мы были так рады, что у нас две рабочие карточки, но радость была недолгой – вскоре меня призвали в МПВО. Сестра осталась одна, а ей еще не было 13 лет. Соседи умерли, в квартире она осталась одна. Не было света и дров.

Сестра работала по 12 часов, приходила в пустую, холодную квартиру и голодная, не раздеваясь, ложилась спать. Мастер отправляла ее на разгрузку угля, на картошку в совхоз. Я старалась защитить сестру. Через Комсомол написала, что мастер плохо обращается с моей сестрой. После этого мастер извинилась, сказав, что не знала, сколько моей сестре лет.

Когда на фабрике перестали вязать сетки, сестру перевели на работу по ремонту машин. Она работала там, пока не заболели легкие. А я служила в МПВО, была дежурной, стояла на карауле. Мы разбирали деревянные дома, разгружали вагоны с дровами. Однажды, на Ржевке, бомба попала в поезд, нас отправили оказывать первую помощь.

Однажды отправили на секретное задание в Кавголово. Мы приехали, оказалось, что должны ровнять гору и вязать плоты. Когда я вернулась, из санитарной роты меня перевели в саперную.

Когда нас отправили расчищать от снега трамвайные линии, мы работали сутками. Воз-

вращаясь, я получала две пайки хлеба – одну оставляла для сестры.

В МПВО я получила профессию штукатур-маляр. В конце 1943 года меня отправили в Петергоф, там мы реставрировали дом, находившийся напротив Ольгина пруда. Эта работа растянулась на полтора года. Там я тоже выискивала возможности помочь сестре.

Договаривалась с начальством, чтоб мне позволяли делать дополнительную работу. Я берегла сестру, как могла. Сегодня моя сестра живет с сыном в Санкт-Петербурге. Здоровье ее конечно подорвано. Но жизнь продолжается, мы встречаемся и поддерживаем друг друга.

Войну я закончила в 1945 году, в Ленинграде».

В 1952 году Тамара Григорьевна вышла замуж за Алексея Васильевича Дементьева, в 1953 у них родился сын.

Сразу после войны Тамара Григорьевна работала санитаркой в детском саду, фрезеровщицей на военном заводе, затем чертежницей, в 1977 году – вышла на пенсию.

Она награждена орденом «Отечественной войны» II степени, медалями «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией» и медалью Г.К. Жукова, почетными грамотами за отличную работу.

НЕ СТАРЕЮТ ДУШОЙ ВЕТЕРАНЫ

*Помним грохот огня, помним дальние страны,
каждый год, каждый день, опаленный войной,—
не стареют душой,
не стареют душой ветераны,
ветераны второй мировой!*

*Пусть заноят порой наши старые раны,
мы к победе, друзья, шли дорогой крутой,—
не стареют душой,
не стареют душой ветераны,
ветераны второй мировой!*

*Нам в отставку пока уходить еще рано,
не сдаются сердца, им не нужен покой,—
не стареют душой,
не стареют душой ветераны,
ветераны второй мировой!*

*Поклялись мы, друзья, мир крепить неустанно,
но готовы всегда мы к судьбе фронтовой,—
не стареют душой,
не стареют душой ветераны,
ветераны второй мировой!*

Яков БЕЛИНСКИЙ

Родина-мать зовет!

Память сердца

Солдатам посвящается

*Не ждали, не знали. Забрали в войска.
Мальчишки зеленые строем ходили.
Еще вы не знали, что смерть так близка.
И Родину страстно еще не любили.*

*Когда ж под обстрелом, под шум канонад.
Приказ не поддаться любой ценою
Как меч поразил неготовых ребят.
Оставивших дом. матерей за собою..*

*...То честь шевельнулась у каждого в сердце,
И - в зубы штыки - смело приняли бой.
А пульс у парней выбивал мегагерцы.
Ведь знали - Россия у них за спиной.*

*Осталось в живых очень мало,
Погибших не знаем мы по именам.
Тогда солдат слишком многих не стало,
Они жизнь отдали, чтоб дать жизни нам.*

*И каждый из них был достоин награды,
Надеюсь, что бог наградил их в раю.
Солдат не обязан ходить на парады,
Военное дело - не сдаться в бою.*

*Мне жаль, что не выросло маршалам смены,
Ведь каждый желает покой и улад.
Россию не смогут спасти бизнесмены,
Россию спасти может только солдат.*

Анна НОВИКОВА

Иван Иванович КОРБУТОВ

Председатель Совета Межрегиональной Санкт-Петербурга и Ленинградской области организации ветеранов Всероссийской общественной организации ветеранов (пенсионеров) войны, труда, Вооруженных сил и правоохранительных органов

Уважаемый читатель!

Ты держишь в руках книгу о великом подвиге советского народа, который он совершил в годы Великой Отечественной войны. Воспоминания фронтовиков, защитников Ленинграда, жителей и детей, переживших в нем страшную блокаду - это только одна страница военного времени, но страница очень весомая и значимая. Особую актуальность эта книга приобретает в наше время, когда находятся люди, посягающие на славу армии и народа. Они пытаются переписать историю Великой Отечественной войны, преуменьшить роль Советского Союза в разгроме гитлеровской Германии, умалять значение обороны Ленинграда, бросить тень на его защитников и блокадников.

Но жизнь все и всех расставляет по своим местам. Великое видится лучше на расстоянии. Поэтому время уходит, а память человеческая остается и потомки всегда будут с благодарностью вспоминать подвиги своих предков, хранить память о былом лихолетье, свято чтить традиции, которые позволили советским людям выстоять и победить

в те времена, о которых рассказывают нам авторы этой книги. Совет Межрегиональной Санкт - Петербурга и Ленинградской области организации ветеранов Всероссийской общественной организации ветеранов (пенсионеров) войны, труда, Вооруженных сил и правоохранительных органов выражает глубокую признательность руководству и депутатам МО Пискаревка за подготовку и издание этой книги. Отрадно, что именно они сделали такое благородное дело. Для ветеранов Великой Отечественной войны, защитников и жителей блокадного Ленинграда Пискаревка - это не просто муниципальное образование. Для них - это в первую очередь городская святыня - Пискаревское мемориальное кладбище, где они ежегодно встречаются и в светлые праздники и в траурные дни, вспоминают свою молодость и друзей, отдавших жизнь во славу Родины и за будущее нынешнего поколения. Уверен, что книга послужит живительным бальзамом живым и достойным памятником павшим и не дожившим до наших дней.

Павел Михайлович БОРОДУЛИН

30 сентября, в самом разгаре работы по выпуску в свет второго тома «Памяти сердца», от нас ушел Павел Михайлович Бородулин. Он уже не увидит рассказа о себе на страницах этой книги. Из жизни ушел чуткий и внимательный человек, любимый муж и отец. Ветеран Великой Отечественной войны, до 70 лет он продолжал трудиться, не оставляя родной завод «Трудового Знамени» имени Лепсе. Павел Михайлович пользовался заслуженным авторитетом и уважением среди коллег. Как победителя соцсоревнования, 30 июля 1955 года его заслуги были отмечены в газете «Вечерний Ленинград», неоднократно его успехи отмечались в заводской газете «Трудовое знамя».

Павел Михайлович был мужественным человеком и хорошим товарищем. Его ценили друзья, в сердцах всех, кто его знал, он оставил добрую память. Павел Михайлович с женой, Евдокией Ивановной, вместе прожили 57 светлых лет, зная, что всегда могут положиться друг на друга. Вместе они воспитали двух дочерей и двух внуков. Евдокия Ивановна называет его «идеальным семьянином». Только родные могут добавить то, что видно в узком кругу самых близких, что больше всего характеризует человека. Ведь по-настоящему человека знают те, кто всегда рядом.

Отец Павла Михайловича был пекарем, а мама – прислугой в барской семье, от них он научился прекрасно готовить. И потом, радовал близких своим кулинарным искусством. Евдокия Ивановна могла уезжать в отпуск, оставив хозяйство на мужа, зная, что

все сохранится в идеальном порядке, а дети будут накормлены. Павел Михайлович был страстным коллекционером. Выйдя на пенсию, он строил модели замков. Человек с чистой душой, он умел найти общий язык с детьми и внуками, увлечь, превратить будний день в праздник.

Павел Михайлович Бородулин родился в 1920 году в Петрограде.

В 1938 он окончил ФЗУ и устроился работать формовщиком в литейный цех на завод имени Лепсе. В 1940 году

Павла призвали в армию и направили в авиационное подразделение в Стрельне, а затем в инженерную часть на аэродром города Пярну. Когда началась война, он попал на Ленинградский фронт, где строил аэродромы. Из-за сильных бомбежек приходилось работать по ночам. В 1942 Павла перевели в Кронштадт – в 1-й Морской отряд автоматчиков. В январе 1943 он участвовал в прорыве блокады Ленинграда. За участие во взятии Синявинских высот, Павел Михайлович награжден медалью «За отвагу». После артподготовки на штурм высот шли одни автоматчики – танки не могли помочь из-за непроходимых болот. В бою под Красным Бором, он получил ранение. После госпиталя вернулся в часть и принял участия в боях за Карельский перешеек. Получил ранение в ногу, снова попал в госпиталь. Чудом избежав ампутации, через несколько месяцев Павел снова оказался на фронте.

Осенью 1944 года он участвовал в прорыве на Карельский перешеек через Лодейное поле. Когда войска форсировали реку Свирь, подразделение Павла наводило переправу из бревен, прокладывало через болота

гати для танков. Войну он закончил под Кенигсбергом. В мае 1945 Павла Михайловича наградили медалью «За победу над Германией».

Павел вернулся в Ленинград, на родной завод имени Лепсе. Его будущая жена, Евдокия Ивановна, до эвакуации в 42-м году, находилась в блокадном Ленинграде. Снова в Ленинград она вернулась в 1944. Работала плотником в Стройтресте №16 до 48-го года, а в 49-м из-за травмы перешла на завод имени Лепсе. Работала крановщицей, обслуживала литейный и формовочный цех, начальником которого тогда был Павел Михайлович. Они познакомились, а вскоре сыграли свадьбу. В 1950 году на свет появилась их дочь Татьяна, а в 1960 – дочь Ирина. В 2000 году Павел и Евдокия отмечали золотую свадьбу. Сейчас их внуки, Юрий – учится в колледже, а младший, Костя, пошел в 5-й класс.

Вместе с родными мы скорбим об утрате. И воздаем должное замечательному человеку, Павлу Михайловичу Бородулину, сохраняя светлую память о нем в «Памяти сердца».

Николай Васильевич КЛИНИХИН

Николай Васильевич Клинихин, человек удивительной и горькой судьбы, словно связан Петербургом. Он был частичкой исторических событий, не меняя их хода, но являясь неотъемлемой их частью.

Кажется, его всегда можно увидеть на старом фотоснимке, в кадрах кинохроники. Младенцем, он побывал в царском Петербурге. За прожитое Николаем Васильевичем время, город пережил потрясения и беды, дважды менял названия, вернувшись к исконному. Переживал и свои, человеческие потрясения и беды Николай Васильевич Клинихин.

Он родился в 1912 году. Выцветшие глаза старика видели картины, знакомые людям младших поколений по рисункам, фотографиям, сценам из фильмов. Он здоровался с Кировым, идущим в Смольный, читал газеты, к которым теперь обращаются историки. Уже за это Николай Васильевич заслуживает уважения и внимания. Но его глаза видели и непередаваемо страшные события.

Те, кто сражались на Невском плацдарме и в Красном бору, прошли через ад, потеряв друзей и самих себя.

Семья Клинихиных, родители и трое детей, жили в Некоузском районе Ярославской области. Каждую зиму Василий Клинихин, отец Николая, уезжал в Петербург на заработки. Он работал на заводе, где выпускали квас, развозил продукцию по столовым. Впервые Николай приехал в Петербург еще в 2-летнем возрасте, когда отец уговорил семью ехать с ним в город.

Началась Первая Мировая война, Василия Клинихина призвали на фронт. В 1914 году он погиб. Мать осталась с тремя детьми

в чужом городе. Семья бедствовала, поэтому вернулась в деревню.

Николай вырос без отца, учился в школе, летом пас овец за небольшую плату.

Петербург стал Петроградом, мостовые окропились кровью, прогремела Октябрьская революция, от ран умер Ленин, город называли Ленинградом. Когда Николаю исполнилось 16 лет, он снова оказался в городе, ставшим совсем другим – послереволюционном Ленинграде.

Николай выучился профессии, устроился дежурным водопроводчиком в студгородке, получил комнату в общежитии.

Он работал в Сантехбюро, Николая Васильевича ценили за его мастерство. В Колтушах он делал отопление в помещении для животных у академика Павлова. О великом ученом Николай Васильевич отзывался как о простом и доброжелательном человеке. Утром, по пути на работу, Николай Васильевич часто встречал Кирова, который всегда здоровался с рабочими и приветливо улыбался. Николай Васильевич рассказывал дочери, как в 34-м году, в день смерти Кирова остановилось движение, вспоминал растерянных людей.

В 1937 году Николай встретился с костромской девушкой Фаиной, приехавшей как и он сам, найти себе место в большом городе. Вскоре они поженились, и в 1939 году у них родился первенец – Коля. До войны оставались считанные месяцы.

Николай Васильевич вспоминает: «Меня вызвали в военкомат и направили на полигон, там три недели учили обслуживать ору-

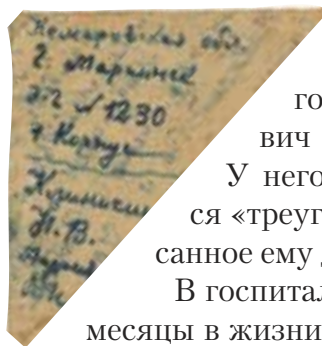

дия береговой обороны. После обучения меня отправили в Кронштадт, на батарею береговой охраны, затем определили в 11 стрелковую бригаду морской пехоты. В декабре нашу бригаду, как подкрепление, отправили в Невскую Дубровку. Бои шли день и ночь. Через Невский плацдарм враг пытался пробиться в осажденный город. Немцы стояли на правом берегу, мы на левом. Лед, весь усеянный телами погибших моряков, стал красным от крови».

Дочь Людмила вспоминает: «Папа рассказывал, как в 42-м его ненадолго отпустили в город. Ленинград представлял собой страшное зрелище. Трупы на улицах, попадались оторванные части тел прямо на дороге. Голодные ленинградцы выглядели ужасно».

26 января 1943 года Николай Васильевич получил минно-осколочное ранение в ногу. Он 18 часов лежал в снегу, истекая кровью, пока не стемнело, только тогда его смогли подобрать. Он попал в госпиталь. После излечения Николая направили связистом в 224 дивизию, расположенную в Красном Бору. Наши войска там пытались пробить брешь в блокадном кольце. Шли жестокие бои, вскоре Николай Васильевич снова получил ранение. На этот раз, рана оказалась очень серьезной. Николай Васильевич вспоминает: «Это была разрывная пуля, выпущенная из немецкой снайперской винтовки. Я лежал, понимая – ноги у меня уже нет. Самым страшным днем в моей жизни был день, когда у меня отняли ногу».

В полевом госпитале Николаю Васильевичу ампутировали левую ногу. Его отправили в Ленинград, оттуда в город Сокол Вологодской

области и дальше, в Сибирь. До марта 1944 года Николай Васильевич оставался в госпитале. У него до сих пор сохранился «треугольник», письмо, написанное ему другом в госпиталь.

В госпитале прошли тяжелейшие месяцы в жизни сержанта Николая Васильевича. Война отобрала у него перспективы, красоту, молодость. Он говорит: «Мы просто выстояли. Нас убивали, а мы честно исполняли свой долг. Просто не пустили врага. Защитили город».

Николая Васильевича выписали из госпиталя, к жене он вернулся на костылях. Некоторое время они жили у ее родителей, но голод и бедность погнали их на родину мужа, в Некоузский район.

После войны не хватало мужчин. Николай Васильевич, даже на одной ноге, нашел в себе силы работать, как здоровый. На одной ноге он крыл жестью крыши, без протеза косил серпом, с другом, тоже инвалидом войны, они ходили по деревням, брались за любую работу.

В 1950 году родилась дочь, Людмила. Николай Васильевич пытался вернуться в Ленинград, но встретился с черствостью чиновников. Ему, как инвалиду, предлагали работу сторожа, с мизерным окладом. Герой войны не смог достучаться до людских сердец и вернулся в Костромскую область. Снова и снова Николаю Васильевичу приходилось сталкиваться с непониманием, жестокостью и черствостью – чиновников, врачей, власть имущих. Он не умел требовать, веря, что человеку должно воздаваться по заслугам.

Николай Васильевич в госпитале (слева)

В 1966 году, Николай Васильевич переехал в город Данилов, купив старый дом на Раменской улице. Его тянуло в Ленинград, но места для него не находилось. Махнув рукой, Николай Васильевич остался в Данилове, где жил, пока вышедшая замуж за ленинградца дочь не стала забирать отца к себе. Пока позволяло здоровье, он приезжал только на зиму, когда же ему стало трудно заботиться о себе, он переехал в Петербург навсегда. На 60-летие Победы, Николаю Васильевичу выделили квартиру.

Дочь Людмила говорит про отца: «до последних месяцев, он старался все делать сам

и помогать другим, даже готовил еду и стирал».

К сожалению, немного смог рассказать Николай Васильевич. Ветераны оставляют нас один за другим, словно на алтаре выгорают свечи. И становится горько, что за короткое время, которое создавалась книга, ушли уже двое.

Николай Васильевич Клинихин награжден орденом «Отечественной войны» I степени, нагрудными знаками «Морская пехота», «Невский плацдарм» и «Невская дубровка», медалями: «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией» и юбилейными медалями.

Николай Васильевич с сотрудниками Сантехбюро

Николай Яковлевич РЕДКОБОРОДОВ

Редкобородов Николай Яковлевич, известный в нашей стране и за рубежом штурман знаменитой подводной лодки «С-13», командиром которой был «подводник №1», личный враг Гитлера, Александр Иванович Маринеско.

Николай Яковлевич Редкобородов родился у самого Черного моря в городе своего имени – Николаеве, в семье моряка – боцмана подводника.

У Николая было трудное детство. В два года он остался без матери, с двумя братьями и двумя сестрами.

И жизнь продолжалась с отцом и теткой, у которой было двое своих детей. Несмотря на все трудности Коля вырос добрым и способным к учебе. Прекрасно закончив школу, он решил идти по стопам отца и по комсомольской путевке приехал в Ленинград, которому отдал около 65 лет жизни. Николай поступает в Высшее военно-морское училище им. М.В.Фрунзе, заканчивает его сталинским стипендиатом в конце марта грозового военного 1941 года.

Он окупился в будни войны, еще не успев приобрести опыта, но любовь к морю, врожденный талант, смелость, точность, принципиальность помогли ему постигать науку побеждать. Свой первый боевой поход офицер Редкобородов совершил на подводной лодке, которой командовал знаменитый подводник Руссин, и получил первую боевую награду.

Чтобы найти выход в море, нужна была разведка минно-сетевых заграждений, установленных противником.

Морозным февралем 1943 года Николай Яковлевич начал свою легендарную штурманскую эпопею на «С-13», которую с честью пронес до октября победного 1945 года.

А вот как вспоминает о легендарной «атаке века» штурман «С-13» Н.Я. Редкобородов: «Начну с эпизода, который раньше нигде не упоминался. 30 января под вечер вахтенный сигнальщик Виноградов обнаружил цепь белых

огней. Командир приказал готовиться к торпедной атаке. Но тут акустик Шнапцев доложил, что слева слышит шум винтов предположительно крейсера, и командир решил перенацелить атаку. Мы с ним стояли на мостике – погода была злая, ни зги не видно – шторм, ветер 8-9 баллов и холодрыга. В ночной бинокль, а он у нас был единственный, Маринеско разглядел большой транспорт, определив лайнер водоизмещением около 20 тысяч тонн, – ненамного ошибся. Командир задумал атаку с левого борта, со стороны берега, с мелководья – это было рискованно, но отсюда удара явно не ждали. Далее были два часа погони, о которой теперь и стихи пишут, и песни поют. Но тогда на предельной скорости нам было не до того. Догнали. Легли на боевой курс. В 23:08 торпедный залп из носовых аппаратов. Примерно через минуту три

торпеды, попавшие в левый борт, взорвались. Темно-красные столбы разрывов постепенно меняли цвет в желтый и белый. Лайнер (а это был «Вильгельм Густлофф») потерял ход и завалился на левый борт. Раздался свистящий низкий звук выходящего из всех отверстий воздуха. На мостике мы с командиром и старпомом Ефременковым, сигнальщиками Виноградовым и Волковым замерли от страшного зрелища. Но Маринеско быстро скомандовал срочное погружение, тут же акустик сообщил, что слышит винты атакующего противника... До 4 часов утра они «утюжили» нас, но только командир и тут их обхитрил: немцы, зная наши возможности, педантично нацеливали глубинные бомбы на 30, 60, 90 метров, а Маринеско маневрировал на 15 метрах. И хотя от близких разрывов лопались лампочки и поднималась пыль, никто не получил даже контузии. Мы крутились, как белка в колесе, пока не удалось уйти на глубину невредимыми. После этого поход продолжился и, как вы знаете, мы пустили на дно двумя торпедами крупный транспорт «Генерал фон Штойбен». Мы его ночью сначала приняли за крейсер. Атака наша стала для него такой внезапной, что корабли охранения не смогли обнаружить лодку, и мы ушли полным ходом. Вот кратко о том, что называют теперь «Атакой века». Так Маринеско стал личным врагом Гитлера, а в Германии был объявлен трехдневный траур по погибшим на «Густлоффе», как по Сталинградским потерям фюрера... Вот вы спрашиваете меня о блокаде. Лодка стояла на Неве. Было трудно. Хлебная норма – 300 граммов. А ведь постоянно надо поддерживать боеспособность корабля. В море было легче – в походе хлеба давали с приварком, почти как в мирное время. Не хочу говорить громких слов, но мы были готовы на все ради Победы. Командир для нас был царь и Бог. В море с ним было легко и надежно. В экипаже никто не мог сказать о нем плохого слова. Он был сильной личностью. Выучка экипажа была удивитель-

Группа курсантов – сталинских степендиатов ВВМУ им. Фрунзе.

Слева направо: К.Т. Титов, Н.Я. Редкобородов, Ш.С. Сулейманов, Н.И. Ямщиков, В.И. Новак

ной. Здесь роль Маринеско неопределима. Это я говорю вам, как на духу. Пусть о Маринеско помнят только хорошее. Это наш национальный Герой, настоящий Герой Советского Союза, пусть и посмертно. Будем считать – справедливость восторжествовала. Экипаж всегда в это верил и никогда не предавал своего командира».

Николай Яковлевич Редкобородов, кроме большого числа медалей, награжден двумя орденами «Красной Звезды», двумя орденами «Красного Знамени» и орденом «Отечественной войны II степени».

После войны Н.Я. Редкобородов продолжал служить на подводных лодках. А затем, после демобилизации, он был редактором в учреждениях Военно-Морского флота, диспетчером и ведущим инженером в организациях судостроительной промышленности. В работе проявил себя рационализатором и прекрасным специалистом-картографом.

Не сбылась мечта Николая Яковлевича Редкобородова – дожить до 60-летия «Атаки века» и 59-й годовщины Дня Победы. 28 сентября 2004 года он ушел из жизни. Похоронен на Богословском кладбище, как и его командир Александр Иванович Маринеско.

О службе и подвигах моряков ПЛ «С-13» написано много книг, это и «Капитан дальнего плавания» А. Крона, «Триумф и трагедия Александра Маринеско» В. Геманова, за которую он получил премию «Александр Невский»... Уже много лет, 25 ноября, в «День Командира», а 30 января – в праздник «Атаки века» – театр «Родом из блокады» проводит на сценах нашего города и на радио концерты-выступления, посвященные Маринеско и его боевым товарищам. Петербуржцы, блокадники и ветераны благодарны коллективу театра, его директору Л.И. Демидовой, художественному руководителю М.Л. Алпатову – «почетному члену экипажа ПЛ «С-13».

В муниципальном округе «Пискаревка» живет вдова Николая Яковлевича Редкобородова – Валентина Васильевна Егорова. Она принимает активное участие в мероприятиях, связанных с увековечиванием памяти ушедших от нас моряков. Валентина Васильевна присутствовала при закладке памятного камня на Аллее Подводников на проспекте Мечникова. И приходит туда, когда моряки и общественность отмечают очередную

годовщину со дня гибели подводных лодок в послевоенный период. Она часто бывает в государственном Музее подводных сил России им. А.И. Маринеско, детище Николая Яковлевича Редкобородова, Олега Александровича Мокрякова, Владимира Николаевича Борисова и других славных подводников. Много документов и экспонатов передали они этому музею.

Так вспомним, как бились подлодки,
как кровью вскипала волна
Долой бескозырки, пилотки – пусть помнится
эта война!
Нет с нами давно Маринеско, но слышатся
песни слова,
О подвиге славном известно!
Всегда «С-13» жива!

Материал написан Л.Н. Третьяковой при содействии В.В. Егоровой, вдовы штурмана, и по отрывкам воспоминаний Н.Я. Редкобородова, опубликованных в рассказе «Увертюра к Дню Победы» из книги М.Л. Алпатова «Мои кумиры и герои»

*Встреча ветеранов-подводников с молодежной аудиторией.
Слева направо: В.Прудников (третий), Н.Редкобородов (четвертый)*

От буденовки до папахи...

Григорий Яковлевич ГАМПОЯН

Я родился 11 сентября в 1916-м году. Закончил 8-летку и поступил в Фабрично-заводское училище, выучился на судового машиниста. С 34-го года по 35-й ходил, сначала на пароходе Грозный в Ростове, затем на пароходе Кубанец в Краснодаре. Поступил на Строительный рабфак. 11 сентября 1937-го меня призвали на службу и определили в Белорусский Закавказский военный округ командиром отделения 10-го отдельного саперного батальона. Службу должен был закончить в 39-м, подошло время демобилизации, но... Подъем, тревога! Нас погрузили на машины, отвезли к границе. Это был поход освобождения Западной Белоруссии, тогда она находилась в составе Польши. Народ встречал нас очень хорошо. И вот, снова ждем демобилизации, дело уже к зиме и снова... Подъем, тревога!

Нас погрузили в эшелоны и вперед, вперед. Помню, как проезжали ленинградские мосты, когда подъезжали к финской границе. Нас высадили у станции Грузино. До границы мы отправились пешком. Шли молодые и пожилые, поэтому очень растянулись. Когда подошли к границе, предупредили, что работают «кукушки» – снайперы, устраивающиеся на высоких деревьях. И командование сказал: «Отставать нельзя! Тех, кто отстает, отстреливают финские снайперы». Конечно, мы пошли плотнее и гораздо быстрее. Перешли на территорию Финляндии и увидели такую картину:

русские солдаты катаются на велосипедах, живут в землянках. Финны оставили на подступах хорошие дома и заминировали все. Открыл дверь – взорвался, затопил печку – взорвался, тронул велосипед оставленный – взорвался. Очень многие русские так погибли. Я был в группе минеров, имел дело с минами, как и другие молодые, а взрослые боялись, они занимались земляными работами, строили переправы.

Устроились и мы. 30-градусный мороз, нужно помыться – натянута палатка, на полу солома и две бочки – с горячей и холодной водой, над головой летят снаряды. Хлеб замерзал, его не брал нож. Резали кусками и делили так: один отворачивается, его спрашивают: «чей хлеб?», он называет имя, не глядя берет кусок и отдает названному. Выдавали нам и «наркомовский подарок»: 100 грамм водки и 100 грамм колбасы. Мы занимались земляными работами, разминированием. Пальцы дубеют на морозе, а нужно держать пружину, если упустишь, мина взорвется. После этого, мало что останется.

Рядом с нашими, располагались землянки артиллеристов и, однажды просыпаемся, а нам кричат: «Саперики! Сегодня заканчивается война!» Даже боялись верить. Приехал комиссар из штаба, подтвердил. И снова, пешком, пошли обратно. Думаем, пора уж и домой, а нас опять в теплушки. Привезли в Москву, помыли, выдали смену белья... и опять повезли.

Память сердца

Мы доехали до Ростова, не свернули, до Минеральных Вод, снова нет, повезли нас через Махачкалу, Азербайджан, Грузию и в Армению, прямо в Ленинакан. Сколько ехали в этих теплушках, в зимней форме, в жару. А в Ленинакане уже много войск, все сняты с Финляндии, потому что более-менее опытные, научившиеся воевать. Тогда Турция начала «шуметь» на сухопутной границе. Ждем – ничего, до мая месяца ждем, разговоры уже: «Побойтесь Бога, сколько же можно! Сколько лишнего уже служим!»

Турки так и не осмелились, по слухам, из-за парада военной техники прошедшего на Красной площади. Опасность миновала. Выстроили наш батальон, команда: «Старослужащие, два шага вперед! Собирайтесь».

Вернулся в Краснодар, немного отдохнул. Нужно было устраиваться на работу, и с декабря 40-го по ноябрь 41-го я был инструктором стрелкового спорта. А 22-го июня в 12 часов, слушал выступление Молотова.

Пошли повестки, свою я ждал-ждал, наконец не выдержал, чтоб не приняли за дезертира, сам пришел в военкомат. Мне сказали ждать, наконец вызвали, непонятно почему, отправили рыть окопы под Краснодар, станция Крымская. С ноября 41-го, по май 42-го был помощником старшины в саперном батальоне. В мае 42-го, отправили на курсы в военное училище. И в октябре же 42-го, на Южный фронт, командиром отделения. Об этом времени воспоминания обрывочные, из-за ранения. Помню, как шли пешком до Астрахани, затем Калмыкия, Сальск, все пешком, дошли до Ростова. Когда подходили к Элисте, столице Калмыкии, она вся горела. Войти в нее было невозможно, спали прямо в снегу. По двое, спина к спине, в сугробе. К Ростову подошли, река Дон была еще замерзшая. Утром, на рассвете, начали переправляться. Нас встречали, обнимали, целовали. На главной улице я вспомнил, как работал здесь на пароходе Грозный, свою тетю, что жила у вокза-

ла. Попросил встречную девочку найти мою тетю и передать от меня послание. И, как узнал уже после войны, девочка все исполнила и передала – такие были люди.

Весной 43-го, в районе реки Миус, когда делали наблюдательный пункт, его накрыла артиллерия. Прямое попадание, солдата убило, меня отшвырнуло волной. Я посмотрел, увидел свою кровь, подставил ладонь – набралась полная. Пошел, встретил командира, он сказал: «Беги скорее в санчасть». Потом он посмотрел на меня и добавил: «Гампоян, ты будешь жить долго». Так и получилось.

Но после контузии помню мало. Как разведка доложила, что немцы собираются вести наступление у моста через Миус, и вызвали мое подразделение. Приказали мост готовить к взрыву, но с условием, чтоб наших войск не осталось на той стороне, и чтоб фашисты не подошли к мосту. Дежурили ночь, но мост взрывать не пришлось. Было много работ по минированию и разминированию. Наши инструменты – металлоискатель и щуп, часто приходилось временно разминировать коридоры в минных полях для наших разведчиков. На реке Миус прошла основная часть моей службы.

С мая по август 43-го – помощник командира взвода, 192-й отдельного саперного батальона. В августе 43-го, приказом меня отправили, учиться в Артиллерийском училище. С мая по октябрь 45-го – Юго-Западный округ ПВО, Техник по приборам в Управлении 45-й дивизии ПВО.

В 1962-м – вышел на пенсию, но продолжал служить в своей части до 85-ти лет и только в 2001 году ушел на заслуженный отдых в звании подполковника.

Сейчас – я подполковник в отставке, награжден двумя медалями «За боевые заслуги», медалью Жукова, орденом «Красной Звезды», орденом «Отечественной Войны» II степени.

В логове врага

Николай Андреевич КАРПОВ

Еще в детстве, в годы школьной учебы, Николай Андреевич Карпов мечтал стать летчиком. Окрыленный этой мечтой, он занимался в авиамodelьном кружке, после школы занимался в аэроклубе, летал на планерах, прыгал с парашютом.

В 1943 г. он добровольцем ушел в армию, окончил школу младших авиаспециалистов, стал авиамотористом.

Хорошее состояние здоровья, спортивная подготовка (1 разряд по боксу, 2-ой – по гимнастике), учеба в аэроклубе, наличие прыжков, налет часов – все способствовало его службе в авиации, но судьба распорядилась иначе.

Николай рвался на фронт и попал в пехоту. В августе 1944 он воевал в Прибалтике, в апреле 1945 – на 1-ом Белорусском фронте, освобождал Варшаву, участвовал во взятии Берлина.

Он принимал участие в форсировании Одера, когда из 70 человек роты живыми перебрались на другую сторону только двенадцать. Потом им «подбросили» еще людей, и они отражали в течение полумесяца по 7–8 атак в сутки. За те события Николая наградили орденом «Славы III степени».

Памятен ветерану другой эпизод, когда он в роли парламентаря ходил в логово врага. В конце апреля 1945 на пути его полка в пригороде Берлина оказалась какая-то крепость, нечто вроде старинного замка с толстыми стенами, бойницами, с внешней сто-

роны, окруженного кольцом траншей, которые немцы занимали днем, выходя по ходам сообщения из крепости. Крепость имела полугодовой запас продуктов, большое количество боеприпасов, могла выдержать длительную осаду.

Командование дивизии и полка, учитывая безнадежность сопротивления гарнизона крепости и во избежание больших потерь, решило послать в крепость парламентаря с предложением о сдаче.

Парламентарями пошли добровольцы: капитан (переводчик) и трое солдат, в т.ч. и Н.А. Карпов. До крепости было около 200 метров пешком. В пути одного солдата ранило, он вернулся назад, а остальные продолжили путь. Наши, затем и немцы, прекратили огонь. Парламентары дошли до немецкой траншеи, спустились в нее, у них отобрали оружие, завязали глаза и повели в крепость. Они, держась за руки, чтоб не упасть, долго поднимались по металлической винтовой лестнице. Наверху их снова обыскали, через 15–20 минут ввели в какое-то помещение и сняли повязки.

Они оказались в большой комнате, в которой за длинным столом сидели 10 военных и штатских – командование крепости.

Их посадили в кресла и капитан, старший группы, стал на немецком излагать цель миссии парламентарей.

Кругом на них взирали хмурые, суровые лица. Немцы плохо понимали капитана и вы-

звали своего переводчика, владевшего русским языком и переводившего слова капитана.

Смысл переговоров был прост: Берлин пал, сопротивление бессмысленно, во избежание лишних потерь крепость должна капитулировать, в этом случае гарантируется жизнь. Парламентерам снова завязали глаза, вывели в коридор, а через 20 мин вновь ввели в комнату и сняли повязки.

Командующий крепостью – генерал, через переводчика передал соглашение на прекращение сопротивления и с нашими парламентарями отправил своего, для того, чтобы уточнить процесс сдачи крепости и гарантии.

Снова повторились процедуры: повязки, вывод в траншею, снятие повязок, возврат оружия. Снова наши парламентарии видели глаза немцев, некоторые смотрели с любопытством, некоторые с нескрываемой ненавистью, но у всех на лицах были следы отрешенности, огромной усталости.

Наши парламентарии шли, не оглядываясь, но и не забывая о возможности получить пулю в спину от какого-нибудь фанатика.

После дополнительных переговоров крепость капитулировала, было взято много пленных и трофеев.

Отгремели последние залпы войны, начались армейские будни, а затем учеба в Бакинском пехотном училище, которое Николай Андреевич окончил в 1957.

И тут ему повезло – командиром взвода Николай попал в десантные войска, снова оказавшись в родной стихии.

В 1956 в качестве десантника участвовал в событиях в одной горячей точке за рубежом, затем служил в ГДР и последние годы в штабе ЛенВО, после чего ушел в отставку.

29 лет он посвятил службе в армии, пройдя путь от рядового до майора, от солдата до офицера штаба округа, затем 14 лет посвятил мирному труду.

Он – ветеран Великой Отечественной войны и труда, кавалер более двух десятков правительственных наград, на лацкане его костюма знак парашютиста (более 200 прыжков), немало поощрений в его трудовой книжке.

Николай Андреевич Карпов был хорошим человеком, хорошим семьянином, вместе с женой воспитал трех дочерей. Но сегодня его нет с нами, потому что в 2001 году он скоропостижно ушел из жизни, о чем скорбят и помнят его родные, близкие, друзья.

*Ну что за боль!
Ведь столько лет прошло.
И сколько раз победа отзвучала.
А мы опять спешим в свое начало
Себе и даже времени назло.
Давно остыла полковая медь.
Ну что еще отыщешь у истоков.
Жизнь столько преподносит нам уроков,
Что их не хватит жизни одолеть.
Вы правы, правы: нечего туду...
К тому же помню:
в первые мгновенья
Не болью, страхом помнится раненье.*

*А боль, – она придет через года.
И отойдет в каком-нибудь году.
Пока же, по-немецки пунктуальна,
Она свою верностью печальной
Былое крепко держит на виду.
Ну что ж, она, как мы, не на века.
Да и не раньше нас свое отвертит.
У человека нет привычки к смерти,
А к остальному можно привыкать.
И боль – не боль, когда привычкой стало
Счастливым быть из страшного числа
Тех, у которых боль уже прошла,
А может, и возникнуть опоздала.*

Герман ГОППЕ

Мужчины отказывались верить, что мы тоже воевали...

Ираида Никифоровна ГОРБЕНКО

Я родилась в 1923 году в Ленинграде. С родителями и моими четырьмя сестрами, мы дружно жили в выданной отцу отдельной квартире в доме 21/4 на Малой Посадской улице.

Начало войны совпало с окончанием школы. Я собиралась поступить в институт, но мечты разрушила война. 22 июня с подругами пошли гулять в Летний сад, и удивились тишине. Мы вышли к Троицкому мосту, вокруг репродуктора собралась толпа, и все говорили: «Война! Война!». Мы побежали домой, конечно, еще ничего не понимая. А вскоре начались бомбежки. Ночью диверсант выпустил осветительную ракету с хлебозавода, расположенного рядом с домом, и здание сразу разбомбили. Мы выскочили среди ночи и увидели – все горит. Но страха мы еще не чувствовали.

Бомбежки стали регулярными. В соседний дом попала фугасная бомба, стены остались, а перекрытия этажей обрушились внутрь, завалив бомбоубежище. Несколько дней из-под завала слышались крики, но не было возможности помочь. Из-за этого мы решили не пользоваться бомбоубежищем, уходили к черному ходу, оставались в длинном коридоре, пока не заканчивалась бомбежка.

Потом началась блокада. В самое тяжелое время, когда давали нам по 125 грамм

хлеба, я пошла на завод «Новый строитель», работала там до 1942-го. Устроилась сверловщицей, делала мины. Все были такие патриотки! Работали и ночью, спали под станком. Рвались на фронт, но нас еще не брали по возрасту.

Когда начался голод, жили на хлебе, делили поровну. Папа сделал печку-чугуночку, на ней сушили хлеб. Кусочки делили на три раза и, как с сахаром, пили с ними кипяток. Чтоб согреться – приносили кирпичи, грели у чугунки, потом обкладывались ими. Мебель распилили на дрова, оставили только кровати.

В квартире снизу жила моя крестная, когда она умерла, дочь вынесла ее на черный ход. Мама сказала нам с сестрой: «Доченьки, свезите ее хоть к Народному дому». Это у бывшего кинотеатра «Великан», туда свозили мертвых, потом отвозили на Пискаревку. Когда на санях привезли крестную, увидели горы мертвых и заплакали. А двое военных моряков спросили, не мать ли это и сказали: «Что поделать – война. Ну, не расстраивайтесь, победим скоро». Но война еще только начиналась.

В конце марта 42-го года мы решили эвакуироваться. 60 человек ехали в вагоне-телятнике. Останавливались на полустанках, оставляли трупы – по дороге все время умирали люди. Сталин издал указ: «всех ленинградцев везти на Кавказ», и нас привезли в Ордженикидзов-

В конце марта 42-го года мы решили эвакуироваться. 60 человек ехали в вагоне-телятнике. Останавливались на полустанках, оставляли трупы – по дороге все время умирали люди. Сталин издал указ: «всех ленинградцев везти на Кавказ», и нас привезли в Ордженикидзов-

ский край. Там встречали так хорошо, даже не передать. Поместили в здании школы, выдали «микояновский» паек, но пробыли мы всего месяц. Уже приближались немцы, но снова эвакуировали. Приехали в Казань, тоже пробыли около месяца. Сестра пошла в военкомат и отправилась учиться в школу радистов, я сказала отцу, что хочу в армию и пошла добровольцем. Меня отправили под Москву.

В городе Ярцево мы проходили подготовку в ОЖДСБ. Наш командир, майор Крылова, хотела создать женский батальон. В 6 утра подъем, гнали на улицу в 40-градусный мороз. Учили стрелять, бегать, ползать, заворачивать портянки. Если сотрешь ноги, отморозишь руки – наказывали, отправляли в наряд. Выдали шинели и кирзовые сапоги, которые постоянно промокали. Кормили плохо – суп из картофельных очисток, плохая каша. Спали мы на деревянных нарах, вместо матрасов – стелили портянки, чтоб к утру высохли, укрывались шинелями. Ночью часто поднимали – приходилось вскакивать, одеваться, а успеть нужно пока не догорит спичка в пальцах командира.

Прибыла комиссия, мы провели учебный бой. Шли 60 километров, я везла станковый пулемет, была 2-м номером расчета. Все прошло хорошо, но потом майор Крылова пропала. Ходили слухи, что ее расстреляли. Задержали связную Крыловой, устроили показательный расстрел. Нам сказали, что установили ее связь с немцами.

Девушек батальона раскидали по разным подразделениям, отправили воевать вместе с мужчинами. Жили, как под землей – окопы глубиной два метра с огневыми точками, над головой плетенка из молодых березок, накрытая дерном, она же укрепляла стены и застилала пол, вырыты большие помещения под столовые – там стояли столы, можно было поесть. Мы считались передовой, конечно, начальники нас берегли, в атаку не посылали. Мы прикрывали наступление пу-

леметным огнем. А мужчины поражали отвагой, рвались вперед, как сумасшедшие. Тогда за Сталина готовы были сложить голову, рвались на танки и под огонь, половина погибала в атаке. Для меня все это время проходило, как в тумане. Кругом убитые, раненые – наши и немцы. После боя ходили, закапывали убитых.

В 44-м году нас отправили в Белоруссию, 111-й полк войск НКВД. На месте сразу предупредили – не выходить по одному человеку, только группами. Стреляли из-за угла, устраивали засады. Из нашего батальона в живых осталось 8 девушек.

Меня воспитали верующей, думаю, это хранило от ранений и гибели. В ноябре 44-го пришел приказ Сталина: «О снятии женщин с передовой», и меня перевели в Сибирь, г. Ачинск, в войска связи. Работала в штабе старшим писарем, регистрировала эшелоны, уходящие к Японии.

В ноябре 45-го нас отпустили домой. Сейчас смешно вспомнить: 15 суток ехала верхом на поезде – на крыше вагона, везла с собой мешок картошки и американские консервы. Когда оказалась у парадного своего дома, разрыдалась, силы оставили. Люди подходили, спрашивали, что со мной, а я и ответить не могла. Успокоилась, постучалась домой – меня даже не узнали сначала. А я зашла, подхватила маму и начала кружить ее.

Ираида Никифоровна с мужем

Началась мирная жизнь, но дома полупустые – все погибли, на улицах калеки. Старалась не говорить, что воевала. Мужчины относились с презрением, отказывались верить, что женщины тоже воевали. Называли нас офицерскими любовницами, считали, что все мы сидели по штабам. Но мы были наравне со всеми и погибали, как все. Я не видела войны, как в кино, с отдыхом после боя, артистами, выступающими на передовой. А ведь на передовой я пробыла полтора года. Там мы жили, как в забытии. После боя измученные, усталые, просто валялись спать в окопах. Праздников у нас не было.

В Ленинграде я поступила в Железнодорожный институт, там познакомилась с будущим мужем и в 1954-м вышла замуж. После института 25 лет отработала инженером в НИИ №303. Вырастила дочку и внука. Мой муж, Игорь Григорьевич, блокадник, написал мне эти стихи:

*Пережив потери, беды,
Что бывали на войне
Ты ковала День Победы,
Ради счастья на земле.*

*Вместе с армией ковала
И со всей большой страной,
Ты отважно воевала,
Защищая дом родной.*

*Призывы-панно звали ленинградцев держаться.
Мужество и стремление горожан к жизни и к победе защитили Ленинград*

Память сердца

Под покровом ночи

Василий Кириллович БЕРЕЖНОЙ

Бережной Василий Кириллович – балтийский моряк, легендарный командир КМ (малого катера), кавалер трех десятков правительственных наград (пяти боевых орденов, в т.ч. медалей Ушакова, «За боевые заслуги»), участник обороны Ленинграда, защитник Кронштадтской крепости, 28 лет отдавший службе на флоте, прошел тернистый путь от матроса до капитана II ранга.

Уроженец одного из сел Харьковщины, он после школы и ФЗУ, в 1938 г. был призван для службы на флоте, окончил морпограншколу и в качестве командира отделения рулевых-сигнальщиков нес

службу на пограничном сторожевом корабле вдоль Тихоокеанского побережья нашей страны.

В 1940 был переведен на Балтику в Таллинн, где его застала война. В конце августа 1941 участвовал в переходе кораблей Балтфлота из Таллинна в Кронштадт. Морской охотник, на котором шел Василий Кириллович, подорвался на mine, а он был подобран из воды другим кораблем.

Всю войну Василий Кириллович Бережной «базировался» в Кронштадте, служил командиром КМ-907 ОВРа. Его «каэмка» выполняла свои боевые задачи только под покровом ночи. Не раз под огнем с моря, суши и воздуха шел он впереди подлодок или кораблей, траля по их курсу мины, в случае опасности прикрывая дымзавесой, высаживал десант (до 30

человек) или разведчиков, на побережье, занятое противником, вызывал огонь на себя, выявляя огневые точки врага, вел разведку, спасал экипажи тонущих кораблей и многое другое.

В условиях плохой видимости, в штормовую погоду, когда тонны воды обрушивались на катер, а яростные ветры били в борта, в задраенные иллюминаторы и люки, Василий Кириллович вел свою «каэмку» по заданному курсу; даже ремонт, переборку двигателя вели во время кратковременных стоянок, выходя по тревоге в море на одном моторе.

В памяти ветерана немало боевых эпизодов бывших флотских будней. Это и траление морского канала, Петергофского и Красногорского рейдов, сторожевая служба на них под лучами прожекторов и огнем противника. Он помнит пикирование «Юнкерса» на катер, когда с помощью дымзавесы удалось уклониться от бомб. И эпизод на море, когда выловили в воде нашего сбитого летчика с ценными документами. Как выходили с рейда с поврежденными реями и фалами, козырьком мостика, имея более двух десятков пулевых пробоин...

О боевых походах его «каэмки» много раз писали флотские газеты «Трап», «Балтиец», «Огневой щит», «Советский моряк» и др.

Осенью 1943 катер под его командованием выполнял задание разведотдела КБФ,

курсировал на переменных галсах под берегом Терийоки (Зеленогорск), вызывая на себя огонь противника. Наш наблюдатель-корректировщик на аэростате по вспышкам засекал огневые точки врага, передавал своим координаты, и артиллерия Северных фортов подавляла их.

Разведотделу также были нужны сведения о противнике, засевшем в поселке в Копорской губе. Несколько раз катер Василия Бережного высаживал на этот берег разведчиков, а через пару дней приходил и забирал их. При проведении операции КМ-907 сильно мешали прожекторы и огневые средства на мысе Дубовской и противоположном берегу, ибо, заслышав выхлопы моторов, немцы включали прожекторы и открывали огонь по катеру.

Пришлось пойти на хитрость. Раздобыли пару гофрированных шлангов, прикрепили их на выхлопных патрубках, на концы шлангов, опущенных в воду, подвесили груз – теперь выхлопы моторов были не слышны врагу.

Темной сентябрьской ночью КМ-907 вновь вышел в море и направился в Копорскую губу. При подходе к мысу Дубовской перешли на подводный выхлоп, и противник ничего не заметил. Катер должен был вывезти разведчиков, причем двоих забрать сразу, а остальных через двое суток. Эти двое должны были захватить немецкого наблюдателя, с которым обменивались световыми сигналами, входившие в губу немецкие катера.

КМ-907 подошел к нашему, стоявшему вдаль морскому охотнику, взял на буксир двухместный тузик (лодку), по команде офицера разведотдела подошел ближе к берегу, посадил в тузик двоих разведчиков, остальных шестерых в одноместные надувные лодки и отправил их.

С берега замелькали немецкие световые сигналы, запрашивающие позывные катера. Затягивая время, наш катер ответил бес-

смысленным набором сигналов, причем дважды. После этого немцы дали красную ракету, включили прожекторы и открыли огонь по катеру, но тузик и лодки были уже далеко. Катер выбросил за борт дымовые шашки, поставил дымзавесу и ушел малым ходом. Противник, видя черный дым, решил, что катер подбит, и прекратил огонь. Выждав некоторое время, катер снова вернулся на прежнюю точку, чтобы забрать разведчиков, и сразу же в борт ткнулся тузик и один из разведчиков передал на катер груз в мешке – это был захваченный язык. КМ-907 сразу же на малых оборотах вышел из губы, дал сигнал морскому охотнику и полным ходом направился на базу. После этого две недели ежедневно КМ-907 приходил в условленное время в эту точку, но безрезультатно. На пятые сутки после прихода катера, вблизи от Шепелевского маяка, на берег выбросило две надувные лодки с телами мертвых разведчиков. Командир катера похоронил их в деревне Шепелово.

В июне 1944 КМ-907 участвовала в высадке десанта на остров Тейкесаери в условиях минированных подходов и шквального

огня противника. При отходе от острова выловили из воды наших летчиков, покинувших горящий самолет на парашютах, которые прикрывали высадку десанта с воздуха.

Не раз КМ-907 встречал и тралил мины, но однажды черная рогатая смерть подстерегла и его. В августе 1944 катер, выполняя задание, подорвался на стоящей на якоре в подводном положении немецкой мине, переломился пополам и затонул. Оставшиеся в живых, контуженные моряки были подобраны из воды следующим позади катером. Последующую службу В.К. Бережной проходил на КМ-924. Немало было боевых эпизодов сопряженных с риском для жизни.

Последние несколько лет Василий Кириллович служил в подразделениях особого риска, а в 1965 году вышел в отставку.

Ветеран делает большую общественную работу, он всегда любил ее, ранее избирался депутатом горсовета одного из городов страны.

В 1999 Указом Президента РФ «за мужество и самоотверженность, проявленные при исполнении воинского долга в условиях, сопряженных с риском для жизни», как говорилось в Указе (имеется ввиду его служба в подразделениях особого риска) В.К. Бережной был награжден Орденом Мужества.

Война, да и послевоенная служба, изрядно подорвали здоровье ветерана, и в августе 2005 он ушел из жизни, оставив о себе неизгладимую память.

О нем скорбят товарищи, те, с кем он прошел войну, его жена и сын, многочисленные друзья.

Не впадайте в отчаянье, россы!
 Сохранились в церквах алтари,
 и когда-нибудь в бездне хаоса
 улыбнется нам отблеск зари.
 Доплывем, доберемся, дотужим
 до цветущего края лагун,
 милосердием сменится ужас,
 добротой рассеется бунт.
 Оживут оскверненные души,
 опаленные мысли взорлят...
 Доплывем, доберемся до суши
 через дикое море утрат.
 Лишь бы зла вековые заносы
 очищающим смыло огнем.
 Не впадайте в отчаянье, россы.
 Доплывем, доскрипим, доползем!

Виктор КИРШИН

Память сердца

Молодой гвардеец

Геннадий Михайлович БЕЛЯЕВ

Ежегодно наша страна в августе отмечает праздник «крылатых гвардейцев», – День Воздушно-Десантных войск России. Своими блестящими победами воины-десантники снискали народную любовь и глубокое уважение. В сложных условиях, днем и ночью, они побеждали и побеждают коварного врага. Остаются верными своему долгу и девизу: «Никто, кроме нас!»

Про одного из таких воинов, Беляева Геннадия Михайловича, жителя МО «Пискаревка», я и расскажу.

Геннадий Михайлович родился в 1924 в небольшом рабочем поселке Кировской области. Закончив в 1941 году девять классов школы, поехал поработать – на время летних каникул – с экспедицией в лес. Там и узнал он о нападении на нашу страну фашистской Германии...

Будучи допризывником, в августе-сентябре обучался по соответствующей программе «допризывной подготовки». После этого их группу вызвали в военкомат. Восемнадцатилетних – сразу призвали в армию, а семнадцатилетних отправили домой – продолжать учебу в школе... После окончания десятого класса в 1942 году Геннадий поступает в военное училище (2Л ВПУ), которое заканчивает в марте 1943 года, с присвоением ему звания «младший лейтенант». И сразу же Геннадий Михайлович получает назначение в гвардейскую дивизию, (68 гв. СД).

После «сталинградских» боев она была на формировании, (пополнялась людьми и вооружением). Находясь три месяца в этой дивизии, офицер Беляев был командиром взвода. А после устранения должности «заместитель командира по строевой части», он оказался лишним офицером, как самый молодой. И Геннадия

Михайловича на два месяца направляют в армейский запасной полк... Во время боевых действий офицеров из запасного полка направляли в действующие части на смену выбывших командиров. Итак, 22 августа 1943 года Геннадий Беляев следует в 7-ю Гвардейскую воздушно-десантную дивизию на должность командира взвода. А 7 сентября он получает тяжелое ранение в колено. В боевой обстановке за восемнадцать дней он с боями продвинулся почти на семьдесят километ-

ров в Полтавской области, на Украине.

В госпиталях пять раз врачи пытались Геннадия Михайловичу спасти ногу. Не помогло... Во время шестой операции ее все же ампутировали.

9 мая офицер Беляев встречал, будучи учителем в школе, где преподавал военное дело. А осенью 1945 года он поступает в Военно-Механический институт в Ленинграде. Заканчивает его в 1951 году и сорок лет работает на предприятиях военной промышленности, из них 23 года в Сталинграде, где Геннадий принимал участие в проектировании и изготовлении военной техники, которая не раз принимала участие в московском параде на Красной площади. После Сталинграда он 13 лет работает в Нарве и 4 года в Ленинграде.

За участие в боевых действиях Геннадия Михайловичу вручено два ордена Отечественной войны I и II степеней и десять юбилейных медалей.

За сорокалетний труд он имеет четыре трудовых медали.

Сейчас Геннадий Михайлович Беляев на пенсии. В его семье выросли талантливые сыновья. Растет и молодая «поросль», все они тоже закончили Военно-Механический институт.

История моего отца

Стефан Алексеевич МАШНИЦКИЙ

Героя рассказа уже нет среди нас, а его историю сохранил и поведал сын, Анатолий Стефанович. С чувством гордости за отца, прошедшего через многие лишения, репрессии родных и войну, он хотел запечатлеть события его жизни и вклад в Победу над фашистской Германией.

Стефан Алексеевич Машницкий родился 28 марта 1909 года в деревне Майское Гомельской обл. По преданию несколько семей, крепостных из деревни Машницы купил помещик, и на новом месте они получили свою фамилию. Стефану приходилось заниматься выделкой кож, работой, дающей большие нагрузки на кисти рук, поэтому вырос физически очень сильным. Позднее, в Ленинграде, он мог выделывать на турнике такое, что не делает никто из гимнастов, его даже звали в цирковые артисты. В 1928 Стефан женился на Людмиле Михайловне Орловой. А через год раскулачили зажиточную семью его отца – Алексея Ивановича, до революции работавшего у помещика управляющим. Стефан с отцом уехали в Карелию на лесоповал.

После статьи Сталина «Головокружение от успехов» они вернулись, отца Стефана с его мамой и сестрой Аней выслали в Коми АССР. Стефан же уехал в Ленинград к братьям-студентам. Но преследование семьи не прекратилось, позднее старший брат Григорий был арестован как троцкист, сослан в Казахстан, где и погиб, а младшего брата, Антона, исключили из института как сына кулака, институт он заканчивал заочно.

Стефан работал на стройках «козозом», – разносил на спине кирпичи. После,

окончив курсы мастеров, устроился на Карбюраторный завод фрезеровщиком и к 1941 году стал профессионалом высшего, 7-го разряда. Из деревенского парня он превратился в «рабочего-интеллигента».

В начале войны Стефан отправил жену и девятилетнего сына, Толю, который потом и расскажет эту историю, в Челябинск, к брату Антону, эвакуированному с Абразивным заводом, где работал начальником цеха.

Сам Стефан в это время изготавливал прессформу для касок. Как профессионал важной для обороны специальности, он не подлежал мобилизации в армию, но в конце сентября 1941 ушел в армию добровольцем. Его батальон отправили под Лигово. Стефан стал 1-м номером расчета 50-мм миномета.

За позициями батальона находился лесопарк. Он мешал нашим наблюдателям и служил ориентиром для вражеских наводчиков, поэтому за ночь деревья спилили. Утром Стефан увидел город как на ладони – Кировский завод, Исакий, Адмиралтейство... Осознать, что Ленинград прямо за спиной, было сильным потрясением.

К 25 сентября 1941 немцы прекратили наступательные действия и обстреливали позиции из крупнокалиберных минометов, батальон нес большие потери. Для защиты от мин, Стефан с напарником выкопали горизонтальные норы под корнями большого дерева.

С нашей стороны активность в основном проявлялась действием снайперов, а расчет миномета сопровождал их для прикрытия. Ночами солдаты наведывались в разбитые

деревенские дома за едой и дровами. В одном из них оказался 9-летний мальчишка, чьи родители погибли. Его взяли в часть, а затем переправили в детдом.

Под Лигово батальон пробыл октябрь-ноябрь месяц. Когда его отвели в тыл, в строю оставалось два десятка бойцов. После переформирования батальона, Стефан участвовал в атаке на Красный Бор. Его расчет накрыло артиллерийским снарядом, последнее, что запомнил Стефан, как летит по воздуху. Ночью его подобрал санитар – остававшегося без сознания Стефана от холода колотила дрожь. По счастливой случайности удар осколков пришелся в противогазную коробку, и Стефан, получив контузию и легкие ранения, попал в Мечниковскую больницу. Когда там немного оправился, соорудил печку-буржуйку. Увидев ее, главврач придержал умелого пациента в госпитале, попросил сделать печки для всех палат.

При больнице были оранжереи, ранней весной в них расцветали тюльпаны. Стефан набрал букет и пошел проведать дом, на Петроградскую сторону. Это стало вторым потрясением, после вида города прямо за спиной. Штабеля трупов, изможденные лица. Для встречных, таким же потрясением был вид солдата с тюльпанами.

После госпиталя Стефан стал заряжающим в отдельном зенитном дивизионе. Его подразделение участвовало в артподготовке при форсировании Невы.

Стефану трижды приходилось сталкиваться с расстрелами. В 1941 году один солдат из батальона ночью уполз сдаваться в плен. Его задержали и расстреляли перед строем. В другой раз шли цепочкой в сторону фронта, ориентируясь на звук выстрелов. Первый в цепочке постепенно повернул обратно. Не став разбираться, отправив остальных дальше, командир задержал бойца, и больше того не видели. А третий случай коснулся самого Стефана. Попав в зенитный дивизион, в раз-

говоре он упомянул про дезертира. Разговор услышал политрук и, обвинив в агитации сдаваться в плен, приказал расстрелять. Повели отца расстреливать. Стефана возмутила несправедливость он шел ругаясь, говоря: «Я под Лигово два месяца впритык к немцам во-евал!..»

Конвоир повернул обратно, отказался расстреливать, дело замяли. Но отношение к политруку стало тяжелым. Вскоре он исчез из части, по причине случайного ранения при чистке пистолета.

После прорыва блокады дивизион защищал пробитый в обороне врага коридор от налетов авиации и атак немцев. Тогда под Ленинград немцы стянули новейшую технику – танки «Тигр» и самолеты «Фокевульф-190». Один такой самолет был подбит и приземлился на нейтральной полосе у позиций дивизиона, летчик застрелился. Пытаясь не допустить захвата техники для изучения, немцы начали обстрел участка артиллерией. Стефан участвовал в операции по захвату, сам повел трактор, и вытащил увязший в болоте самолет. За этот эпизод он получил медаль «За Отвагу».

После снятия блокады дивизион перемещался вместе с наступающими войсками. Войну с немцами Стефан закончил в Латвии. Позднее он рассказывал сыну такой эпизод: «После капитуляции немцев, ехали на машине, впереди слышали стрельбу. Выскочили с автоматами, залегли в канаве. Навстречу вышел немец, замахал рукой и закричал: «нихт шизен» (не стреляйте). Оказалось, немцы сводили счеты между собой».

После, дивизион перебросили на Дальний Восток, Стефан участвовал в десанте на южный Сахалин. О японцах он отзывался как о культурнейших людях. Перед японцами стоял вопрос – как жить дальше – ужасать или оставаться? Они пытались налаживать отношения с русскими, для чего пригласили Стефана в гости. Все сели на

пол в кружок, босиком. Выпили по чашечке сакэ. Без знания языка разговора не получилось, но японцы выделили Стефана среди других.

После демобилизации в декабре 1945, Стефан приехал в Челябинск, и под новый год, со всей семьей вернулся в Ленинград. Комната оказалась занята такой же рабочей семьей, пришлось несколько недель судиться. Когда вернули комнату и прописались, Стефан устроился на завод «Радист». В 1946 году, от своего имени и от имени сестры Анны (ветеранов войны), он обратился с просьбой забрать родителей из Коми АССР, где они находились как раскулаченные. Родителей перевезли под Ленинград, в Дудергоф (Можайское), где они дожили свои дни.

На заводе «Радист» Стефан был передовиком производства, досрочно выполнял пятилетки, неоднократно признавался лучшим

рационализатором города и, как рационализатор, представлял город на ВДНХ в Москве. Около двух лет он проработал на заводе «Полиграфмаш», до выхода на пенсию.

Стефан Алексеевич умер 17 декабря 1982 года. После инфарктов у него иногда останавливалось сердце. Он это понимал, через несколько секунд терял сознание, но сердце снова начинало работать. К своим «перспективам» он относился спокойно, мужественно. Так рассказал о том дне его сын, Анатолий: «Отец ждал вместе с матерью трамвая. Был сильный ветер. Отец почувствовал остановку сердца, поднял матери воротник и упал. Сердце больше не заработало».

Стефан Алексеевич Машницкий ушел из жизни. Осталась память и история сильного человека, несмотря ни на что, верившего в свою Родину, защищавшего ее и служившего ей.

ДДЮТ, «Мечта». Маргарита Рамазанова, школа № 95, 7 кл.

МЫ В ОТВЕТЕ С ТОБОЙ

*Мы все в эти дни войну вспоминаем
И подвиг страны в эти дни вспоминаем.
Пусть мы родились уже после войны,
Для нас эти дни, несомненно, важны.*

*Мы очень гордимся победой большой.
Она принесла нам и мир, и покой.
Советские люди себя не жалели,
Фашистов сломить силой духа сумели.
В Европе немало людей полегло,
И было, конечно, нам всем нелегко.*

*Давайте хранить нашу Землю от войн,
Теперь за нее мы в ответе с тобой.
Пусть дети растут, и сады зеленеют,
Политики мира быстрее умнеют.
Пусть будет всегда только мир на Земле
Ведь это так важно и мне, и тебе.*

Яна ПОСМИТНАЯ

Павел Петрович ПЕТРОВ

Эти слова партизанской клятвы – присяги, на всю жизнь запали в душу ветерану Великой Отечественной войны, Петрову Павлу Петровичу.

Через несколько дней после начала войны, он – уроженец Псковщины, рыл противотанковые рвы.

В его военном билете в графе о призыве в армию записано одно скупое слово «доброволец», за которым таится немало.

Когда немцы вошли на Псковщину, он вместе с группой молодежи, чтобы избежать угона в Германию, ушел в лес. К ним примкнули выходившие из окружения военнослужащие, после длительного блуждания по лесам, они наткнулись на партизан и стали бойцами Первого партизанского полка. Район действий полка был велик, охвачена была даже часть Калининской области. Полк минировал дороги, взрывал мосты, вел рельсовую войну на железнодорожном пути Псков-Рига, совершал дерзкие налеты на вражеские гарнизоны, уничтожал их и боевую технику, проводил дальние рейды по тылам врага.

Петров участвовал во всех операциях, проводимых полком.

Для борьбы с партизанами немцы стянули с фронта и из своих тылов большое число войск. В сентябре 1943 они окружили партизанский полк, вышедший на кратковременный отдых в пустую деревню и стали его уничтожать с земли и с воздуха. Полк пошел на прорыв, вырвался из кольца и продолжал наводить ужас на врага.

При прорыве Павел Петрович был тяжело ранен пулей в плечо, его вынесли из боя, потом на телеге вывезли на базу и с партизанского аэродрома отправили самолетом в госпиталь в г. Боровичи. Затем было длительное лечение в г. Вятке, после выздоровления комиссия признала его нестроевым. Он служил в окружных ремонтных мастерских и в ноябре 1945 года был демобилизован.

После демобилизации приехал к другу в Ленинград и остался там, а через год женился. Поступил работать на «Светлану» и 40

лет проработал выдувальщиком на вредном производстве.

За свой ратный труд П.П. Петров награжден многими правительственными наградами; Мирный труд его так же отмечен рядом нагрудных знаков, в т.ч. «Отличник соцсоревнования МИИ Энергопрома», «Почетными знаками Светлановца», он – ветеран труда, инвалид II группы Великой Отечественной войны.

Нелегко складывалась его судьба. В 1972 г. трагически погибает дочь, работавшая на Чукотке. В результате переживаний он перенес инфаркт, а жена – инсульт, осталась парализованной и длительное время прикованной к постели.

Несмотря на внимание и хороший уход со стороны мужа, она все же ушла из жизни. Также скоростижно скончалась и вторая супруга ветерана. Но он не сломлен, хотя и тяжело переживает утрату. Но он не один, не забывают его друзья и его родная «Светлана».

Жизнь решалась секундой

Александр Семенович ИСАКОВ

51

Я родился 6 марта 1927 года, в деревне Быстрово, шестимесячным меня привезли в Ленинград, учился в 105-й школе.

До 42-го я оставался в блокадном городе, в этом же году под Ленинградом ранили отца, он попал в госпиталь в Челябинске, а маму призвали на оборонительные работы.

Мы жили в доме 15 «Б» по Нейшлотскому переулку, одному было страшно и никаких запасов еды не было, поэтому я перебрался к приятелю, Павлову Жене, его квартира находилась в этом же доме.

Мало что можно сказать про то время. Нас ничего не интересовало, только голод, желание поесть. Взорвавшийся во дворе снаряд разрушил мою квартиру. Мы почти не выходили, днем постоянные обстрелы, бомбежки. Жили с его мамой, уже пожилой женщиной. Топили печку, потом и мебелью – из его квартиры и из моей. Были сами по себе, никто нас не организовывал.

Иногда приезжала моя мама, привозила продукты, деньги – отрывала от себя.

Отец моего приятеля руководил партизанским полком. Увидев, в каком состоянии его сын и я, он забрал нас с собой. Вывез на самолете в расположение полка в районе станции Чехачево, Псковской области. Первое время нас откармливали. Старший фельдшер не позволила есть сразу помногу, две недели нам постепенно увеличивали паек. А дальше – «вошли в колею», стали жить жизнью отряда.

В районе города Остров около 6-ти утра, мы устроили засаду группой из пяти человек.

Остановили машину, перевозившую немецкого генерала и троих сопровождавших его офицеров. После этого узнали, что в 3-4 километрах расположился гарнизон.

По указанию Гитлера 72 000 солдат и офицеров, с полным вооружением – авиацией, бронетехникой, артиллерией – оторвали от фронта, поставив задачу уничтожить партизанские силы, то есть нас. К 43-му году 3-я Ленинградская бригада, в которую входил и наш, 29-й партизанский полк, насчитывала уже 17 000 человек. Каждая бригада на чем-то специализи-

ровалась – вступала в бои, специализировалась на подрыве мостов или уничтожении предателей и дезертиров. Наша бригада занималась всем. Ходили и на уничтожении предателей и вступали в бои, и подрывали мосты, нарушали связь, совершали диверсии...

Март – апрель 1943 года, Псковская область, в дер. Житницы погиб наш комбриг Герман. Отряд отступал, в деревне неподалеку на отдых расположились немцы – около полутора сотен человек. Комбриг принял решение их уничтожить. Напали ночью, в деревне мы уничтожили всю группу, но по радиации они связались со своими силами. С фронта немцы оттянули Хорошо вооруженные войска, с танками и артиллерией, специально для уничтожения партизан. Неравный бой продолжался пять часов, отряд нес большие потери. Мы ушли, оставив в деревне тело комбрига. А через два дня поступил приказ: любыми путями доставить тело в отряд. Нас – 15 бойцов, отправили обратно в

Память сердца

Житницы. Тело комбрига лежало там же, где его сразила пулеметная очередь. Мы забрали его, вернули в отряд. Позднее 3-ю бригаду назвали: «имени Германа».

В августе 1943, Село Выбор, с фронта на отдых приехали 300 немцев. Волостной передал нам, где можно пройти, чтоб не столкнуться с другими частями врага. Немцы расположились в двухэтажном здании школы. Мы быстро сняли охрану, начали забрасывать здание гранатами. Фашисты выскакивали даже в нижнем белье, пятерых взяли в плен, все остальные были уничтожены.

Все время в движении, на отдых останавливались в пустых или в «красных» деревнях. В Псковской области сохранилось около 200 деревень, где была только Советская власть, немцы в них никогда не входили. Это был партизанский край - работали колхозы, все сохранялось, как до войны.

Дисциплина была очень жесткая. Вошел в деревню – не имеешь права взять кусок хлеба, если не предложит сам хозяин, даже за такое могли расстрелять.

Партизанские войска – особенные войска. У нас не было формы. Мы получали приказы из Смольного, но могли рассчитывать только на себя. Искали предателей, в то же время, предатель среди нас мог всех привести к гибели. Особый отряд занимался собственной безопасностью, любого бойца, заподозренного в чем-то, могли отправить в Первый отдел, а оттуда возвращались далеко не все. На задании мы рисковали вместе, одновременно, могли подозревать друг друга.

В основном мы получали указания из Москвы: пришло на отдых вражеское подразделение или образовался гарнизон – уничтожить! А бывало и такое, этого я никогда не забуду: 7 ноября, приказ - взять деревню, уничтожить гарнизон. Взяли деревню, потеряли 500 человек. А через час приказ: отступить.

Осенью 43-го я попал в отряд, специально сформированный для уничтожения врагов народа. Нас организовали в специальный 45-й полк. Ходили в расположение врага, ловили полицая, старост, изменников. И был Первый отдел, который непосредственно занимался ими, схваченных мы передавали туда. Получали информацию от местного населения – это общение, доносы. Некоторых брали дома, другие сбегали, но куда не уйдешь, местному населению все равно известно. Был волостной, человек от бригады, связанный с нами. Его немцы потом разоблачили и расстреляли.

Мы действовали на оккупированной территории. Получали задание: придти к человеку, который даст указания, фамилию, описание. Группой по 3-5 человек, проникали в занятые немцами деревни, населенные пункты. Это значит, получив указания, тихо-тихо пробраться мимо врага. Нам давали сведе-

ния, где стоят посты, какие дома заняты немцами. Одного – двоих из отряда, отправляли в разведку. Потом стучались к предателю прямо в дверь, представлялись, чтоб он чувствовал себя в безопасности. Когда он выходил, быстро связывали, затыкали рот кляпом и как бревно его тащили мимо немцев, в расположение нашего полка.

В 43-м получил ранение и контузию. Тогда получили задание взорвать мост в Пскове. Нам не удалось, были большие потери. Мы переходили железную дорогу в 25 километрах от города Остров, рядом взорвалась мина или снаряд, и меня ударило вырванной глыбой, сломало кости, повредило позвоночник. Я попал в санчасть, затем на самолете меня переправили в Ленинград. В здании школы у Ивановского парка был устроен госпиталь, в нем я и находился на излечении около де-

вяти месяцев. Мне было 16 лет, по возрасту и из-за ранения не мог служить, и в марте 1944 меня демобилизовали.

Помню День Победы – солнечный, было тепло. Об этом не часто говорится, но все, кто вернулись с войны, заново учились мирной жизни. Когда убить человека было то же, что убить муху, не сразу привыкаешь к законам мирного времени. У фронтовиков случались конфликты, иногда даже с милицией. Но все же в то время была совсем другая культура и иное отношение людей друг к другу, а Ленинград всегда отличался высокой культурой, особенно в довоенное время.

До начала войны я успел закончить только 6 классов, поэтому пошел учиться. В 1949, с одиннадцатью классами рабочей школы, поступил в институт от Металлического завода, в этом же году женился. После института работал на заводе им. Свердлова, старшим технологом, в 80-м году устроился на завод Авангард, шлифовщиком. Работал там до пенсионного возраста и еще 14 лет, до 1995 года.

В 2003 году ушла из жизни моя жена, с ней мы прожили 53 года. Когда вышел на пенсию, успели немного пожить с ней на дачном участке, пока его не затопила разлившаяся река.

Я награжден двумя орденами «Отечественной войны» I и II степени, медалями «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда».

*Война – жесточе нету слова.
Война – печальней нету слова.
Война – святее нету слова
В тоске и славе этих лет.
И на устах у нас иного
Еще не может быть и нет.*

Александр ТВАРДОВСКИЙ

Память сердца

В отблеске партизанских костров

Людмила Павловна ШПАК

Людмила Павловна Шпак – человек с незаурядной биографией. Она – инвалид II группы Великой Отечественной войны, имеет более полутора десятка правительственных наград, в том числе: «Партизан Великой Отечественной войны» I степени, нагрудные знаки «Ленинградский партизан», «Участник обороны Ленинграда», «Ветеран войск связи Ленфронта», «Ветеран труда».

Вся ее биография связана с родным городом Ленинградом. Здесь она окончила среднюю школу, 1-й курс Горного института, с начала войны стала сандружинницей 3-й Гвардейской дивизии. В 1942 была направлена в специальную школу по подготовке радистов, после чего заброшена в тыл врага в качестве радиста партизанского отряда, где находилась до его расформирования в 1944 году.

Отряд входил в состав 11-й Волховской партизанской бригады, был мобильным, на его счету немало успешных операций (взрывы мостов, разгром вражеских гарнизонов, рельсовая война, сбор разведанных).

– «На всю жизнь запечатлелся в памяти заброс в тыл врага и первое боевое крещение – вспоминает Людмила Павловна. – С аэродрома Хвойное отряд около 40 человек на самолете «Дуглас» был доставлен в леса Лужского района и десантировался на парашютах. При пересечении линии фронта самолет с десантниками подвергся интенсивному зенитному обстрелу, его бросало в воздухе от разрывов, когда пилот выводил его из зоны огня.

Наконец внизу обозначился условный знак для выброски – треугольник зажженных костров. Десантирование велось сразу с двух бортов самолета. Я не была знакома с парашютом, это был мой первый прыжок, но поборов робость, я пристегнула карабин вытяжного шнура к трапу внутри самолета и шагнула в темную ночь, в неизвестность. Я

не помнила хлопка раскрывшегося парашюта и сам спуск на землю.

Приземлившись на поляне, освободилась от парашюта, скомкала его и, как учили, зарыла в снег. Оглянулась вокруг и вдруг, сквозь снежную вьюгу, увидела неясные очертания идущего ко мне человека. Инстинктивно выхватила из-за голенища сапога пистолет, передернула затвор и услышала голос идущего, что он свой, партизанский разведчик, посланный за ней и пароль. С его помощью добралась до места сбора отряда. Оказалось, что операцию по выброске обеспечивали несколько других отрядов, потому что немцы засекли выброску и были близко. С рассветом немцы начали окружение партизан, и отряды вступили в бой, а затем каждый отряд ушел в заданное ему место. С одним из отрядов я прошла около 30 километров по лесам, утопая в снегу, проваливаясь в ледяную воду болот, полуживая от холода и физической усталости и все же дошла до условленного места».

После этого ей не раз пришлось побывать в экстремальных ситуациях. Был и прорыв из кольца карателей, когда староста деревни навел немцев на отряд, и уход от преследователей с собаками в болото, где пришлось сидеть до наступления ночи по горло в воде, иногда казалось, что все это выше предела человеческих сил и возможностей, но другого выхода не было.

Зимой 1944 партизанский разведчик повез Людмилу Павловну на подводе в группу, занимающуюся корректировкой отступления немцев. Хотели с ходу проскочить стоящую на пути деревню, но нарвались на засаду, попали под автоматный огонь. Утопая в снегу, все же сумели уйти, обошли деревню пешком и добрались до группы.

Вспоминается партизанской радистке прорыв из окружения, через минное поле но-

чью, с белыми лоскутками на спине, чтобы ориентироваться по впредиидущим. Также зимой вся бригада участвовала в операции по разгрому фашистского гарнизона и подрыву запасов бензина на станции Мгинская.

Во время налета на станцию Дивенская партизаны отбили у немцев эшелон с молодежью, угоняемой в Германию, многие из них поступили добровольцами в отряд.

При заброске отряда в тыл в нем были и радисты, но вскоре Людмила Павловна осталась одна. Но ей не повезло, при разрыве мины она получила два ранения – в лицо и в ногу.

В марте 1944 партизанские бригады были расформированы, и Людмила Павловна сме-

нила ратный труд на мирный. Три года ходила она в заграничные радиостом на судах Балтморпароходства. Затем окончила Ленинградский Электромеханический институт и 17 лет, до выхода на пенсию, работала инженером-конструктором на одном из оборонных предприятий города.

Вместе с мужем, ветераном Великой Отечественной войны, они живут полнокровной жизнью, работают на своем садоводческом участке, читают, общаются со своими двумя сыновьями, внуками. С любовью вспоминает Людмила Павловна свою рацию, которая при отблеске партизанского костра несла в эфир точки и тире морзянки из вражеского тыла на Большую Землю.

«Ленинград. Блокада. Школа». Валерия ИВАНОВА, лицей № 95, 5 кл.

О поваре ротном замолвите слово...

Антонина Ивановна БЕЛОЗЕРОВА

О фронтовых поварах почти ничего не пишут, а они такие же солдаты войны, как и все остальные.

Поэт А. Твардовский в поэме «Василий Теркин» писал:

*«...На войне, в быту суровом,
В трудной жизни боевой...
...Лучше нет простой, здоровой,
Доброй пищи фронтовой.*

*Важно только, чтобы повар
Был бы повар – парень свой;
Чтобы числился недаром...»*

Именно этим требованиям вполной мере отвечает инвалид II гр. Великой Отечественной войны Белозерова Антонина Ивановна, повар роты, старшина по званию, прошедшая боевой путь от Ленинграда через Польшу, Белоруссию до Кенигсберга, получившая три ранения, награжденная многими правительственными наградами, в т.ч. орденом Красной звезды, Отечественной войны II степени, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда».

Крестьянская девушка из Тульской области после школы работала в колхозе, а когда началась война, вместе с подругами, обивала пороги военкомата, просилась в армию, на фронт, но получила отказ по возрасту.

Но она все же дождалась своего часа. В январе 1943 ее призвали в армию и после окончания краткосрочных курсов повара направляли на Волховский фронт в район Синявино. Так началась ее фронтовая жизнь, так она стала неразлучна со своей, окрашенной в зеленый цвет, походно-полевой кухней, с ко-

торой прошла всю войну, готовя в ней пищу для бойцов, стараясь накормить их повкусней и посытней.

Если готовила суп или щи, вспоминает она, то готовила, как говорится в поэме «Василий Теркин»: заправляла жирно, чтоб черпак стоял в котле по команде «смирно», если кашу, то «лишь была б она с наваром, да была бы с пылу с жару, поборей, погорячей». Постоянно она была под огнем. В конце войны, когда ее

рота в числе других ворвалась на улицы Кенигсберга, солдаты видели хрупкую девушку в солдатской шинели с термосом за плечами, под огнем врага ползком и перебежками пробирающуюся из одного подъезда дома в другой, чтобы накормить свою роту.

После окончания войны – демобилизация. Она работала по своей специальности до ухода на пенсию. Министерство торговли за высокое качество приготовляемой пищи вручило ей диплом мастера-повара. Она – ветеран труда.

Вместе с мужем они вырастили и воспитали сына. Ушел из жизни муж. Но, оставшись одна, Антонина Ивановна не была сломлена. И сейчас, несмотря на солидный возраст, ведет активную работу в совете ветеранов.

Восхищаюсь силой воли и мужеством этой женщины, чтобы из девушки Тони в солдатской шинели стать нынешней Антониной Ивановной.

Молодой артиллерист-разведчик

Александр Тимофеевич ПЛАТОНОВ

57

Артиллерию по праву называют «Богом войны». Без ее поддержки трудно приходится и пехоте, и морякам, и летчикам и танкистам. Но и артиллеристы бывают разными... Есть пиротехники, которые занимаются минированием или разминированием местности. А есть и такая военная специальность, как артиллерист-разведчик. И один из них, Платонов Александр Тимофеевич, 1925 года рождения. Ему не было еще и восемнадцати лет, когда его призвали в армию.

Был конец 1942 года, по всему фронту шли кровопролитные бои. Наши войска с боями отступали на восток. Нужно было постоянное пополнение живой силой и, конечно, техникой... Вот и брали в ряды защитников недавних школьников. Александра Платонова, родившегося в Любытине Новгородской области, оттуда же и забрали в Красную Армию. Затем был Волхов. А после пришлось ему двигаться со своим воинским подразделением по льду Ладоги, ночью, в блокированный Ленинград... Здесь сражался он в 90-ой Красногвардейской дивизии в артиллерийской разведке. Участвовал в прорыве блокады Ленинграда... Недалеко от Гостилец, Александр Тимофеевич получил первое ранение при взятии очередного «языка» и попал в госпиталь. Поправившись, он вернулся в артиллерийскую разведку... В конце 1943 года Александр Платонов – при освобождении от фашистов Нарвы – снова получил тяжелое ранение и контузию.

Больно вспоминать бывшему разведчику Платонову военные будни, когда под ногами от взрывов ходуном ходила земля. Не забыть и тот памятный день, когда, бросив гранату во вражескую землянку, он, раненый, тут же упал... Закончилась ненавистная война. Александр Тимофеевич вернулся домой. Его наградили орденом «Отечественной войны I степени», медалями: «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией»,

медалью Жукова.

В мирное время Александр Платонов стал работать в НПО «Экран» инженером-конструктором. Проектировал проекционную аппаратуру для кинотеатров города: «Родина» и «Ленинград». Получил авторские свидетельства на изобретения...

В 2008 году он будет отмечать золотую свадьбу со своей замечательной женой, Верой Александровной.

В семье у них родился сын Юрий, который вырастил со своей женой Мариной умную и ответственную внучку Олю, гордость деда Александра. Ведь она с отличием окончила ВУЗ! И, конечно же, не раз Ольга слушала рассказы бабушки о том, как его воинское подразделение вызывало огонь на себя, не щадя собственных жизней. Добрыми ростками проросли эти воспоминания в детской душе. Вот и внучка выросла хорошим человеком.

Память сердца

«Мужчинами нас сделала война»

Борис Валерьянович ТРЕТЬЯКОВ

Борис Валерьянович Третьяков – сибиряк, родился в декабре 1927 г. в гор. Новосибирске. Окончил 7 классов, работал токарем в паровозном депо, кочегаром на паровозах.

В свои неполные 17 лет по комсомольскому набору ушел добровольцем в армию, хотя, как железнодорожник, имел бронь.

В мае 1945 по I разряду с отличием окончил учебу в Учебном отряде подводного плавания по специальности торпедист и был направлен служить в 3-ю бригаду подводных лодок Тихоокеанского Военного флота торпедистом подводной лодки М-44 («Малютка») Из «салажанка», ученика-торпедиста, он стал матросом – специалистом с ленточкой «Подводные силы ТОД» на бескозырке.

И начались суровые будни службы подводника. Спустя некоторое время началась война с Японией

Лодка выходила в дозор, на позиции, совершила поход в Татарский пролив с выходом в Японское море. Две недели в море, днем – под водой, ночью – под водой, затем пару дней на базе и снова в море.

С базы уходили тихо, ночью, без ревуна, как на обычную работу, так же возвращались, чтоб привести себя в порядок, заправиться всем необходимым.

Море было под нашим контролем, японские корабли и транспорты избегали встреч с нашими подлодками и бурун от перископа нашей лодки наводил на них ужас.

Есть и романтика в службе подводника, но, прежде всего, это нелегкий труд, как ловко подметил все тот же поэт:

«Мужество, труд и отвага – основа всего бытия».

В составе экипажа своей М-44, Б.В. Третьяков участвовал в операции по высадке десанта с тральщиков и минзага «Океан» на остров Сахалин, прикрывая путь десанта по морю и его высадку.

В числе других, за это он был награжден медалью адмирала Ушакова и получил благодарность Верховного Главнокомандования.

Медаль Ушакова – очень редкая медаль на флоте, она приравнивается к медали

«За отвагу» и «За боевые заслуги», некоторые считают ее равной ордену Славы.

После завершения войны с Японией Борис Валерьянович с октября 1945 продолжал службу в своей части в городе Порт-Артур. И снова нелегкая и суровая служба подводника.

В 1951 Б.В. Третьяков демобилизовался, вернулся в Ленинград и снова стал работать кочегаром паровоза. Затем после 3-х летней учебы в школе машинистов по распределению был направлен в Коми АССР, работал помощником машиниста, а потом машинистом паровоза Печорской (ныне Северной железной дороги).

В 1961 он оканчивает 9 класс вечерней школы, затем в 1969-70 гг – учеба в школе машинистов тепловоза, 1970-71 – работает в г. Липецк, далее переезд в Ленинград и продолжение работы по специальности и в 1982 – ушел на заслуженный отдых.

В 1954 г. он женился, вместе с женой они вырастили и воспитали дочь (окончила Пединститут) и сына (окончил Строительный техникум), у них внук и внучка, и недавно они отпраздновали «золотую свадьбу».

Б.В. Третьяков – кавалер более полутора десятков правительственных наград, знаков: «Отличный подводник», он ветеран труда, инвалид 2 группы. О таких говорят: «золотые руки и светлая голова».

Часто вспоминает он флотскую службу. И это, естественно, как пишет поэт А. Лебедев:

*«Да разве мы это забудем,
Когда под килем глубина,
И в борт ударяет, как в бубен,
Высокая злая волна».*

ХОТЯТ ЛИ РУССКИЕ ВОЙНЫ

*Хотят ли русские войны?
Спросите вы у тишины
Над ширью пашен и полей
И у берез и тополей.
Спросите вы у тех солдат,
Что под березами лежат,
И вам ответят их сыны,
Хотят ли русские,
Хотят ли русские,
Хотят ли русские войны.*

*Не только за свою страну
Солдаты гибли в ту войну,
А чтобы люди всей земли
Спокойно ночью спать могли.
Спросите тех, кто воевал,*

*Кто вас на Эльбе обнимал
(Мы этой памяти верны),
Хотят ли русские,
Хотят ли русские,
Хотят ли русские войны.*

*Да, мы умеем воевать,
Но не хотим, чтобы опять
Солдаты падали в бою
На землю горькую свою.
Спросите вы у матерей,
Спросите у жены моей.
И вы тогда понять должны –
Хотят ли русские,
Хотят ли русские,
Хотят ли русские войны.*

Евгений ЕВТУШЕНКО

Память сердца

Ленинградцы в боях под Москвой и Сталинградом

Георгий Петрович БОРИСОВ

У каждого фронтовика своя судьба. Мне довелось участвовать в двух величайших сражениях Великой Отечественной войны: под Москвой и на подступах к Сталинграду.

Я родился в городе Кингисепп в 1922 году, в Ленинграде окончил школу и поступил в Ленинградский Политехнический институт. Осенью 1940-го студентов 2-го курса призвали в Советскую Армию. Мы отправлялись эшелоном, под звуки духового оркестра, не зная, куда нас везут. Из нашей группы почти никто не вернулся домой.

Эшелон прибыл в Москву в распоряжение войск ПВО. Меня зачислили в полковую школу 251-го зенитно-артиллерийского полка, где готовили прожектористов-зенитчиков. 1 мая 1941 года мы участвовали в Военном Параде на Красной площади. Утром 22 июня нас подняли по тревоге, отправили развозить по Москве мобилизационные повестки. Горожане, еще не знали о войне и занимались привычными мирными делами.

Из полковой школы нас выпустили сержантами и распределили по позициям на западных подступах к Москве. Я попал на прожекторную станцию «Искатель». В состав станции входили: звукоулавливатель, пост управления и прожектор, смонтированный на автомашине. Станция находи-

ла лучом вражеский самолет и передавала его прожекторам станции «Сопроводитель». Свет слепил пилотов, указывал на вражеские самолеты зенитчикам и самолетам-истребителям. Фашистские летчики сбрасывали на прожекторные станции бомбы, посылали по лучу пулеметные очереди.

Мы жили в землянках и, несмотря на многонациональный состав, воевали дружно. Прожектористы: Воскресенский – русский, москвич, Барсегян – армянин, Крупников – еврей, Шипеня – белорус. Когда враг подошел к Москве, в полку сфор-

мировали отряды по борьбе с танками. Мы заняли окопы вдоль Волоколамского шоссе и у других важных дорог, поджидая там немецкие танки. Вооружены были противотанковыми гранатами, бутылками с зажигательной смесью и винтовками, зенитные орудия развернули против танков. Враг был разбит и отброшен от Москвы.

Летом 1942-го года начались бои под Сталинградом. В войсках противовоздушной обороны отобрали молодых солдат и сержантов и отправили на сборный пункт в Саратовскую область, район города Балашово. Меня зачислили в десантный батальон 41-й гвардейской дивизии 1-й гвардейской армии. Нас усиленно готовили к наступательным операциям. Осенью подразделения дивизии вы-

шли на левый берег Дона у села Верхний Мамон. На другом берегу стояла 8-я итальянская армия. На плацдарме в излучине Дона накапливалась мощная группировка наших войск.

Нам выдали полушубки и автоматы. В ноябре началось наступление. Перед рассветом прошла артиллерийская подготовка. Огненные трассы реактивных снарядов казались фантастическим зрелищем. Когда мы проезжали через передний край обороны противника, вместо белого снега, увидели черную безжизненную пустыню.

Мы двигались за танками, захватывали опорные пункты противника и удерживали их до подхода основных сил. Итальянцы показали себя плохими солдатами, легко сдавались в плен, в отличие от немцев и румын, с которыми мы встретились позже. Нас удивил вид итальянских солдат: они боялись мороза и без разбора заматывались в теплые вещи, награбленные у местного населения, а свое оружие они раскрашивали разноцветными красками.

После нашего наступления 8-я итальянская армия перестала существовать. Дальше располагались немецкие и румынские гарнизоны. Они оказывали ожесточенное сопротивление. Под Сталинградом меня тяжело ранили. Сначала я попал в полевой госпиталь, а затем в тыловой госпиталь в Казани, лечился там несколько месяцев. После ранения меня признали негодным к воинской службе.

В госпитале я узнал, что в Горьком находится в эвакуации Ленинградский Кораб-

лестроительный институт. Осенью 1943 года, без каких-либо документов, кроме справки из госпиталя, я отправился поступать в институт. Меня принял декан факультета корабельной энергетики профессор А.Г. Курзон и зачислил на второй курс института, сказав: «Необходимые документы принесете, когда мы вернемся в Ленинград». Состав студентов был не совсем обычным: в основном юноши-фронтовики после ранения и местные девушки. Осенью 1944 года с первой партией студентов я вернулся в Ленинград. Окончил институт с отличием, аспирантуру, защитил кандидатскую диссертацию и 12 лет работал старшим научным сотрудником в институте ВМФ.

В 1964-м поступил по конкурсу на должность доцента кафедры теплофизических основ судовой энергетики Ленинградского Кораблестроительного института (теперь Морской Технический университет), где трудился до 2001-го года.

За участие в Великой Отечественной войне я награжден орденом «Отечественной войны» I степени, медалями: «За боевые заслуги», «За оборону Москвы», «За Победу над Германией», Медалью маршала Г.К. Жукова, а так же 9-ю юбилейными медалями.

В настоящее время инвалид Великой Отечественной войны 1-ой группы, состою в Петербургском комитете «Защитники Москвы» и встречаюсь с ветеранами 1-й гвардейской армии.

«Только есть ощущения ясные Не напрасно прожитых лет...»

Иван Иванович СОРОЧКИН

Осенью 1999 г в газете «Красная звезда» был опубликован Указ Президента Российской Федерации о награждении орденами и медалями группы ветеранов из подразделений особого риска. В их числе был и полковник-инженер в отставке, Сорочкин Иван Иванович, награжденный орденом Мужества.

А начиналось все так.

Он родился в 1924 г. в большой крестьянской семье в одном из сел Ульяновской области и с детства познал нелегкий крестьянский труд.

После окончания средней школы в 1942 был призван в армию и направлен в Ульяновское училище связи, которое окончил по сокращенной программе через год и в мае 1943 уже служил начальником РСБ на радиоузле разведотдела штаба 2-го Украинского фронта. Радиостанция поддерживала радиосвязь с нашими разведчиками, засланными во вражеский тыл.

В составе своей части Иван Иванович при взятии Будапешта, дошел до Чехословакии.

«8 мая 1945, – вспоминает ветеран, – я получил приказ выехать из Братиславы в определенную точку для поддержания связи с танковой армией, двигавшейся на помощь восставшей Праге. А ночью мы узнали

об окончании войны и капитуляции фашистской Германии. Мы ликovali, радости нашей не было предела».

В августе 1945 И.И. Сорочкин был переброшен на Дальний Восток, участвовал в войне с Японией.

Затем была учеба в Военно-воздушной академии им. Можайского, по окончании которой, он был направлен в особую часть.

«Сейчас, – говорит Иван Иванович, – военнослужащих и вольнонаемный состав этих частей называют ветеранами подразделений особого риска. Это вполне обоснованно, ибо, разрабатывая и испытывая новые виды

вооружения, они подвергаются воздействию радиации, а это опасно для жизни».

Недаром в преамбуле Указа о награждении Ивана Ивановича орденом Мужества есть такие слова: «За мужество и самоотверженность, проявленные при исполнении воинского долга в условиях, сопряженных с риском для жизни, награждается»...

Да эта служба была опасна и нелегка, касалась она и полетов в космос. Среди рядов адресов и поздравлений, подписанных маршалами и генералами, занимавшими очень высокие служебные посты, в домашнем архиве И.И. Сорочкина имеется и такой адрес, указывающий на специфику его работы:

Участнику разработки комплекса радиотехнических систем навигации, траектории «ВЫМПЕЛ», обеспечившего 15 ноября 1988 года впервые в мире посадку в автоматическом режиме орбитального корабля много-разового использования «Буран» на ВПП «Байконур».

В июне 1975 году И.И. Сорочкин, прослужив 33 года в рядах Вооруженных Сил стра-

ны, ушел в отставку, вернулся в Ленинград и поступил на работу в НИИ по своей специальности.

Его ратный и мирный труд отмечен целым рядом правительственных наград, а в его трудовой книжке много поощрений, авторских свидетельств.

За спиной у него 63 года нелегкого труда, из них добрая половина – связана с риском для жизни. Он – инвалид, не блещет здоровьем, но по своей натуре – оптимист. После ухода из жизни жены, живет с дочерью и внуком, есть у него еще сын и другая дочь (обе так же окончили Педагогический институт), внуки и внучки. Несмотря на возраст Иван Иванович ухаживает за фруктовым садом, увлекается пчеловодством. Он любит книги и собрал хорошую библиотеку. Иван Иванович очень внимателен к своим детям и внукам, и они отвечают ему взаимностью.

Его жизнь – достойный пример для подражания.

ДДЮТ, Юлия МАСЛЮКОВА, школа № 145, 9 класс

Владимир Георгиевич КОНЫШКОВ

В Ленинграде в многодетной семье Коньшковых в 1926 году родился самый младший мальчик Володя. Тогда они жили на Петроградской стороне на улице Большая Зеленина. Отец шестерых детей, Георгий Гаврилович, работал наборщиком в типографии. Его жена, Коньшкова Анастасия Ивановна, была домохозяйкой. Жили скромно, но дружно... Когда грянула Великая Отечественная война, и начался в городе голод, хозяин семейства продолжал работать на прежнем месте. Но в 1941 году умер от истощения. Его отвезли на Серафимовское кладбище и похоронили в гробу, (что в ту пору было не часто). Старший брат Володи, Сергей, пошел на фронт и пропал без вести... Сестра Надя в блокадные дни проживала на Литейном проспекте, дом 60. Она частенько навещалась к родным и дожила до победного праздника...

В начале 1943 года семейство Коньшковых навещает зять, Иван Васильевич Куприн. Он воевал на Ленинградском фронте и был в нашем городе в командировке, прибыв на военной машине. Обнаружив умирающего Владимира, Иван Васильевич увозит его в свою часть. За это его строго наказали: понизили в должности и перевели служить на другой фронт. Ивану Куприну инкриминировалось «разложение армии». Дескать, не должны защитники Ленинграда знать, что там от голода умирают люди! Так в другой воинской части Иван Васильевич и прослужил до конца войны...

Оставшийся в части Володя приходил в себя. Бойцы приносили ему сахар, «отрывая» от своего пайка, заботились о нем. А когда юноша достаточно окреп, он принял присягу Родине. Имея прекрасное зрение, Влади-

мир, взобравшись на дерево, научился из винтовки метко стрелять по врагу. Смышленного паренька зачисляют на должность «вычислителя» в тот же 107 артиллерийский полк. В то время он располагался во Всеволожском районе Ленинградской области. Специально для молоденького солдата пошили форму, которой Володя очень гордился.

Первые навыки для будущей работы геодезиста Владимир Коньшков получил уже на фронте, когда в составе оперативной группы он учился определять цель, (чтобы можно было вести прицельный огонь по врагу). Его обучили «камеральным» работам. Так что по карте Володя мог определять огневые точки противника...

Окончилась война, и лишь в 1946 году юношу демобилизовали. Закончив в Ленинграде Топографический техникум, он работает в Северо-Западном Геологическом Управлении нашего города. Участвует в разведке полезных ископаемых. Он исколесил весь Советский союз! Как-то на службе Владимир Георгиевич повстречал свою судьбу – веселую, энергичную Тонечку, Антонину Федоровну Широу. Они поженились, и в 1951 году в их семье появился Сережа. Теперь у Антонины Коньшковой есть два внука и две правнучки. Владимира Георгиевича не стало в 1979 году. Сам Сергей пошел по стопам отца: закончил Горный институт. Он гордится славным военным прошлым своего отца. Ведь Владимиру Георгиевичу Коньшкову выдали медали: «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов».

«Мы перед нашей Россией и в трудное время чисты»

Николай Матвеевич АРЕФЬЕВ

*«Нас не нужно жалеть,
Ведь и мы никого не жалели,
Мы перед нашей Россией
И в трудное время чисты».*

Эти стихи известного поэта Семена Гудзенко соответствуют жизненному пути участника Великой Отечественной войны, Арефьева Николая Матвеевича.

Он родился в 1923 году в семье крестьян-колхозников на Псковщине (отец работал председателем колхоза). В семье было пятеро детей. Николай рано познал нелегкий крестьянский труд.

К своему совершеннолетию он превратился в парня, предпочитающего много словию практические дела, строил далеко идущие планы своей жизни, но их нарушила война, докатившаяся до его родных мест.

По состоянию здоровья он был признан негодным к строевой службе и призыву в армию не подлежал.

Чтобы не оставлять ничего врагу, колхоз решил весь крупный рогатый скот и лошадей перегнать в глубь страны, выделив для этого группу колхозников, в числе которых был и восемнадцатилетний Николай.

Скот сначала пригнали в Новгородскую, а затем, в связи с приближением линии фронта, в Ивановскую область, где после сдачи скота остался работать в колхозе Николай.

Так прошла юность Николая, которую он и не заметил. Этот период военного времени в жизни юноши метко отражен в стихах поэта Г. Суворова:

*«Не видел я, как юность прошла стороной,
Как легла на виски седина...»*

И действительно, в войну наша молодежь очень быстро выросла, мужала.

В феврале 1943 Николая призвали в армию и, как нестроевого, определили на военную службу в качестве сапера в 1 Управление военно-полевого строительства Управления оборонного строительства Резерва Главного Командования на Волховский фронт в район Синявино.

Фронт создавал эшелонированную оборону и готовился, совместно с Ленинградским фронтом, к окончательной ликвидации блокады Ленинграда.

Под огнем врага молодой сапер строил доты, дзоты, блиндажи, рыл траншеи.

Этого дня ждали все, и вот он наступил. Началась продолжительная артподготовка с земли и воздуха. Стоял сплошной грохот и гул, над окопами врага – огонь и дым. В душе каждого солдата зародилось чувство гордости за свою страну, армию, силу своего оружия, радость за начало наступления.

Радовался и Николай, что в итоге весь Ленинград был полностью освобожден от вражеской блокады.

Свершилось то, что ожидали столько ночей и дней, и это осталось в памяти навсегда.

Позднее часть, где служил Николай, была переброшена в Прибалтику, в Латвию. Приходилось участвовать в боевых столкновениях с группами немцев, скрывающихся в лесах после разгрома Курляндской группировки, и в борьбе с националистическим подпольем.

В Латвии Николай Матвеевич принимал участие в восстановлении Кегумской ГЭС, строительстве моста через реку Даугаву в Риге...

В декабре 1945 он демобилизовался, приехал в Ленинград, поступил в Ленинградский техникум связи. После окончания техникума поступил в НИИ телевидения, где проработал 35 лет техником, инженером, старшим инженером – разработчиком телевизионной аппаратуры, окончил без отрыва от работы Ленинградский институт авиационного приборостроения.

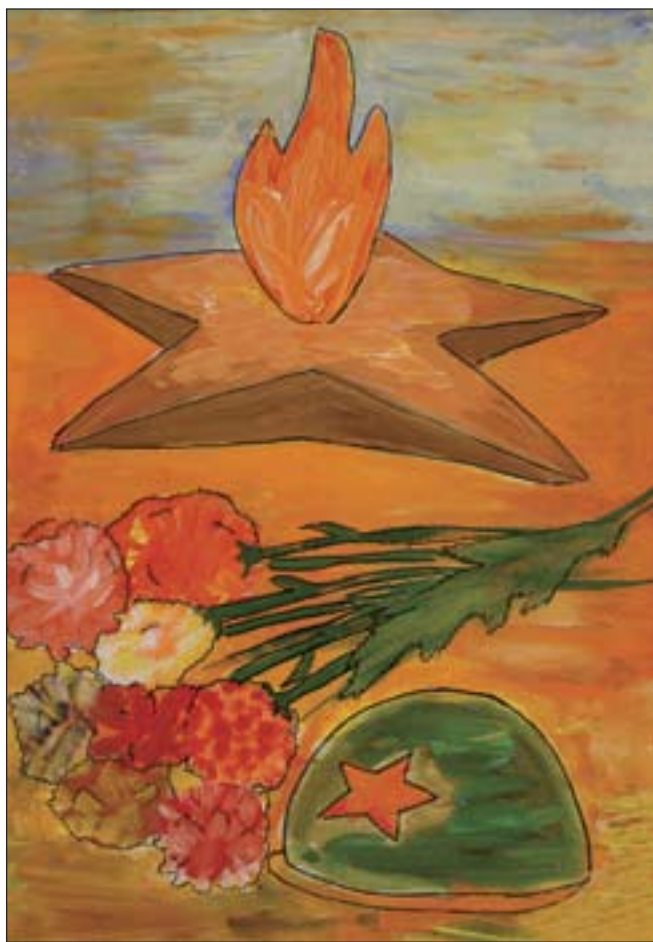
Всю жизнь Николай Матвеевич был в ратном и мирном труде, и все, что он делал, делал добросовестно с полной отдачей своих сил и знаний.

Он – ветеран войны и труда, имеет более полутора десятка правительственных

наград, в его трудовой книжке записано более 60 поощрений, он участник ВДНХ 1976 года, дважды награжден знаками «Победитель соцсоревнования, «Ударник 10-й пятилетки», «25 лет безупречной работы в НИИ телевидения».

В 1983 году Николай Матвеевич ушел на заслуженный отдых, часто посещал родные пенаты на Псковщине, увлекался «тихой охотой» (сбор грибов) и рыбалкой.

Он – инвалид 2 группы, но полон оптимизма, как многие, отдавшие свой вклад в Победу над врагом и в последующее становление страны.

ДДЮТ, «Никто не забыт, ничто не забыто».
Анастасия СТОЛБНЕВА, школа № 119, 7 кл.

СТИХИ, НАПИСАННЫЕ 9 МАЯ 1945 ГОДА

1

*В слепой надежде на счастливый случай
Мы не умеем жить. Нам суждено
Испить дерзаний крепкое вино,
Презрев уют земных благополучий.*

*Кому мозги не вправила война?
Кто здесь сказал, что кончена атака?
Да, гром умолк! Пожар затих! Однако
Всего страшней на свете тишина...*

2

*Сверкай, салют, стоцветными огнями,
Покройся звездопадом, небосклон,
Бей, барабан, труби, труба! Над нами
Сияние развернутых знамен.*

*Ничто сейчас единство душ не разнит.
Ликуй, всепобеждающий народ.
Свободна наша Родина! И праздник
Сейчас по нашей улице идет.*

Михаил ДУДИН

«Переправа, переправа! Берег левый, берег правый...»

Иван Алексеевич БАШАРГИН

Иван Алексеевич Башаргин родился в 1924 г. в крестьянской семье в одной из деревень Чувашской республики, окончил 7 классов школы, затем Пореченский педагогический техникум.

В 1942 был призван в армию, в 1943 окончил ускоренный курс Ленинградского инженерного училища и в должности командира саперного взвода попал на фронт. Он занимался минированием и разминированием, подрывом сооружений, строительством переправ...

Служил на Украине, строил мост через реку Сеньоху, переправы через Днестр, Тиссу, Южный Буг, позднее через Дунай. Все это делалось под артогнем и бомбежками противника. Оценить этот нелегкий и опасный труд может тот, кто испытал все это на себе.

«Однажды, – вспоминает Иван Алексеевич, – я со своим взводом следовал в качестве десанта на танковой броне, чтобы обеспечить танкам проход в труднопроходимых местностях. Противник вел по нашим танкам артиллерийский огонь. Я находился сзади орудийной башни «тридцатьчетверки». Один из вражеских снарядов попал в танк, меня взрывной волной контузило и отбросило от танка в сторону. Многие погибли или были ранены. Я очнулся через некоторое время, болело все тело, оглох, но слух потом восстановился».

Вторично Башаргин И.А. был контужен при взрыве мины в районе озера Балатон в Венгрии. В результате обоих контузий он стал теперь плохо слышать.

В составе своей части он прошел с боями по Украине, Молдавии, освобождал Болгарию, Румынию, Венгрию. Конец войны застал его за Прагой, но уже в июне он мчался в эшелоне по «зеленой улице» в Читу, а оттуда на автомашинах в Монголию, где в составе Забайкальского фронта участвовал в войне с Японией.

Когда перевалили через Хинганский хребет, пошли частые болота. И теперь саперы настилали гати из kolejных щитов. Плохо было с водой и саперам пришлось бурить скважины и колодцы, наполнять специальные большие резиновые емкости водой, обеспечивая ею войска.

Окончание войны Иван Алексеевич встретил на Ляодунском полуострове около Порт-Артура, где служил до 1949. Затем с 1949 по 1956, учился в Военной академии тыла и транспорта. Потом служил в городе Волжский, а с 1961 по 1976 на Военном Полигоне по испытанию инженерных машин в должности инженера, старшего инженера, начальника отдела. Испытываемая здесь техника позднее участвовала в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС.

В 1976 он ушел в отставку и в течение ряда лет работал в строительных организациях. Его общий трудовой стаж – 42 года, в том числе 34 года службы в Вооруженных Силах.

Иван Алексеевич Башаргин – полковник в отставке, участник Великой Отечественной войны, инвалид 2 группы. Он имеет 25 правительственных наград, среди них орден Красной Звезды, два ордена Отечественной войны I степени, медали «За отвагу», «За боевые заслуги», «За безупречную службу II степени», «За освобождение Праги». За ос-

вобождение Монголии, Румынии, Болгарии, награжден именными золотыми часами. Он имеет 9 благодарностей Верховного Главнокомандующего страны, полтора десятка свидетельств на рацпредложения, грамоты за первенство по стрельбе из пистолета, в его трудовой книжке около трех десятков поощрений и наградных знаков, он – участник создания более 10 учебных пособий.

Иван Алексеевич внес немалый вклад в дело защиты и процветания страны. Он с женой воспитал двух сыновей, их обоих радуют внуки и внучки.

*Дорога наступления.
Идут танки, орудия, обозы, войска.*

Память сердца

Леонид Михайлович ФЕЛЬМАН

Леонид Михайлович Фельман – коренной ленинградец. Здесь он в 1920 году родился, здесь окончил среднюю школу, здесь в 1938 году поступил в Ленинградский Политехнический институт, отсюда в 1939 был призван в армию.

Когда в июне 1941 года началась Великая Отечественная война, он служил радиотелеграфистом в 691 Краснознаменном батальоне аэродромного обслуживания, входившего в состав вначале 8-й, а затем 1-й воздушной армии: позднее он там же служил офицером связи.

Он не искал легких путей в жизни, честно выполнял свой воинский долг, памятуя о своей военной профессии: Родину защищать.

Леонид Михайлович прошел всю войну, многое испытал, вкусил горечь отступления и успешную оборону городов, такое же успешное наступление, изгнание врага с территории нашей страны.

Он воевал на Юго-Западном, Южном, Сталинградском, 4 Украинском и 3 Белорусском фронтах.

В 1944 году его 691 Краснознаменный БАО обслуживал челночные операции американцев, взлетающих на «Боинг-17» с английских аэродромов на бомбежку фашистской Германии, а затем делавших посадку на нашем аэродроме для дозаправки топливом

и снова вылетающих на бомбардировку врага.

В том же 1944 на аэродроме 691 Краснознаменный БАО базировался полк «Нормандия-Неман».

Французские летчики на наших «Як-3» активно участвовали в боях с немецким фашизмом, громили его в воздухе и на земле, проявляя при этом отвагу и героизм. По окончании войны они возвратились во Францию на подаренных Советским Союзом самолетах. Бережно хранит Л. М. Фельман подаренный ему в знак дружбы

нагрудный знак «Нормандия-Неман».

691 Краснознаменный БАО в составе своей воздушной армии всегда был на самых ответственных участках сражения. Он участвовал в обороне Сталинграда, в обороне и освобождении Украины и Белоруссии.

Л. М. Фельман имеет более двух десятков правительственных наград. Они наглядно иллюстрируют боевой путь воинской части, в которой он служил.

Леонид Михайлович участвовал в обороне Киева, награжден медалью «За оборону Киева», позднее медалью «В память 1500-летия Киева», недавно медалью «За освобождение Украины».

Он участник героической обороны Сталинграда, награжден медалью «За оборону Сталинграда», позднее – нагрудным знаком «60 лет Победы в Сталинградской битве».

Он – участник освобождения Белоруссии, недавно Правительство Белоруссии наградило его медалью «За освобождение Республики Беларусь от фашистских захватчиков». Наконец, он участник штурма Кенигсберга, награжден медалью «За взятие Кенигсберга».

Леонид Михайлович – инженер-лейтенант, награжден также двумя нагрудными знаками «Ветеран 8-й воздушной армии» и «Ветеран 8-й и 1-ой воздушной армии».

По окончании войны он был уволен в запас, в 1951 окончил Ленинградский Политехнический институт, работал на инженерных должностях гражданских заводов, а затем 27 лет на оборонном предприятии.

Он – автор трех изобретений, ряда рационализаторских предложений, более десятка статей. Итогом этой деятельности явилось награждение его двумя бронзовыми медалями ВДНХ, нагрудным знаком «Изобретатель СССР».

Леонид Михайлович – ветеран труда своей организации, за безупречный труд награжден медалями «Ветеран труда», «В память 300-летия Санкт-Петербурга».

Он оставил свой след на земле. Прожит немалый отрезок времени и прожит не зря. По праву могут гордиться, сын – своим отцом, внук и внучка – дедом, правнучка – прадедом.

ДДЮТ, «Конец блокады».
Анастасия ГРИНЕВА, школа № 137, 9 кл.

*Многострадальная Россия!
Когда-то встала ты стеной
Пред войском грозного Батыея,
И миру сберегла покой.*

*Враги огнем тебя палили,
Забрав в полон твоих детей,
Но дух твой так и не сломили.
Вновь Русь свободна от цепей!*

*О, сколько войн тебя терзали:
Псы-рыцари и Бонапарт,
Японцы, шведы напали,
Германцы, турки - все подряд!*

*Но подвиг твой забываем!
Когда ты, жертвуя собой,
Слезам, кровью истекая,
С фашистской билася чумой,*

*И вновь залечивая раны,
Ты будешь жить в чреде веков,
Покуда чтим мы ветеранов
И помним подвиги отцов!*

Александр ТОПЧИЕВ

Владимир Яковлевич ДЯЧЕНКО

Я родился на Украине, в одном из сел Киевщины, окончил девять классов школы. Когда началась война, вместе с другими школьниками меня эвакуировали за Донбас. Там я хотел вступить в ряды Красной армии, но получил в военкомате отказ из-за возраста. Тогда я снова пришел в военкомат, прибавив себе лишний год, и был зачисленным в команду. С эшелоном меня направили в Куйбышевскую область. 50 километров от станции мне пришлось пройти пешком, а экипирован я был по-летнему,

в футболке и спортивных тапочках. Не знаю, как бы все сложилось, если бы не русский старик, подаривший мне, украинскому пареньку, сапоги и полушубок. Этого старика давно уже нет в живых, но я никогда не забуду его доброту. Тогда, даже слезы навернулись мне на глаза, а старик сказал просто:

– Не волнуйся парень, все нормально, у меня четыре сына на войне.

В марте 1942 года я стал курсантом Саратовского военного училища связи, которое закончил в мае 43-го года. В звании лейтенанта меня направили на Брянский фронт командиром взвода, а затем я стал начальником радиостанции. Вскоре получил ранение и контузию – грузовая машина, на которой добирался до своего расположения, подорвалась на mine. Но все закончилось благопо-

лучно, меня подлечили и вернули в строй, а на память остались шрамы на руке.

В 1944 меня направили на 2-й Прибалтийский фронт командиром радиовзвода артиллерийской дивизии. Побывал и на Ленинградском фронте, а конец войны я встретил в Латвии.

Сейчас многое стерлось из памяти, забылись названия городов и сел, но некоторые события вспоминаю очень отчетливо.

В районе Ржева, вдоль фронта проходила дорога, имевшая важное стратегическое значение. По ней

подвозили к передовой различные грузы. Немцы узнали об этой дороге, начали обстреливать ее из дальнобойной артиллерии. Наше командование приняло решение разбить вражеские батареи. Я был начальником радиостанции, установленной на американском «Виллисе». Экипаж составляли четверо: два радиста, я – начальник радиостанции и водитель. Мы заняли позицию на дороге, а командование вызвало пилота-разведчика. Он кружил над позициями немцев и держал связь со мной, а я передавал полученные от него координаты на наши батареи. Так мы корректировали огонь. Немцы открыли огонь по разведчику. Он передал:

– По мне стреляют.

Затем разрыв зенитного снаряда повредил крыло самолета. Я запросил у руководи-

теля операции разрешение разведчику вернуться на аэродром. Командир дал команду уходить. Немцы открыли ответный огонь по расположению наших батарей и по радиостанции, с которой я корректировал огонь. Разрывы легли метрах в двухстах, затем в ста метрах от «Виллиса». Один снаряд разорвался так близко, что осколком разбило вытяжную антенну радиостанции. И командир операции приказал уходить. Мы покинули позицию, в этот момент снаряды едва нас не накрыли. За этот эпизод меня наградили орденом Красной Звезды.

Войну я закончил в составе 27-й артиллерийской дивизии командиром радиовзвода. Но после войны моя служба не закончилась. Мобилизован в сентябре 1952 и после краткосрочных курсов я отправился на службу в войска ПВО страны, в начале под Ленинград, затем в Эстонию. Это были годы «Хо-

лодной войны». Случалось, чужие самолеты вторгались в наше воздушное пространство, тогда я докладывал офицеру, и с аэродрома поднималось дежурное звено истребителей. Чужие самолеты избегали встречи с нашей авиацией, уходили в сторону моря и скрывались. Сутки на боевом дежурстве у экрана, двое суток отдыха и так, год за годом, десятилетия.

В 1961 меня отправили на Кубу, где я прослужил год, затем вернулся на прежнее место службы, в разведывательно-информационный центр командного пункта 6-й армии ПВО.

В 1973 году, отслужив 25 лет, я вышел в отставку в звании майора. Вернулся в Ленинград, работал начальником гражданской обороны, в 1989 году вышел на пенсию. Теперь свое время провожу с родными и близкими.

ДДЮТ, Софья КОВРИГИНА, школа № 145, 9 класс

Николай Николаевич РОМЕНСКИЙ

Николай Николаевич Роменский прошел всю войну от начала до конца. Родился он в 1917 году в одном из сел Воронежской области и рано познал нелегкий крестьянский труд, всю свою жизнь он был труженником войны и мира.

В 1938 году его призвали в армию, позднее участвовал в освобождении Бессарабии. После была война, заставшая его на Западной Украине на Львовщине.

С тяжелыми боями отходила его часть в глубь страны, с горечью в душе оставлял он территории врагу.

Он участвовал в обороне Одессы, этапами его боевого пути были Перекоп, Керчь, Феодосия, знаменитый Турецкий вал и, наконец, Сталинград. Он был ранен, но от эвакуации в тыл отказался. И опять окопы, подвалы бой за каждую пядь земли, за каждый этаж, дом.

С удовлетворением вспоминает он 19 ноября 1942 года – генеральное наступление наших войск, артподготовку, от которой понастоящему дрожала земля и огонь, который сметал все на своем пути. Вспоминает ветеран встречу нового, 1943 года на подступах к Сталинграду: «Собрались встретить Новый год, все было, и выпить и закусить, но, как на зло, не оказалось хлеба – не успели подвезти. Помог случай. Услышали звук мотора – на высоте шел немецкий транспортный само-

лет. С немецкой стороны в небо взлетела серия красных ракет, затем зеленых. Наши тоже дали красные, а затем зеленые ракеты – летчик решил, что кругом свои, совершил посадку в 150 метрах от наших окопов и был захвачен. Он доставлял хлеб и продукты своим осажденным войскам, а достались они нашим». Разгром немцев под Сталинградом проходил в тяжелых кровопролитных боях, – вспоминает дальше ветеран, – Все кругом рвалось и горело. Мы видели только свои потери, а потери немцев увидели и оценили только после их капитуляции в Сталинградском кольце. Всюду валялись трупы немцев, конские трупы, искореженная техника».

А затем, после Сталинграда, наш ветеран был только в наступлении – Курская дуга, Белоруссия, Польша и далее – территория врага, Германия.

После войны сержант Н.Н. Роменский был уволен в запас.

С того времени прошли десятилетия, но часто припоминается, как приходилось под огнем искать обрыв и восстанавливать связь когда разрывом снаряда повреждало провод.

Много говорит он о своих друзьях-однополчанах, о чувстве локтя и взаимовыручки, о штыковых атаках, в которых бывал сам.

В этой связи припоминает он один эпизод. Во время уличных боев в одном из городов Восточной Пруссии он столкнулся с немцем, ударил его штыком карабина, но попал в

борт шинели, не задев тела, сам оказавшись на грани гибели. В этот момент раздался выстрел, и немец упал замертво. Николай обернулся и увидел лейтенанта своего полка, спасшего ему жизнь в трудную минуту. Наш ветеран даже не успел поблагодарить лейтенанта за спасение. Николай побежал дальше, через пять домов увидел, как здоровый немец схватился с нашим солдатом и душит его. Недолго думая, Николай ударил немца штыком, а когда солдат поднялся, им оказался лейтенант, ранее спасший ему жизнь. Вот пример взаимовыручки и как иногда судьба сталкивает людей.

Давно сняты погоны, война осталась за спиной. О ней напоминают ранения и контузия, около двух десятков наград, в том числе ордена «Отечественной войны» I степе-

ни, «Красной Звезды», медали «За отвагу», «За боевые заслуги», «За оборону Одессы», «За оборону Сталинграда», «За освобождение Варшавы» и другие, 11 благодарностей от Верховного Главнокомандующего.

После войны Н.Н. Роменский обосновался в Ленинграде-Петербурге. Он работал слесарем-сборщиком на военных заводах, по роду работы выезжал на Байконур для сборки и наладки аппаратуры, повидал там конструктора космических ракет С.П. Королева.

Николай Николаевич – ветеран войны и труда, инвалид Великой Отечественной войны 2 группы. Он – оптимист, труженик, добросовестно выполнивший свой долг. Его жизнь – пример для молодежи. На таких, как он, стоит и держится наша Россия.

Сталинградский фонтан

Память сердца

Иван Дмитриевич ДМИТРИЕВ

Судьба порой выводит такие зигзаги, что диву даешься, сколько ее превратностей приходится испытать одному человеку... Подтверждение тому – очень непростая жизнь Ивана Дмитриевича Дмитриева.

Родился он на территории нынешней Чувашии 5 апреля 1916 года в деревне Бурундуки Ядринского уезда Казанской губернии. Его родители были крестьянами. Работали в колхозе, но их едва не репрессировали. Помогло то обстоятельство, что старший брат Ивана погиб во время Гражданской войны, где он служил в войсках Красной Армии. Когда документально удалось это доказать, семью Дмитриевых оставили в покое и снова приняли в колхоз...

Иван Дмитриевич закончил на «отлично» школу крестьянской молодежи, затем Мар-Посадский лесной техникум. В 1933 году он закладывал защитные лесные полосы «Чебоксары-Канаш». Затем – работал техником-лесоводом, замещал заведующего лесхозучастком. В 1935 году Иван Дмитриевич, (в счет «пятипроцентной разверстки Наркомлеса»), поступает в Поволжский Лесотехнический институт. Участвует в уральской экспедиции на территории Нижне-Тагильского ЛПХ треста «Свердлестяж». Преддипломную практику он проходит на базе Лесотехнической академии.

Готовясь к дипломному проекту, Иван Дмитриевич участвовал в полевых лесоус-

троительных работах в составе Оятской экспедиции. А в 1940 году он был направлен в Выборгскую экспедицию. Выполнял лесоинвентаризацию территории вдоль Линии Маннергейма, включенной в состав СССР после финской кампании 1939 – 1940 годов.

После защиты дипломного проекта, до ноября 1941 года, Иван Дмитриев работал в Ленинградской лесоустроительной конторе. Но уже шла война, и 16 ноября 1941 года от Красноборского военкомата он направляется в Котлас во вновь формируемую 28-ю стрелковую дивизию. Далее с января 1942 по март 1943 года – на Калининский фронт. Сначала он – рядовой, затем – командир минометного расчета 88-го стрелкового полка. Особенно напряженными были бои на Ступинских высотах и при освобождении города Великие Луки. На фронте Иван Дмитриев был дважды травмирован, но оба раза оставался в оборонительных подразделениях полка, получая медицинскую помощь на месте, без эвакуации в тыл. Когда в марте 1943 года формируется отряд бойцов для пополнения бронетанковых войск, его направляют в 15-й учебно-танковый полк во Владимир. Затем во 2-е танковое училище, город Саратов.

По окончании этого училища Иван Дмитриевич с октября 1944 года продолжает службу в 39-м учебном полку 5-й танковой бригады, расположенной в Свердловске. В

качестве преподавателя по танковой технике для новобранцев, он, техник-лейтенант, еще дважды отправляется на Западный фронт с новыми танками...

В апреле 1946 года офицера Дмитриева увольняют в запас, и он возвращается в Ленинград. До января 1947 года трудится прорабом на строительстве Московского парка Победы. С января этого же года Иван Дмитриевич переходит на работу в Ленавиаотряд треста лесной авиации. Должность – начальник партии Южно-Сахалинской экспедиции. (После Великой Отечественной войны южная часть Сахалина тоже стала советской).

В 1953 году Иван Дмитриев защищает кандидатскую диссертацию в Лесотехнической Академии, (ее тема была востребована производством). Затем он трудится в ЛенНИИЛХ, где его работы были отмечены медалями ВДНХ СССР, благодарностями. Дмитриев занимался работой в Комиссии по аэрофотосъемке и фотограмметрии, а затем –

в Комиссии аэрокосмических методов изучения Земли Географического общества СССР. В 1959 году он – доцент Всесоюзного Заочного Лесотехнического Института. Учебник его (в соавторстве с двумя другими учеными) издан в 1981 году. Он до сих пор – основной учебник для лесных вузов. И. Д. Дмитриев подготовил к изданию, кроме того, 66 научных и методических работ, монографию и 7 учебных пособий. Он был руководителем более 150 дипломных проектов.

На протяжении всей своей трудовой жизни И. Д. Дмитриев, получив военную закалку, стремился беззаветно служить своему народу. За это он удостоен звания «Заслуженный лесовод РФ».

Имеет 20 правительственных наград за военные и трудовые заслуги, в том числе орден «Отечественной войны» II степени, медали: «Имени Г.К. Жукова», «За боевые заслуги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне», «За доблестный труд» и другие.

ТЕБЯ НИКОМУ НЕ ЗАБРАТЬ!

*Он пришел с победой
Он уходил, прощаясь с синим небом,
С зеленым лесом, тихой рекой.
Последний раз взглянув на стаю
птиц свободных,
Воскликнул: «Я приду с победой!
Я вернусь домой!»
А впереди года свирепой бойни,
Кровавый «бал» в гостях у сатаны,
Но он не отступил, не пошатнулась воля,
Он шел вперед по тропам начатой войны.
А русская земля, глатавшая
бесчисленные взрывы,*

*Уставшая от бесконечных войн,
Рыдала, укрывая сыновей погибших
Своею теплою, родной для них рукой,
Но он дошел до самого Берлина -
Вдруг выступили слезы на глазах.
И не заметил он, что рядом мина,
Одно мгновение - и погиб солдат.
Река шумит, оплакивая мертвых,
И лес тот стал совсем седой,
А небо приняло солдата с миром,
Ведь он пришел с победой,
Он заслужил покой.*

Валерий ПАЛИЙ,

От юнги до академика

Вячеслав Ефимович ЛЕВАНОВ

Вячеслав Ефимович Леванов, крестьянский паренек с Вологодчины с детства любил природу, мечтал о море. Его воображение волновали морские плавания и путешествия в духе романов Жюль Верна, а также будни и героика флотской службы.

Его мечта сбылась – в 1944 г. пятнадцатилетним пареньком он подал заявление в военкомат и юнгой попал в Учебный отряд связи Северного флота на Соловецких островах, а через короткое время уже служил на базе «Полярное» радистом большого морского охотника.

Началась нелегкая морская служба в военное время. Много раз проходил его корабль траверс острова Кильдин и полуострова Рыбачий, направляясь на очередное задание, бороздил суровое, вечно беспокойное Баренцево море, ведя поиск вражеских подводных лодок на морских просторах, прибрежных шхерах и фиордах, обнаруживал их и проводил глубинное бомбометание.

Он участвовал в операциях по высадке десанта на Киркинес, по обнаружению и подрыву плавучих мин в Кольском заливе и других водах.

Из салажонка, как говорят на флоте, он превратился в настоящего военного моряка, быстро мужая и взрослея в боевой обстановке.

В конце войны он был уже старшиной 2 статьи, командиром группы радистов, а после войны получил звание старшего лейтенанта.

Вячеслава Ефимовича всегда отличала какая-то особая, неумемная тяга к знаниям, это отразилось на всей его жизни.

Рано лишившись родителей и научившись надеяться только на себя и свои силы,

он, без отрыва от флотской службы, после войны окончил в городе Полярное 8-й и 9-й классы вечерней школы, а, демобилизовавшись в 1948, по состоянию здоровья, 10-й класс школы в Ленинграде.

В 1949 он поступил в Ленинградскую лесотехническую академию, которую окончил в 1954 по специальности инженера-экономиста.

На студенческую стипендию прожить нелегко, и Вячеслав Ефимович в свободное от учебы время, зарабатывал себе на жизнь, разгружая баржи, вагоны с углем, работал на клеювом заводе, техником-геологом в экспедициях.

Находилось время и для спорта, он серьезно занимался греблей и парусным спортом, а на 2-м курсе с группой студентов совершил шлюпочный переход из Ленинграда в Одессу по маршруту пути «из варяг в греки».

Затем последовала учеба в аспирантуре и присвоение ученой степени кандидата наук.

И снова исследовательская работа в сочетании с преподаванием в Академии, заведование кафедрой, аспирантурой, присвоение ему ученой степени доктора наук, звания профессора.

Побывал он и за рубежом: один год в Норвегии, 4 года в качестве эксперта в Гвинее, по приглашению в Чехословакии и Болгарии, овладел французским и английским языками.

Во время пребывания в Африке, перенес операцию по удалению аппендикса, получил инфекцию и, его умирающего, отправили в Москву, где врачи с трудом спасли ему жизнь.

В мае 1993 ему присвоили звание члена-корреспондента Академии естественных наук

РФ, в декабре 1993 – действительного члена АН РФ (отделение наук о лесе), в 1995 г. – он был награжден памятной медалью АН РФ «Автор научного открытия», в апреле 1996 было присвоено звание «Заслуженный деятель науки РФ» с вручением нагрудного знака.

Вячеслав Ефимович Леванов – участник Великой Отечественной войны, кавалер ряда правительственных наград, инвалид II группы, ветеран труда со стажем 61 год.

Являясь крупным и разносторонним специалистом в области экономики лесного хозяйства, организации и управления произ-

водством, он вел большую научную работу с рядом зарубежных организаций ФРГ, США, Финляндии, Китая, Монголии.

Вячеслав Ефимович Леванов опубликовал 76 печатных работ, в том числе 11 учебников, монографий и методические пособия, подготовил 10 кандидатов и одного доктора наук, двух кандидатов наук для Монголии.

На его плечах большая общественная работа, которую он вел и успешно ведет поныне.

Не забывают ветерана его многочисленные друзья, коллеги, его «альма матер» – родная Академия.

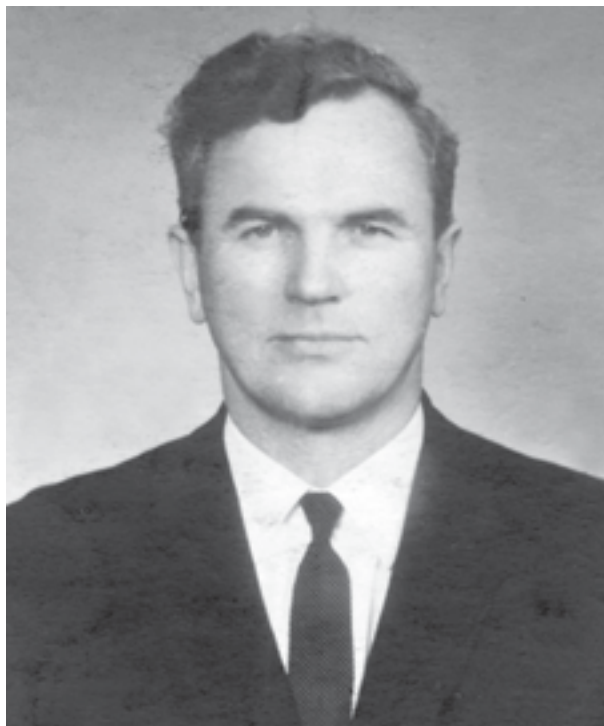

Память сердца

Сергей Алексеевич ЧУКСАНОВ

Родился я в 1921 году, на Полюстровском проспекте, где прошли мои детство и юность. В 1929 году вступил в пионерскую организацию, в 1938 году – в комсомол, в тяжелые годы 1942 – 1943 гг. – в ВКП(б). С детских лет увлекался спортивными играми, посещал занятия по различным видам спорта, участвовал в соревнованиях и каждый год ездил в пионерские лагеря. Занятия спортом пронес через всю жизнь и по настоящее время физическую культуру стараюсь не бросать.

Школьником, за выполнение нормативов мне вручили значки «Ворошиловский стрелок» и «Готов к труду и обороне».

В 1939 году в период финских событий окончил школу и поступил в 1-ое Ленинградское авиационно-техническое училище имени К. Ворошилова. Вместо положенных двух лет, нас выпустили через год с присвоением звания младший военный техник (с одним кубиком на петлицах).

Большинство выпускников распределили на аэродромы западной границы военных округов. Я получил назначение на аэродром Балбасово в 160-й истребительный авиационный полк (ИАП) 43-й истребительной авиационной дивизии, располагавшийся в 12 км от г. Орша. До начала войны оставалось 8 месяцев...

160 ИАП был сформирован преимущественно из летчиков и техников, только окончивших военные училища. Достаточный опыт имели командиры эскадрилий и некото-

рые командиры звеньев, участвовавшие в событиях в Испании. Началась интенсивная подготовка летного состава в освоении самолета И-153 – полутороплана с двигателем воздушного охлаждения. С перелетом полка на запасной грунтовый аэродром появилась возможность повысить уровень летной подготовки всего состава. Утром 22 июня 1941 полк был поднят по тревоге с вылетом и посадкой на аэродроме Ложица. В этот день на

самолете ТБ-3 перевезли весь технический состав и штабных работников. Мы не знали, почему прибыли, не знали, что нужно сосредоточить самолеты и рыть окопы и щели. И только утром 23 июня, когда увидели над собой множество самолетов, мы поняли, что началась война.

Массированные удары фашистской авиации на самолетах Ю-88 продолжались, пока не последовал приказ – перелететь на аэродром в 40 км от Минска.

После тяжелых потерь первых недель войны, дальнейший путь полка был таким: аэродромы Смоленск, Вязьма, затем отъезд в Горьковскую область на станцию Сейма, где находился 20-ой запасной авиаполк, перучивавший на новые самолеты ЛАГГ-3.

По готовности нашему полку изменили номер, он стал именоваться 523 истребительный авиационный полк. 3 сентября 1941 составу 523 ИАП вручили Красное знамя полка и приказали перелететь в район боевых действий на Ленинградский фронт. В тече-

нии трех месяцев летный состав полка вел тяжелые воздушные бои с фашистской авиацией, защищая героический Ленинград и Волховстрой, несмотря на артиллерийские обстрелы со стороны передовых частей немецкой армии.

В конце декабря 1941 года, понеся большие потери, 523 ИАП убыл с Ленинградского фронта в тыл, для формирования и переучивания на новые самолеты Ла-5, по летно-тактическим данным превосходившие немецкие истребители.

Закончив подготовку 523 ИАП убыл на Западный фронт и вошел в состав 303 истребительной авиационной дивизии (ИАД), а в начале мая 1942 года дивизия вошла в состав 1-ой Воздушной Армии и в ее составе был до конца войны.

В апреле 1943 в состав 303 ИАД вошел полк французских летчиков «Нормандия-Неман». Действуя на советско-германском фронте французские летчики совершили свыше пяти тысяч самолето-вылетов и сбили более 270 самолетов противника. Своей отвагой они сумели создать дружественные и братские отношения с личным составом дивизии.

Боевые действия 523 ИАП на Западном фронте были направлены на поддержку наступления наземных войск. Бомбардировочная и штурмовая авиация постоянно бомбила и штурмовала скопления войск и техники противника. Их прикрытие осуществляли летчики 303 ИАД.

В этой наступательной операции войска Западного фронта освободили три советских города, находившихся в оккупации: г. Спас Демьянск, г. Ельня и г. Смоленск.

За отличные боевые действия при освобождении данных городов Верховный Главнокомандующий тов. Сталин объявил благодарность всем полкам и дивизии, участвующих в данной наступательной операции.

В апреле месяце 1944 г. Западный фронт был преобразован в 3-й Белорусский фронт.

С этого момента 523 ИАП стал выполнять боевые задания в интересах фронта и наземных войск. Возникла необходимость ведения воздушной разведки фашистских войск, из районов сосредоточения пехотных артиллерийских и танковых войск и техники при подготовке наступательных операций.

Война приблизилась к своему окончанию.

3-й Белорусский фронт освободил г. Кенигсберг.

В ходе Великой Отечественной войны Верховный Главнокомандующий, Маршал Советского Союза тов. Сталин за отличные боевые действия 20 раз объявлял благодарность 303 истребительной Смоленской Краснознаменной ордена Суворова дивизии совместно с другими соединениями.

Война закончилась для нас неожиданно, мы находились в Восточной Пруссии в городе Хайлингенбайль. Наш 523 Истребительный авиационный Оршанский Краснознаменный орденов А. Невского, М. Кутузова, А. Суворова произвел 8335 боевых самолето-вылетов, из них, половина вылетов произведена на воздушную разведку, сбито 115 самолетов противника.

По окончании войны с Восточной Пруссии 523 ИАП в составе 303 ИАД убыл в Западную Белоруссию на аэродром Кобрин, получил новые самолеты Ла-15 с реактивным двигателем и приступил к его освоению.

Дальнейшими аэродромами базирования были Ярославль и Кострома, из которых дивизия в полном составе осуществила перелет на Дальний Восток на аэродром Воздвиженка. Далее Китай, Мукден и китайский аэродром базирования для трех полков дивизии – Мяугово, вблизи северной границы Северной Кореи.

Выполняя правительственное задание, дивизия вела боевые действия в течение 11-ти месяцев и после окончательно была перебазируется на Дальний Восток. Ряд

офицеров поехали в центральные города на учебу, меня направили в Таганрог на высшие летно-тактические курсы. По окончании я получил назначение в оперативное отделение 63 бомбардировочной авиационной дивизии, на вооружении которой стояли самолеты ИЛ-28.

В 1955 году я поступил в Академию им. Гагарина на заочное отделение, которую окончил в конце декабря 1959 года. В феврале 1960 меня назначили на должность начальника штаба 230 БАН 63 БАД. В июле 1962 г., приказом Главкома ВВС, получил назначение на должность начальника оперативного отделения 6 БАД. Командиром дивизии был дважды Герой Советского Союза генерал-майор Кунгурцев Е.М. Дивизия в составе 3-х полков базировалась на аэродроме в г. Герияховск.

В 1964 году личный состав 6 БАД вошел в состав военно-транспортной авиации и получил новое наименование – 6-я Воен-

но-транспортная авиационная дивизия. Начался период переподготовки летного состава на военно-транспортные самолеты АН-12. Высокий уровень подготовки летного состава позволил без труда освоить пилотирование АН-12. Начались полеты экипажей по десантированию воздушно-десантных войск. В полном составе дивизия привлекалась для десантирования воздушно-десантных войск на учениях, которые проводились в Военных округах. Высшую оценку личный состав 6 ВТАД заслужил, совместно с ВДВ, участвуя в событиях в Чехословакии.

На этом моя служба в ВВС закончилась, еще и из-за того, что попал в автомобильное происшествие. В Риненском госпитале комиссия признала меня не годным в мирное время. После приказа на увольнение в 1969 году прибыл в родной Ленинград, поступил на работу начальником отдела кадров на завод «Радий», проработал на нем 25 лет и в 1995 году ушел на заслуженный отдых.

ПЕРЕБИРАЯ НАШИ ДАТЫ

*Перебирая наши даты,
Я обращаюсь к тем ребятам,
Что в сорок первом шли в солдаты
И в гуманисты в сорок пятом.*

*А гуманизм не просто термин,
К тому же, говорят, абстрактный.
Я обращаюсь вновь к потерям,
Они трудны и невозвратны.*

*Я вспоминаю Павла, Мишу,
Илью, Бориса, Николая.
Я сам теперь от них завишу,
Того порою не желая.*

*Они шумели буйным лесом,
В них были вера и доверье.
А их повыбило железом,
И леса нет — одни деревья.*

*И вроде день у нас погожий,
И вроде ветер тянет к лету...
Аукаемся мы с Серезжей,
Но леса нет и эха нету.*

*А я все слышу, слышу, слышу,
Их голоса припоминая...
Я говорю про Павла, Мишу,
Илью, Бориса, Николая.*

Давид САМОЙЛОВ

Война — тяжелый ратный труд

Федор Кузьмич КОЛЬЦОВ

Война — испытание на прочность всех человеческих качеств. И Федор Кузьмич Кольцов выдержал этот экзамен.

Родился он в 1919 году на Новгородчине. В 1939 году стал курсантом Ленинградского авиатехнического училища, после окончания которого, попал в 207 авиаполк бомбардировочной авиации под Смоленск. Здесь он встретил начало войны, первую боевую тревогу, здесь познакомился с командиром эскадрильи Николаем Гастелло, чей подвиг известен всем любящим свою страну россиянам.

После переучивания на новый штурмовик Ил-2 Федор Кузьмич был направлен в 187-й Гвардейский Краснознаменный штурмовой авиаполк, с которым прошел всю войну, до его расформирования в 1968 году, став ветераном полка.

Ф.К. Кольцов прошел славный боевой путь, участвовал в боях под Сталинградом, воевал на Калининском, Юго-Западном, 2-м Украинском фронтах, освобождал Румынию, Венгрию, Австрию, Чехословакию. В своем полку прошел служебную стезю от авиатехника до заместителя командира эскадрильи по техчасти.

За годы войны Ф.К. Кольцов обслужил 476 боевых вылетов. Он — ветеран Великой Отечественной войны, кавалер более 20 правительственных наград, в том числе двух орденов «Красной Звезды», ордена «Отечественной войны» II степени, медалей «За боевые заслуги»,

«За безупречную службу I степени», «Ветеран военной службы», «За оборону Сталинграда», «За освобождение Будапешта», «За освобождение Праги», нагрудных знаков «Ветеран 1-й воздушной армии» и других наград.

За его плечами 31 год военной службы и 32 года мирного труда...

Вспоминает ветеран эпизод, случившийся с его другом Сашей Рыговым: «Штурмовики ушли на задание, прошло положенное для их возвращения время, и мы на аэродроме с нетерпением ждали их, поглядывая за горизонт. Вот вдаль показались быст-

ро приближающиеся темные точки, приобретающие силуэты самолетов, затем посадка, пробег и уход с полосы. Среди возвратившихся, не хватало одного штурмовика, сразу возникло предположение о его гибели. Но вот появился и он, неожиданно, из-за самых верхушек деревьев. По поведению самолета чувствовалось, с летчиком или техникой что-то случилось. Пилот делал все возможное и невозможное, пытаясь справиться с машиной. С большим трудом он посадил самолет. Хотелось крикнуть ему: «Гаси скорость!» Но он все равно бы нас не услышал. Штурмовик проскочил конец полосы и бежал по целине и, наконец, совсем остановился. Никто не сдвинул фонарь кабины, не вышел из самолета. Мы решили, что летчик мертв. По полю к самолету неслась «санитарка» с врачом. Каково же было наше удивление при взгляде на

самолет и летчика. Самолет был изрядно поврежден, разворочен мотор, снесено хвостовое оперение, на нуле был бензин. А летчик, живой и здоровый, без единой царапины, сидел в кабине, положив руки и голову на штурвал. Он просто очень устал от физической нагрузки и нервного перенапряжения. Но он улыбался, ведь он сохранил машину. Смотря на самолет, мы удивлялись повреждениям, но еще больше удивились, увидев застрявшую между лонжеронами двухметровую верхушку дерева. Летчик верил в свою машину, в ее возможности и свое умение, поэтому не оставил самолет».

«Был в моей службе еще один эпизод, – вспоминает Федор Кузьмич. – В августе 1944 года не вернулся с задания один штурмовик. Мы посчитали самолет и экипаж погибши-

ми. Через некоторое время экипаж самолета вернулся в полк пешком. Летчик сообщил, что в бою был поврежден мотор, но самолет удалось посадить в овраге на нейтральной полосе, самолет цел, и его надо немедленно забрать, пока не заметили немцы. Командир авиаполка вызвал меня и дал приказ: «Доставить самолет на аэродром».

Мне дали автомашину «Студебекер» и 7 солдат. Темной августовской ночью я поехал к переднему краю, оставил машину на шоссе и направился к передовой. Офицеры пехотной части не хотели пропускать меня на «нейтралку», но, разобравшись в сути дела, пропустили, только удивлялись, что я лезу под самые окопы немцев. По пути в овраг я наткнулся на часового, охранявшего подступы к танковой части. Командир танкового полка, проверив мои документы и, узнав, что надо спасать посаженный в овраге штурмовик, сразу пошел мне навстречу и дал танк-тридцатьчетверку, сказав, если будет надо, даст еще один, а если немцы начнут стрелять – прикроет огнем.

«Вы хорошо поддержали нас в бою, теперь мы поможем вам по законам фронтового братства» – сказал командир-танкист.

Я забрался в танк, на малых оборотах мы с экипажем добрались до оврага, подцепили штурмовик на буксир, вытащили его и доставили на шоссе, к нашей машине. Было нелегко из-за темноты, танкисты не включали фары, а немцы были так близко, что слышались обрывки их разговоров.

Я поблагодарил танкистов, прицепил самолет к машине и добрался до ближайшего населенного пункта. Там снял с самолета крылья, закрепил их в кузове, и на буксире доставил самолет в полк. Там снова привинтил крылья к фюзеляжу, отремонтировал мотор, и самолет вернулся в строй.

За выполнение этого задания, командир полка на общем построении вручил мне орден «Красной Звезды».

Война – это тяжелый ратный труд».

Хранимый Судьбою

Био Васильевич СИЗЬМИН

Когда началась Отечественная война, мне исполнилось 16 лет. Отец ушел добровольцем в народное ополчение и погиб в первые месяцы войны. Вскоре школьников старших классов, вместе со взрослыми, направили рыть противотанковые рвы в Карелии, больше тысячи человек там было. Проработали недолго, вдруг получили приказ: «немедленно покинуть территорию». А шестерых, в том числе и меня, оставили сдавать продукты. Стемнело, поблизости слышалась канонада, летали самолеты. Мы ждали следующую машину, зашел военный, спросил: «Что вы здесь делаете?». Мы ответили, что сдаем продукты. А он закричал: «Какие продукты?! Сейчас здесь бой будет!». Те, кто бежали до нас, по пути все бросали, мы возвращались, в темноте находя дорогу по лопатам.

Позже начались массированные налеты авиации, разбомбили Бадаевские продовольственные склады, резко начался голод. И в этот период меня устроили на завод им. Карла Маркса, учеником, отец моего друга работал там начальником цеха. Мы делали снаряды, работали по 12 часов без выходных. Тяжело, зато я получил рабочую карточку, на которую давали 250 грамм хлеба, порой мой хлеб был единственной пищей.

Во время налетов нас, подростков, посылали дежурить на крыши, гасить зажигательные бомбы. Немцы устраивали авианалеты

ровно в 8 часов, когда заканчивалась рабочая смена, по ним можно было часы сверять. В один из дней зазвучала тревога, а я замешкался, не успел залезть на крышу. И именно в этот раз в наш цех попала фугасная бомба. Меня оглушило, обвалились стены цеха. Вокруг бегали люди, а я не понимал, что случилось. Страшно стало потом, когда прошел по обломкам. На крышах мы дежурили по 6 человек, моих товарищей, как ветром сдуло, только я уцелел.

Я жил в доме около Политехнического института, бывшем общежитии. Когда родился, мой отец был там студентом, он и дал мне имя Био, что значит «жизнь». В доме располагались магазин, булочная, кинотеатр, а на первом этаже – наша коммунальная квартира. Там жили – я, моя сестра 14-ти лет и мать, неродная.

С продуктами становилось все хуже и хуже, пришел голод. Потом и работать я уже не мог. Зима наступала, а холод был еще хуже, чем голод. Семью наших соседей по квартире подозревали, что они занимаются дурными делами. Пропала моя сестра, мы думали, что она ушла к бабушке, но как оказалось позже, бабушка с ее дочерью тогда уже умерли от голода, у них вырвали карточки. Вскоре после этого, постовой милиционер зашел к нам прикурить – спички уже стали редкостью. И в этот момент раздался крик.

Наша парадная была проходной, случилось, в ней отнимали хлеб. И мама сказала милиционеру: «Иди, выручай. Там, наверно, хлеб отнимают». А он ответил: «Нет. Это где-то у вас, в квартире кричали». Тогда мама сказала: «Значит, стучите в эту комнату, наверно, здесь человека убивают». Милиционер постучался – не открывают, тут и я вышел. Он в дверь стучит: «Откройте, милиция!» Никогда этого не забуду: дверь приоткрыла женщина, сказала, что болел живот, поэтому кричала, все тогда мучались болями в животе. Но за дверью было видно – кто-то лежит на кровати, накрытый с головой. Милиционер спросил, женщина ответила, что это ее ребенок. Но одеяло сползло, стали видны ступни взрослого, а у стола, упираясь в столешницу кулаками, стоял муж соседки. Милиционер зашел, скинул одеяло, там оказалась только что убитая женщина.

Соседей увели, мы слышали, что потом их расстреляли. После обыска в их комнате нашли суп, банки тушенки под видом конины, на продажу – все с человеческим мясом. И нашли шерстяной свитер моей пропавшей сестры.

Скоро я ослабел, уже не мог ходить и тогда попросил мать: «Все равно умирать, вези меня в больницу». Мама отвезла на санках, но меня не приняли, поэтому попросил там и оставить, все равно конец уже. Мама ушла, и снова, как судьба вмешалась. Одноклассник работал санитаром, а его родители – врачами в этой больнице, он меня увидел. Так я попал в больницу, провел там самый трудный период – февраль и начало марта. В тепле и как-то кормили, поэтому остался в живых.

Потом отправили в ФЗО, поселили в общежитии на набережной недалеко от Дворцовой площади. И снова, будто судьба вмешалась. Встречались в подъезде, чтоб идти в баню, два десятка людей собралось, и в этот момент снаряд попал прямо в подъезд. Я осмотрелся – многих убило, других тяжело ранило, мне только задело ногу. С ранением по-

пал в госпиталь, а после, эвакуировался на Урал, в город Орск, где работал на мясокомбинате. В конце войны меня призвали в армию, и после учебы я попал в 104-й танковый полк 5-й гвардейской дивизии им. Котовского. Нашему полку поставили задачу выйти к Эльбе и соединиться с войсками союзников. Приказ был: продвигаться, не ввязываясь в бои. Случалось, ехали мимо немцев, а они стоят с котелками, получают обед. Немцы не стреляли, и мы не стреляли, только смотрели. Но в одном бою участвовали, на 1-е мая. Все выпили, отметили праздник. Разведка доложила, что в близлежащей деревушке оказывается сопротивление. И приказ: «Взять!» Во время боя подбили один наш танк.

После занятия плацдарма на реке Одер, почти не встречая сопротивления, мы вы-

шли на Эльбу и соединились с союзниками. В деревеньке Кляйншмулт отметили встречу с американцами, вместе выпили. В отличие от русских, американцы жестче относились к местному населению, вели себя, как хозяева. 2-го мая при взятии Перлеберга в подбитом фаустпатроном танке погиб танкист Василий Крылов – любимец полка.

С другими бойцами я фотографировался у рейхстага. После победы задержался в Германии – колесный транспорт убыл своим ходом, а для танков мы несколько месяцев ждали платформы, так как, прежде всего из Германии вывозили оборудование с заводов. После, вернулся в Ленинград.

Я всегда любил спорт, в Ленинграде закончил Высшую Школу Физической культуры. Работал в Великом Устюге, вернулся. Потом в Магадане работал в Обкоме комсомола, но работа была не по мне, снова вернулся в Ленинград. 30 лет работал на объединении Океанприбор. Вышел на пенсию, продолжил работать на военной кафедре.

В Книге «История военной кафедры ПИМаш» написана часть моей истории. Награжден медалями «За отвагу», «За взятие Кенигсберга», орденом Отечественной войны II степени. Теперь пенсионер, живу с дочерью-учительницей. В 2007-м году мне исполнилось 82 года.

НА ПОДСТУПАХ К ПЕРВОМУ БОЮ

*Памяти танкиста, чье имя
я никогда не узнаю. Первая
смерть, которую я увидел на
войне, была его смертью.*

*ЕГО привал —
последний, краткий...
Такой открылась мне война.
Кровь наполняет плащ-палатку,
И давит землю тишина.
Еще живой, но отрешенный,
Он нас глазами провожал.
А мы — нестройная колонна —
Нелетый церемониал.
И нету сил, и нету права
Прощальных глаз не встретить свет.
Шагаем, головы направо,*

*Направо, — не забудешь, нет.
И стыдно — в душу проникает,
Чтоб боль чужую не пускать,
Невыносимая такая
Эгоистичная тоска:
«А наша близко ли, далеко?»
Он, одинокий, понял нас...
Каким с тех пор живет упреком
Свет, исчезающий из глаз.
А я прошел дорогой шаткой,
Мои ранения не в счет.
...Танкист в тяжелой плащ-палатке
По волнам памяти плывет.
Живой, давным-давно убитый.
И светит мне прощальный взгляд
Сквозь толщу глины и гранита,
Где Неизвестный спит солдат.*

Герман ГОППЕ

Блокада

Память сердца

* * *

*...Я говорю с тобой под свист снарядов,
угрюмым заревом озарена.
Я говорю с тобой из Ленинграда,
страна моя, печальная страна...*

*Кронштадтский злой, неукротимый ветер
в мое лицо закинутое бьет.
В бомбоубежищах уснули дети,
ночная стража встала у ворот.*

*Над Ленинградом — смертная угроза-
Бессонны ночи, тяжек день любой.
Но мы забыли, что такое слезы,
что называлось страхом и мольбой.*

*Я говорю: нас, граждан Ленинграда,
не поколеблет грохот канонад,
и если завтра будут баррикады —
мы не покинем наших баррикад.*

*И женщины с бойцами встанут рядом,
и дети нам патроны поднесут,
и надо всеми нами зацветут
старинные знамена Петрограда.*

*Руками сжав обугленное сердце,
такое обещание даю
я, горожанка, мать красноармейца,
погибшего под Стрельною в бою:*

*Мы будем драться с беззаветной силой,
мы одолеем бешеных зверей,
мы победим, клянусь тебе, Россия,
от имени российских матерей.*

Ольга БЕРГГОЛЬЦ

Ирина Борисовна СКРИПАЧЕВА

Председатель С-Пб ООО «Жители
блокадного Ленинграда»

Уважаемые петербуржцы, ленинградцы!

В памятные даты мы, жители блокадного города, пережившие жесточайшую 900-дневную осаду Ленинграда, идем на Пискаревское кладбище, чтобы поклониться тем, кто пал, защищая Ленинград, погиб от бомбежек, обстрелов, голода и холода.

Мы возлагаем венки и цветы и всегда мысленно обращаемся к умершим, рассказывая о том, что успели сделать. А нам есть, что рассказать. Наше поколение принимало самое активное участие в восстановлении израненного города и страны, в возрождении разрушенной промышленности, создании новейшей, самой передовой в мире техники, развитии науки.

Санкт-Петербургская общественная организация блокадников, а это почти сто тысяч человек, выражает благодарность создателям книги «Память сердца» за предоставленную возможность обратиться к тем, кто идет за нами – к будущему поколению – с наказом: «При жизни наших дорогих и близких мы мало сказали им слов любви и благо-

дарности. Поэтому завещаем Вам больше и чаще говорить им добрые, нежные слова, что бы потом не терзаться горькими сожалениями».

Одна из главных задач нашей организации – связь Времен и Поколений. Высокой оценки заслуживает Детско-Юношеское Общественное Объединение (ДЮОО) школы №79 Калининского района под руководством учителя Екатерины Алексеевны Сущенко, объединение с названием «Память сердца», удивительно и удачно совпавшим с названием книги, для которой написана эта статья. С ДЮОО «Память сердца» нас связывает большая дружба. А создателям уникального исторического издания «Память сердца», которое, безусловно, войдет в историю жизни города, – добрых дел Вам, друзья, успехов во всех делах и начинаниях!

Судьба актрисы

Инна Михайловна АГАПОВА

До войны семья Инны Михайловны Агаповой проживала в Ленинграде на Большой Московской улице. В школу Инна ходила на Разъезжую улицу. Дружила и играла с соседскими ребятами.

Будучи подростком, Инна с подругами ездила на Кировские острова, в Ольгино. Загорали, купались в заливе, собирали цветы, ягоды. Родители: папа – Агапов Михаил Васильевич и мама – Вульф Елена Федоровна, не были против таких поездок... Но вот однажды, 22 июня 1941 года, Инночка с девчатами вновь поехала в Ольгино. В солнечный день они прекрасно провели время. Собрались домой и пошли на станцию Лахта, (так было им ближе). В пути одной из подружек захотелось пить, и она обратилась за водой в расположенную там воинскую часть. Вернувшись, девушка сообщила подругам тревожную весть: по радио выступал Молотов. «Ой, девочки», – сказала она, – «Как бы войны не было...» Как-то страшно вдруг всем стало! Дошли до Лахты. Три поезда проехали мимо без остановки. Пришлось идти в город по шпалам. Затем на трамвае доехали до дома. А там родители сидят около радиоприемника и напряженно слушают радиопередачу. Выступала женщина, видно на общем собрании заводчан, со слезами в голосе. Папа Инны, бывший летчик, закончивший затем Академию связи, понял сразу всю серьезность положе-

ния в стране. Во время войны он отвечал за связь Петергофа и Ленинграда «Воздух – Земля». За доброту и интеллигентность – бывшего дворянина – Михаила Агапова подчиненные любили и тщательно оберегали от превратностей судьбы, называли «батей». А он, заботясь о двух своих дочерях и супруге, дважды присылал за ними машину. Мечтал их эвакуировать. Но каждый раз жена отказывалась покидать город. Она сказала: «Раз ты на Ленинградском фронте, мы никуда не поедem».

От своего командирского пайка заботливый отец семейства откладывал по маленькой порции сливочного масла. И как-то раз привез домой целую кружку таких кусочков...

Мама Инны Михайловны имела музыкальное образование. До войны она работала на Ленфильме начальником мультгцеха по созданию мультипликационных фильмов. Добрую и отзывчивую, ее тоже все любили. А в военное время отвечала она за все домовые службы самозащиты. Ежедневно составляла списки: кто, где, когда должен быть на дежурстве. Жильцы слушались Елену Федоровну, и порядок был обеспечен в доме, на улице, около дома и во дворах. Тем более – в бомбоубежище во время тревог. Особо надо отметить ситуацию, связанную с водопроводной водой. В подвале первого флигеля их дома всю войну работал водопровод! И

так, за драгоценной жидкостью, в подвал на Большой Московской приходили люди из соседних домов и даже улиц. Своих жильцов дежурный «по воде» пропускал вне очереди. Наполненные ведра, бидончики, люди несли с большой осторожностью, особенно по лестницам. В морозную студеную зиму пролитая вода быстро превращалась в лед, отчего идти по этому месту было небезопасно. Так на Невском проспекте, где прорвало водопровод, на мостовой образовалась ледяная гора. Людям приходилось на нее забираться и «нырять» с ведром вниз за водичкой. Продуктов в семье Агаповых едва хватало, чтобы не умереть, а вот водочку, которую тоже можно было отovarить, не обменивали на пищу: берегли для хозяина. И как-то она очень пригодилась, когда Михаил Васильевич зашел домой с отмороженными ногами. Натерли их водкой, согрели, и офицер Агапов поехал на службу «в полном порядке»... Во флагманском продовольственном магазине, который находился на Кировском проспекте, где Михаил Васильевич был «прикреплен», как-то ранней весной 1942 года удалось отovarить пшеном, а не перловкой, которую в шутку называли «шрапнелью».

Тяжелее всего было видеть на улицах умерших горожан. Было рискованно садиться передохнуть. Люди могли из-за слабости не встать, и тут же умирали. Проходим порой не хватало сил помочь подняться таким ослабевшим ленинградцам. Прямо на улице умирали многие. Машины специального подразделения НКВД систематически их подбирали и перевозили на захоронение. Грузили их на машины зачастую женщины. И из рассказа одной из них Инна Михайловна как-то в бомбоубежище узнала, что она так привыкла к своей «работе», что могла, не брезгуя, сидеть на груде покойников в грузовике и жевать хлеб! Обстрелов в городе было так много, что люди, будучи на улице, не успевали – после сигнала «воздушной тревоги»

добраться до дома. Тогда они прятались или в ближайших бомбоубежищах или в парадных. Так произошло и с Инной Михайловной, когда немцев уже отогнали от города. Начали работать кинотеатры, и она как-то днем решила посмотреть кинофильм. Когда сеанс заканчивался, все вдруг услышали знакомый звук сирены. По этой тревоге зрителей не «погнали» в бомбоубежище, и минут пять они смотрели фильм до конца. Когда людей выпустили на улицу, отбоя тревоги еще не было. Дежурные милиционеры в таких ситуациях старались загонять людей в ближайшие парадные или бомбоубежища, зачастую рискуя своей жизнью. Инна устремилась домой, дескать там и стены спасают. И вдруг оказалась свидетельницей страшного зрелища. На Невском в парадную Публичной библиотеки упал снаряд. Второй попал в трамвай, стоявший недалеко от «Публички». Были жертвы, а наша героиня, перебежав Невский, ужаснулась от увиденной картины. Домой она понеслась, что есть сил. И в течение двух дней не могла прийтись к еде... Глубоко врезался в ее память такой случай. Поздно вечером проездом забежал отец. Но тут завывла сирена, и семья собралась идти в бомбоубежище. Инна, лежа в постели, не захотела спускаться – ей это уже надоело, и она там бывала лишь в свое дежурство. Пока папа с младшей дочкой на руках стоял в дверях у лестницы, послышался сильный удар, посыпались в доме стекла. Оказалось в первом флигеле снаряд пробил крышу, долетел до второго этажа и ... не разорвался. А на пятом этаже жила пожилая чета, деликатные, милые, внимательные люди. Соседи их в шутку называли «старосветскими помещиками». Фамилия у них была «Мышь». Они спали на разных кроватях по бокам комнаты. Снаряд пролетел между ними, и старики остались живыми!

В лютую зиму Агаповы топили дровами буржуйку. На ней готовили, ею обогревались. У ее открытой дверцы Инна читала книги

классиков и дважды прочитывала те места, где речь шла о пиршествах. Так что у всех текли слюнки... Ежедневно слушали по «черной тарелке» – домашнему радио – сводки Совинформбюро, выступления Юрия Левитана, Ольги Берггольц, Маргариты Алигер, Веры Инбер... Шло время. Бомбежек становилось все меньше. Люди стали спокойнее... И как-то летом сорок четвертого года, когда воинская часть отца Инны стояла в Петергофе, он снял в Мартышкино комнату и повез семью на природу, на свежий воздух. Проезжая Стрельну и Петергоф, Агаповы увидели, в каком состоянии были знаменитые исторические места. Они не смогли сдержать слез... А когда советский народ победил фашистов, ликование не было предела! Эту радость не передать словами. Надо ее почувствовать.

Господь подарил Инне Михайловне прекрасный голос. Уже на четвертом курсе училища при Театре Музыкальной Комедии, ей

дают роль – Пипиты в оперетте «Вольный ветер». Затем она играла роль Стаси в «Сильве», Адель в «Летучей Мыши», выступала в госпиталях перед ранеными...

Но вот пролетели военные невзгоды. Инна вышла замуж за артиста балета, Геннадия Иосифовича Казакевича, вместе они стали работать на Ленинградской эстраде. Купив у Сергея Образцова куклы вместе с декорациями, молодая семья ездила по городам Советского Союза, выступая перед детской и взрослой аудиториями. В свои представления супруги включили номер с собачкой Чапой, которую случайно подобрали на базаре Ташкента. Так в гастролях и пролетела жизнь Инны Михайловны Агаповой.

С Геннадием Иосифовичем в любви и согласии все тридцать шесть лет прожила Инна Михайловна, до самой его смерти. Теперь она на пенсии, есть что вспомнить: и порадоваться и погоревать....

ДДЮТ, Юлия КОСТЕНКО, школа № 119, 8 класс

Мария Сергеевна ЕГОРОВА

Егорова Мария Сергеевна родилась в Шлиссельбурге, 11 мая 1923 года. Ее отец был начальником на пороховом заводе, мама работала секретарем-машинисткой у начальника артиллерийского училища. Мария росла с двумя сестрами – старшей Людмилой и средней – Галиной.

В 1927 году отец переехал в Ленинград, устроившись на завод «Арсенал», за ним перебралась и семья. Расположились в деревянном доме с обсаженным тополями двориком, запиравшимся на ночь. В одиннадцати соседних флигелях жило много детей, сросшиеся ветви тополей образовывали естественные беседки, во дворе были площадки для игры в крокет. Вместе с другими детьми, Марии было весело и вольготно.

Впервые Мария Сергеевна почувствовала близость войны в 1939 году. Те события прошли для нее краем – появились очереди в магазинах, город стоял в затемнении, по улицам люди ходили с фосфоресцирующими значками, но бомбежек не было. Война с белофиннами закончилась, не оставив заметных следов.

Мария училась, занималась спортом, беговыми коньками. Зимой 41-го заняла 2-е место по Ленинграду в разряде девушек. Успехи в спорте сулили большие перспективы, мечты готовились обрести реальность, а рядом уже действовала сила, несущая мир-

ной земле разрушения и смерти.

Война перечеркнула множество судеб, которые могли и должны были развиваться иначе. Новым поколениям, трудно представить, что вместо них, другие люди жили бы в другом мире, не случись войны. Но 22 июня 1941 судьбы советских людей оказались связаны одним узлом, сплелись в единую тяжелую судьбу. В этот день Мария с мамой отправились на Волковское кладбище, навестить могилу родственницы. Они ехали в трамвае, когда вошедший на остановке

человек сказал, что началась война.

Семья Марии не держала запасов, все покупали на день. Приближающийся голод приходилось встречать ни с чем. На город посыпались вражеские листовки. Одну из них Мария держала в руках, на которой был текст: «Сравняем Кронштадт с морем, а Ленинград с полем!». До войны в парке Ленина были «американские горки», их разбомбили в октябре 41-го. Ночью Мария выскочила на улицу, от зарева пожара было светло, а в небо летели горящие бревна.

Мария Сергеевна вспоминает: «Зимой все замерзло, не было воды. Бани не работали, ваннх комнат не было. Мы собирали снег, растапливали на плите, рядом ставили лохань и мылись в одной воде, потом в ней

стирали. В то время люди себя проявляли – кто есть кто, некоторые опустили, потеряли человеческий облик.

Папин брат – Александр Иванович Ступишин, скульптор, технический помощник скульптора Манизера. Вместе они сотворили памятник Володарскому, горельеф Жертвам 9-го Января. Для горельефа, открытого в 1932 году, позировала моя старшая сестра и другие родственники. Александр Иванович работал в своей мастерской, пока его не отозвали в Москву. У него оставались запасы угля, и он сказал нам с сестрой: «забирайте, сколько сможете». Уголь был нашим спасением. Соседи приходили погреться, попить кипятку.

Мамочка работала в садово-парковом хозяйстве. Оберегала исторические и ценные деревья от участи топлива. Однажды она пришла с работы, качаясь как пьяная – от голода потеряла силы. Продукты тогда выдавали по декадам, и мы с сестрой решили – отдать маме все конфеты, которые выдадут на следующую декаду. Нас никто не учил – понимали интуитивно, что именно поможет мамочке. К тому времени уже начали умирать люди, на улицах появились мертвые.

Мы читали книги, уходили в них, отвлекаясь от ужасов. Когда звучала тревога – заводили патефон, ставили веселые мелодии. Помню, как ходили с сестрой на Ситный рынок, попали под артобстрел. Снаряд просвистел, разорвался перед нами, а сестра с невозмутимым видом: «Недолет!» Следующий упал позади, сестра тем же тоном: «Перелет!»

Пришла весна, на газонах нельзя было найти ни травинки – как только пробивалась какая-то зелень, ее тут же срывали и съедали. Из липовых листьев мы делали лепешки.

Родной брат мамочки работал главбухом на заводе Резиновых изделий (Красный треугольник), он оформил меня в лабораторию. Мы испытывали резину для самолетов, рабо-

тали с 8 утра до 8 вечера. Однажды в столовой давали гороховый суп, женщина споткнулась и окатила супом другую работницу, сидевшую за столом. Несколько человек просто вылизали ее одежду, пока она сжималась над своей тарелкой.

Завод непрерывно обстреливали, однажды бомба попала в детский сад рядом с заводом, у многих работниц там оставались дети. Женщины рвали на себе волосы, но с завода их не выпускали. Всех погнали в бомбоубежище. На следующее утро я проснулась с сединой в волосах.

Среднюю сестру эвакуировали в Горький. На работе она выпросила разрешение приехать в Ленинград за вещами для эвакуированных детей. Увидев нас, она чуть не упала в обморок, сказала: «Все, я вас увожу!» Мы боялись, что нас расстреляют, если покинем город, но сестра не стала слушать.

На теплоходе мы добрались до Кобоны. Решили не ехать к сестре, вышли на станции Шексна, где находилась мамина сестра, Любовь Васильевна, с мужем. До войны он был директором мебельного завода, они делали на заказ стулья для Ильфа и Петрова. В войну его отправили на должность зам. начальника лагеря – организовать производство силами заключенных. Они делали ящики для снарядов, шили одежду.

Мы узнали дорогу, нашли дом, постучались. От голода мы выглядели, как два чудовища, родная сестра не узнала маму. Услышав же наши голоса – упала в обморок. Мы растолкали ее, она снова упала без чувств. Когда пришла в себя, позвонила мужу и закричала в трубку: «Коля! Срочно, хирургов, врачей!»

Она нас выходила и выкормила. Сначала мы с мамой съедали все, сколько бы нам не принесли, и все равно мучило чувство голода. И помню, как я впервые почувствовала, что наелась. Остановилась над недоеденной тарелкой.

Любовь Васильевна помогла мне устроиться телефонисткой, затем я стала секретарем начальника лагеря. Так и работала до конца войны. В день победы все кричали, заключенные тоже ликовали. Для вольнонаемных накрыли столы. Но потом начались сложности, начальник лагеря отказался отпустить меня в Ленинград. Я набралась смелости, уехала самовольно – райэвак от завода Энгельса собирал ленинградцев для работы. Начальник лагеря, узнав о моем бегстве, грозился оставшейся маме сгноить меня по тюрьмам. Но все обошлось. Я остановилась у старшей сестры, всю блокаду остававшейся в Ленинграде. Устроилась телефонисткой на завод Энгельса. А вскоре встретила своего будущего мужа. Он проезжал на машине и предложил меня довести. Я отказалась, а он пообещал встретить у проходной завода. Я даже ушла пораньше, но оказалось, он меня уже ждет. В 1946 году мы поженились.

Потом я работала в Окружном Военном госпитале, у нас была своя радиоточка, делала радиогазету. Последнее место работы – Военная Академия Тыла и Транспорта, Спецотделение для иностранных слушателей из развивающихся стран – в гостинице для них

я работала администратором, и на пенсию ушла только в 2000 году. Я награждена медалью «За оборону Ленинграда», «Ветеран труда» и Знаком жителей блокадного Ленинграда.

Пока не подводили ноги, была театралкой, сама занималась самодеятельностью, всю жизнь пела, была солисткой в Тарховском военном санатории, исполняла романсы. У меня замечательный сын, внучке уже 33 года, появился правнук Рома. Дома все уставлено фотографиями родных».

Недавно, Мария Сергеевна посетила мемориал Жертвам 9 Января. Увидела фигурку своей сестры, высеченную в сером граните горельефа. Все покрыто грязью, между ступенями прорастает трава, в трещинах пробиваются деревца. Она смотрела на фигуры родных, и не могла сдержать слез. Подошла и платком обтирала фигуры от грязи и копоти. Горько ей было видеть, как все забывается и приходит в запустение.

Но сама она, называет себя счастливой. Любит своих родных, и они любят ее. Свою маленькую историю они оберегают, не позволяя появляться трещинам, прорастающим травой.

Мальчик с улицы Чайковского

Геннадий Николаевич КОНОНОВ

Война ворвалась в жизнь коренного Ленинградца Геннадия Николаевича Кононова неожиданно, прервала его безоблачное детство, ввергла его в тяжелые жизненные испытания.

В один из июньских дней 1941 г. семилетний Гена Кононов сидел на подоконнике в своей квартире в одном из домов на улице Чайковского в Ленинграде и смотрел в окна, ожидая возвращения из магазина своей мамы.

Вдруг репродуктор в квартире, передававший бравурную музыку, замолчал, а затем заговорил, и Гена впервые услышал грозное слово «война».

Интуитивно, сердцем он почувствовал, что случилось что-то страшное, непоправимое. Его детский ум еще не мог осознать какое горе, и какие тяжелые испытания несет она.

Более осознанно он это понял позднее, через два с половиной месяца, когда Ленинград оказался во вражеском кольце, в блокаде, а он – в блокадном городе.

Познал он и холод и голод, бомбежки и артобстрелы, погружившийся в темноту город, остановившийся транспорт, прекратившуюся подачу воды, на его глазах горели и рушились дома, гибли люди, и все чаще звучал леденящий душу сигнал воздушной тревоги.

В войну, особенно в блокаду, дети выросли быстро.

На хрупкие детские плечи легли страшные испытания. Зимой от голода умерла мать, отец был на фронте, и Гена остался один. Вна-

чале его взяла на воспитание его тетя, но когда ребенок стал дистрофиком, перестал двигаться, она отдала его в детдом.

Запомнились Геннадию постоянное чувство голода и очень сильные морозы, а потом наступила апатия, безразличие ко всему, не хотелось двигаться, отекали ноги и тело, хотелось лежать и очень хотелось кушать.

Нетопленая квартира, заклеенные полосками бумаги и замерзшие окна, кровать и на ней он, одетый и закутанный во все, что было в доме – последние воспомина-

ния ребенка о блокаде.

Детдом, в котором был Гена, эвакуировали на Большую землю.

Всплывает в детской памяти конец весны 1942 г., когда его, в числе других детдомовцев, везли на автомашинах через Ладогу по Дороге жизни. Это был один из последних рейсов, ибо он помнит, как автомашина шла по льду, покрытому водой, и она достигала бортов машины. Видел он, как идущая впереди машина провалилась в полынью и ушла на дно озера, а их машина осторожно объезжала эту полынью. Зрелище было жуткое, но чувство страха у детей тоже притупилось. На том берегу Ладоги их обогрели, дали немного хлеба и кипятку, немного американского шоколада. Несколько детей наелись этого шоколада и умерли.

Затем детдомовцев отправили в поселок Горячий ключ Краснодарского края. Война катилась в глубь страны, и детдом пере-

везли в поселок Кук-Терек в Киргизию, неподалеку от города Пржевальского и озера Иссык-Куль.

Помнит Гена, как учился в детдомовской в школе, как писали на старых газетах, так как не хватало тетрадей.

В 1944 в жизни Гены было радостное событие – его, наконец, разыскал отец, от него с фронта стали приходить письма, деньги.

Кончилась война. Шестнадцатилетний Геннадий поступил на работу учеником электромонтера и работал до призыва в армию. С 1953 по 1956 он служил связистом в армии за рубежом, в ГДР. После увольнения из армии и до ухода на заслуженный отдых работал, был на целине, последние 35 лет работал на заводе им. Свердлова. Его общий трудовой стаж составляет 45 лет. Без отрыва от производства он закончил 10 классов средней школы и Институт культуры им. Крупской по специальности теория музыки и композиция.

Труд Г.Н. Кононова отмечен десятью правительственными наградами, он награжден нагрудным знаком ЦК ВЛКСМ «За освоение целинных земель», в его трудовой книжке более 40 поощрений.

В 1998 он встал на учет в совете ветеранов и вступил в члены общества жителей блокадного Ленинграда ЖЭУ-27, с 1999 г – заместитель председателя этого общества.

Он сочиняет музыку для песен, играет на пианино, аккордеоне, кларнете, обладая хорошо поставленным голосом, многие песни, переложенные на музыку, исполняет сам.

Женат, имеет дочь, двоих внуков. Несколько десятков лет прошло со дня снятия блокады Ленинграда, окончания войны, но Геннадий Николаевич Кононов часто вспоминает те блокадные дни, как писал поэт Илья Авраменко: *«И, радуясь блаженству тишины, Мы вспоминаем о смертельных днях войны, О черствой корке ладожского хлеба».*

Невский проспект во время блокады. Спуск с Аничкова моста

Дневник пионервожатой

Нина Сергеевна ТАРАКАНОВА

Для меня, 14-летней девочки-подростка, 22 июня 1941 года началось скучным летним утром. Давно закончились занятия в школе, подруга Женя Новицкая отдыхала в пионерлагере под Лугой. В то время считалось неприличным оставлять ребенка на лето в городе. Разъехались мои знакомые ребята, я же по воле судьбы осталась в Ленинграде.

Я сидела на подоконнике в кухне, когда услышала взбудораженный разговор женщин о том, что началась война. Очень скоро я узнала, что это значит. Война ворвалась в нашу жизнь неожиданно и стремительно.

Всю блокаду с мамой и бабушкой я прожила в родном городе, в квартире 23, дома 63 по Лиговскому проспекту.

3 июля 41-го года по радио выступил И.В. Сталин, в короткой речи он призывал соотечественников к защите Родины. Вскоре повсеместно начали создавать группы местной самообороны. Меня зачислили в группу МПВО РЖУ №2, где я работала с июня 1941 до апреля 1942 года.

Мы дежурили, очищали чердаки от хлама, переносили туда песок, щипцы и лопаты – средства для тушения пожаров. В группе самозащиты дежурила по графику: у телефона в штабе дома или на объекте, по тревоге обходила посты.

В холод ночи ясные и звездные, город виден как на ладони. Все-таки, мы подростки,

сердимся на луну, ведь в такие ночи и сыпались зажигалки – бомбы, величиной с винную бутылку. При ударе об крышу, разбрызгивают огонь, расплавленный металл, нужно засыпать огонь песком или мгновенно схватить щипцами и сунуть в ведро с водой или скинуть вниз. А с крыши и самой легко сорваться. Зажигалка шипит, искрит, горит... Страшно. Но дисциплина была военная.

Не всегда успевали объявлять тревогу, часто слышались шлепки осколков зенитных снарядов об крышу, выстрелы зениток, а затем завыва-

ли сирены тревоги. Бомбили железную дорогу, я бежала вдоль Лиговки, взрывная волна сбила меня с ног и покатила по панели, как осенний листок. Вскочила я в штаб, докладываю, а на меня смотрят и смеются. Дали мне зеркало, помогли почиститься. Хорошо отделалась от встречи с бомбой, а сколько было гордости, чувство выполненного долга. Поймут ли меня сейчас? Не все, наверное.

В сентябре 41-го снова начались занятия в школе. Учителя нам внушали, что учеба – наша работа. В холодное и голодное время в углу класса стояла буржуйка, ученики садились вокруг нее. Учителя сменяли друг друга, вели урок по 15 минут. Особенно запомнилась Клавдия Терентьевна. Она увлеченно рассказывала о подвигах Геракла, постепенно затихала, а иногда и засыпала от слабости. Сидели в пальто, буржуйку топили даже

крышками от парт. Как-то утром собрались, дверь класса открылась, мы увидели мальчика Петю. В дверях он упал... и умер.

Вспоминается, мама рассказывала запомнившийся ей случай. Она работала мастером цеха на фабрике «Лентрикотаж». Вместе, всем коллективом работали в цеху, вместе строили оборонительные укрепления, дежурили в госпитале, разбирали деревянные дома на топливо. Однажды в раздевалке нашли 4 хлебные карточки – одна рабочая, три иждивенческие. Для любого – настоящий клад. Но для потерявшего карточки – это смерть. Нашли среди работавших женщин одну, у которой было трое сестер, позвали, спросили о карточках. Почувствовав беду, она стала лихорадочно искать и не нашла. Закричала, заплакала от испуга. А ей: «Не плачь, вот они!» Обрадовались все, у большинства были слезы на глазах. Каждый представлял себя на месте растеряшки. Женщины сочувствовали друг другу.

Весной 1942 после тяжелой зимы, с нами беседовали учителя, решая вопрос о возможности перевода в следующий класс. Меня перевели в 7-й класс и отправили в совхоз по мобилизации (да, да именно по мобилизации всех школьников 6-9 классов страны) на сельхозработы. По дороге в совхоз восклицали: «Ой, смотрите корова!» Ведь в городе уже не было ни кошек ни собак.

Работали в совхозе треста №40 в Сельцах, жили в медсанбатовских палатках (двойных, с окнами) почти до октября, потом переселили в дом. Спали на раскладушках, а в доме на матрасах с соломой. Работали от зари до зари с перерывом в самое жаркое время суток.

Всеволожский район – наиболее безопасный, но случалось, прорывались вражеские самолеты, летели на бреющем полете штурмовики. Тогда падали на землю, прижимались к ней, замирали.

Мы боролись с вредителями, собирали гусениц в емкости с водой. Гусеницы цепля-

лись, падали мимо воды. Проще руками давить гадов! Что мы и делали. Руки до локтя были зеленые и вонючие от сока гусениц.

Запомнился сбор ягод с кустарников. Там были целые плантации. Собирали ягоды красной и черной смородины, во время сбора должны были петь, чтобы не есть. Поочередно пели и ели. Ели по совести, а она у нас была. Да и боялись мы. Не случайно пригласили нас на показательный суд над работницей совхоза, унесший с ягодника полкило ягод. Решение было суровое, по законам военного времени. Нас охватил ужас после чтения приговора.

Строго следили за тем, чтоб мы не уносили ничего с поля. Но у нас все равно нигде было готовить и не было посуды. В поле умудрялись украдкой есть сырую картошку с солью – скребли ножом и ели. Овощи нам не варили. Как-то во время уборки капусты учительница выбрала лучший кочан и нам дала по маленькому кусочку. На морковку нас не посылали. Ночью пытались сходить за морковкой. Охрана спала или сделала вид, что нас не видит. Увы, мы провалились в канаву. Вернулись мокрые и без морковки, всю ночь очищались от лопуха.

Убирали турнепс. Зачем-то я принесла турнепсину в дом. Когда во время моей трапезы вошел директор, я вскрикнула от испуга и отбросила турнепсину в угол. Директор сделал вид, что ничего не заметил...

После работы в совхозе, ребята немного ожили. Стали больше похожи на обычных детей.

Зимой 1942/43 года город собирал деньги на танковую колонну, участвовали в сборе и мы. В эти дни Центральный комитет Комсомола принял решение о принятии в комсомол с 14-ти лет. Со мной беседовала директор школы, Раиса Захаровна Хралова. Она поблагодарила за работу в совхозе и в группе самозащиты и дала рекомендацию в Комсомол.

Летом 1943 и 1944 гг. я работала отрядной вожатой в пионерском лагере, располагавшемся в деревне Пугарево Всеволожского района. Жизнь в лагере отличалась от той, которой жили известные мне лагеря до и после войны. Много гуляли в лесу, собирали грибы и ягоды, кухня готовила из них грибной суп и ягодный кисель. В лагере нас кормили досыта. Играли, веселились, но в душе оставалась тревога. Особенно это ощущалось по вечерам, когда, ложась спать, остаешься наедине с самим собой. У вожатых была своя тактика: «Ребята, ложитесь скорее, я хочу вам что-то интересное рассказать».

В 1944 году наш лагерь собирал хвою для города, ее настой пили, как лекарство от цинги.

В 1946 закончив школу, я хотела поступить в Университет, но не прошла по конкур-

су. Нужно было идти работать, занялась тем, что уже умела – стала старшей пионервожатой в школе. В 1953 окончила исторический факультет института имени Герцена, и стала работать учителем. С 1963 года проработала 13 лет директором школы. В 1981 вышла на пенсию, пришлось ухаживать за больной мамой.

Я коренная ленинградка, в третьем поколении. В моем городе у меня много родни и знакомых, иногда навещают бывшие ученики. Я заядлая театралка, конечно, раньше выбиралась чаще, но по-прежнему люблю театр, особенно Мариинку, хожу в филармонию.

Возраст берет свое, но все так же могу радоваться красоте, сопереживать, находить во всем светлые стороны.

Детям Ленинградской блокады – посвящается...

*Мы были детьми, но пришлось, - повидали,
Нам стало известно, что значит война.
От недостатка еды и тепла, - умирали.
Забывать невозможно, что было тогда.*

*Трудно представить, как выживали.
Страшный был голод, кромешная тьма,
Не меньше от холода люди страдали.
Суровой в ту пору была и зима.*

*Мы выжили в дни Ленинградской Блокады.
Нас защитили, нас сберегли,
А ИМ, - погибшим, - другой нет награды.
Мы память о НИХ несем и несли.*

Е. КОЗЫРЕВ

ДДЮТ, Екатерина СТЕПАНОВА,
школа № 145, 4 кл.

Память сердца

Нельзя убить доброту

Антонина Павловна ХЛЕБНИКОВА

Война заставляет взрослеть очень быстро. Кто участвовал в военных действиях, часто вспоминают детей с глазами стариков, как одну из наиболее жутких картин войны. Тяжелый труд закаляет тело, так же тяжелые переживания закаляют душу. Но, как теряют чувствительность мозолистые руки, так же черствеют «закалившиеся» души. И все же, кто-то оставался отзывчивым, способным на переживания, даже в худшем из возможных испытаний – в горниле войны, под обстрелами, бомбежками, в блокадном городе, задушенным голодом.

В присутствии Антонины Павловны, слыша мягкие интонации ее голоса, настраива-

ешься на дружелюбие. Именно таким должен быть хороший администратор, а Антонина Павловна всю жизнь отработала администратором Гостиного Двора, ее до сих пор узнают бывшие покупатели, все те, кому помогала словом и делом. Но, слушая ее воспоминания о войне, поражаешься, как мог сохранить подобную мягкость человек, с самого детства увидевший смерть, голод и многие худшие людские проявления.

Дальнейший рассказ я поведу от лица самой Антонины Павловны Хлебниковой:

Я родилась в 1931 году, с родителями и двумя братьями жила в Ленинграде, на Рубинштейна 22. Хорошо помню первый день

5 класс школа № 218. Антонина Хлебникова в правом нижнем углу

войны, воскресенье, была хорошая погода. Мы собирались всей семьей на прогулку, мама нарядила меня и брата, отправила подождать у ворот. Мы присели на каменную тумбу и вдруг увидели: люди бегают с бумагами в руках, эти бумаги были повестками. Отец вышел к нам уже с повесткой в руке, он отправился на призывной пункт, а мы с мамой целый день, до вечера провели на переулке Щербакова, в ожидании, когда отправят папу. Тогда многие пришли проводить отцов, братьев, все вокруг плакали.

Райком Комсомола организовал из детей команду, выделил юношу за старшего. На Фонтанке 36 мы дежурили с ранеными в госпитале – кормили, помогали писать им письма, танцевали для них. Носили на чердаки песок, потом дежурили в бомбоубежищах. Женщины оставляли мне детей, уходя на посты и работу, а я приглядывала. Мне самой тогда было 10 лет. Однажды заснула во время налета, а проснулась одна, в темноте – детей уже забрали. Я выбежала на улицу, в городе затемнение, потерялась в собственном дворе. Когда вернулась в квартиру, заплакала, сказала маме: «Мне страшно!». Так меня воспитали – всего боялась, была чувствительной. И ужасы войны этого не вытравивали, не делали черствой. Потом это помогало общаться с людьми, быть отзывчивой, внимательной к покупателям, когда стала администратором в Гостином Дворе.

Во всех скверах, где возможно, разбивали огороды, мы ездили копать грядки на Исаакиевской площади, окучивать картошку на Кушелевке. Наши огороды пытались охранять, но часто находили их разграбленными. Помню обстрелы и бомбежки, ночью город темный, черные окна, заклеенные крест на крест, чтоб не вылетели стекла, много страшного происходило. А я продолжала бояться самого простого, например червей. Однажды с другими детьми вскапывала грядки в сквере, увидела червя и расплакалась. И все-таки, вместе с

другими я старалась сделать, сколько нужно. Страшно или нет – все мы старались помочь.

Мы дежурили на чердаках, помогали там, где могли быть полезны, собирали дрова для отапливания школы. Бывало, идет ребенок и тащит в школу бревно – больше себя, тяжело, но не бросает. Помню, как от школы мы ходили в Пушкинский театр, на спектакль «Давным-давно...». Шли с Рубинштейна, как только обстрел – укрывались, а у Дворца Пионеров открытое место, прятались за колоннами. Еле добрались, но спектакль посмотрели.

Мама работала ткачихой на Октябрьской фабрике. Она подрабатывала – пилила дрова, я помогала. Часто она пилила дрова вместе с Ольгой Берггольц, – она жила в доме напротив. Я им помогала, таскала поленья. Хорошо помню эту женщину.

Когда на фабрике объявляли тревогу, мама бежала к нам. Знала, что мы втроем совершенно одни. Под обстрелом бегала от Нейшлотского переуллка, через Литейный мост. Однажды снаряд попал в трамвай №9, мама обычно на нем возвращалась, а мы всегда встречали ее на остановке. Трамвай разметало вместе с теми, кто на нем ехал. Мы подбежали туда, а нас прогнали, увели в булочную. И вдруг мама вбегает, вся в слезах. Она плачет, что мы живы, мы, что она жива, обнялись.

Пришли холода, наступил голод. За водой ходили на Фонтанку. Жили и спали на кухне, сидя вокруг плиты. Комнаты стояли вымерзшие и пустые. В буржуйке сожгли все, даже мои игрушки и елочные украшения.

Однажды я пошла с карточками за хлебом, захожу под арку – лежит труп. Вышла из-под арки, еще один. На Пролетарском еще один, на Аничковом мосту – два трупа, мне так страшно стало! А потом привыкли и к этому, просто перешагивали. Умер мой брат, мама не могла уже ходить, получать хлеб ходила я. Однажды мне положили на весы

кусок и довесок, у меня из-за спины вытянулась рука и схватила хлеб. Парень, весь замотанный в платки и шарфы сунул мой хлеб в рот. Я закричала, а он уткнулся лицом в пол и жуёт. Так и вернулась домой с пустыми руками.

Когда сняли блокаду, на улице началась канонада, мы бросились смотреть, что происходит – оказалось салют. Бросились друг к другу. Собрались пить чай, если так можно назвать. У одной соседки нашлась конфета – подушечка. Разделили на всех, по тонкому ломтику. Помню, как она нарезает конфету, а из ломтиков джем вытекает. Тогда все очень дружные были. Хорошие воспоминания о людях остались, намного добрее они раньше были.

А в День Победы... По радио сказали, что будет объявлено о капитуляции Германии. Когда объявили, это такой праздник был! Мы так радовались, так радовались! Каждый День Победы я плачу.

После войны закончила семь классов, пошла в Школу Торгового Ученичества. После нее устроилась в магазин на Гороховой улице. Моя соседка работала в Дзержинском

Военно-Морском училище, там проходили хорошие вечера, и она приносила приглашения. В «дзержинке» я познакомилась с будущим мужем, Петром. Помню, нужно идти на вечер, а у меня пальто рваное, заколото булавками. Сосед, который работал в Кировском универмаге, пообещал достать пальто. Чтоб заплатить, мама занимала у всех соседей. Потом она случайно проболталась Петру, как купили пальто, а он выяснил кому сколько должны и рассчитался. Когда мама хотела вернуть, ей сказали, что уже отдано.

Мой муж всю жизнь отслужил в духовом оркестре Дзержинского училища, был талантливым флейтистом. Мы поженились, я родила дочку, а после декрета перешла работать в Гостиный Двор. Работала с 58-го по 76-й год, почти 50 лет, почти всю жизнь. Работала продавцом, завсекцией, потом администратором. До сих пор покупатели встречают меня, узнают, спрашивают, почему я ушла. И там меня не забывают, шлют подарки, приглашают.

Я воспитала дочь и сына. Дочь закончила Торгово-Экономический университет и тоже работает в Гостином Дворе. Передала ей эстафету...

Очерк — воспоминание

Нина Тимофеевна БАШКАТОВА

Вспоминая прожитые военные годы, ярче всего встают в памяти две даты: первая – начало войны, 22 июня 1941 года. В воскресенье, прекрасная летняя погода, все были настроены на отдых. На Кировском стадионе должен был состояться футбольный матч. И вдруг услышали объявление по радио – «Германия напала на Советский Союз». Началась война. Улицы опустели. Все устремились в магазины, покупать продукты. Конечно, взрослые знали, что надвигается война, а для детей, в том числе и для меня, это была неожиданность. Я почувствовала, что идет что-то страшное, но далекое, и нас это не коснется.

Вторая дата – 9 мая 1945 года, конец войны. И в этот знаменательный день погода тоже была прекрасная. Я шла на работу. На улице у громкоговорителя стояли люди и слушали долгожданное объявление. Радость была неопишная. Плакали, обнимались, целовались, смеялись, плясали...

А между этими датами были четыре тяжелых года. Этот период можно назвать одним словом – выживание. Маму и многих женщин отправили на рытье окопов. Там она проработала два месяца. Отец работал на заводе «Красная Заря». В сентябре месяце 41-го года он ушел в народное ополчение. Мы с мамой остались вдвоем. В октябре того же года отец пропал без вести.

Эвакуироваться мама отказалась и меня не отпустила. Когда отец ушел на фронт, маму взяли на завод «Красная Заря», как жену фронтовика. Жили мы на Малой Объездной улице в Выборгском районе. 8 сентября началась блокада города. С питанием становилось все хуже, ели уже картофельные очистки, если удавалось их найти. В один из дней соседка позвала меня пойти в Парголово на капустные поля. Капуста была убрана, но кое-где еще торчали кочерыжки. Народу на

поле было много, но мы тоже себе набрали, по тем временам это была большая удача. В октябре начались заморозки, а потом зима – снежная, суровая. Моими самыми страшными врагами были холод и голод, я с ними боролась как могла. Для того, чтобы отovarить карточки и получить хлеб, я ночью шла к магазину – стоять в очереди до открытия. Зимой в городе три дня не было хлеба. Вот тут мы попробовали столярный клей и олифу. Надо сказать, это порядочная гадость.

Водопровод замерз, поэтому воду я брала в грязном пруду, другого выхода не было, иногда растапливали снег. Как у всех ленинградцев, у меня была буржуйка с выведенной в окно трубой. Этой печкой мы и обогревались в кухне – тепло было, пока она топилась. В кухне спали не раздеваясь, утром просыпались замерзшие. Стекла зале-

денели, мороз разрисовал стекла. В конце февраля 1942 мама совсем потеряла силы, на работу ходить не смогла. Однажды я принесла воду из пруда, в кувшине оказалась улитка. Сварили, попробовали – оказалось съедобно. Я их стала собирать в пруду. Для того, чтобы получить столовую ложку вареных, начищенных улиток, надо было собрать 2-литровый кувшин. Таким образом, у нас появилось дополнительное питание. Борясь за жизнь, мы дотянули до весны 1942. На нас было страшно смотреть, мы были худые, как тени. Открылась баня на Спасской площади (пл. Мужества). Стали приводить себя в порядок, избавляться от вшей – за зиму мы еще и завшивели.

Начала появляться трава, крапива, одуванчики, лебеда. Благодаря тому, что у нас была соль, у нас не началась цинга. В мае 42-го года маму положили в больницу на 2-м Муринском, открытую для дистрофиков. А я стала пытаться устроиться на работу, но несовершеннолетнюю девочку никто не хотел брать. В августе 1942 на улице я встретила школьных подруг. Мы решили попытаться счастья на спичечной фабрике. В Лесотехнической Академии для нужд фронта и города

была построена эта фабрика. Директором был Головач Александр Федорович, очень строгий. Уговаривали его долго, к нашей великой радости на работу нас приняли, но на условиях, что мы будем работать наравне со взрослыми – 12-часовую смену, без выходных. На моей метрике появился штамп: «принята 20/VIII – 1942 г.». Я получила рабочую карточку и, кроме того, в столовой давали дрожжевой суп и запеканку из шрота (побочный продукт производства растительного масла, получаемый после извлечения жира из семян масличных растений. – *Прим. ред*). После ночной смены нас, девчонок, часто посылали на станцию Кушелевка – разгружать вагоны с толстыми бревнами для производства спичек. А зимой 42-43-го – посылали на уборку проспекта Карла Маркса скалывать лед и убирать снег. Давали задание – сделаешь и домой. Лом очень тяжелый, я с трудом его поднимала. А что делать? Надо было работать и жить. Война закалила меня на всю жизнь.

Это несколько эпизодов из моей жизни, прожитой в тяжелые военные годы.

Вечная память тем, кто не дожил до нашей Победы! И Слава победителям!

Зима 1941-1942 г. На Неву за водой

Маленькая лаборантка с военного завода

Евгения Максимовна ЗУБЕНИНА

На Руси издавна так уж повелось: в трудную минуту россиянин поддержит друга, подставит плечо родному человеку, поможет в беде. Наш народ – добрый изначально. Видно, Господь так захотел... Вот и наша героиня – Женечка Пенина (теперь Евгения Максимовна Зубенина), ленинградка, встала в числе других ребят нашего города на защиту своей страны, спасала Ленинград в войне с фашизмом...

1941 год. Она, пятнадцатилетняя девочка живет в дружной большой семье. Отец – Максим Семенович, как и мама – Пелагея Дмитриевна – Пенины, трудятся на военном заводе №77. В семье пять девочек да бабушка, Анисья Ильинична Сученкова.

Как только началась война, хозяин-кормилец получает «бронь» и остается во фронтовом городе. Немцы довольно быстро окружают Ленинград. Никто из семьи не успевает эвакуироваться. Нина, старшая сестра, 1924 года рождения, заканчивает курсы медсестер и устраивается работать в госпитале, который оборудовали в здании Политехнического института.

В декабре 1941 года голод отнимает у семьи отца семейства. На работу Женю нигде не берут, так как ей нет еще шестнадцати лет. А голод уносит все больше и больше человеческих жизней... В мае 1942 года умирает сестра Зина 1927 года рождения, затем – годовалая Леночка. Следом – бабушка Анисья. Школьницу Лизу отправляют в интернат, который находился на набережной реки

Фонтанки. В доме остаются трое: мама, Нина и Женя.

Лишь в июне 1942 года наша героиня устраивается на отцовский завод №77, ученицей-лаборанткой в химическую лабораторию. Там уже работали девчата, которых также привели сюда их родственники, сотрудники завода. Шесть месяцев шло обучение. Как сейчас Евгения Максимовна помнит свою наставницу – Веру Николаевну, которая обучала недавних школьниц своей не-

легкой специальности. Наконец, присвоены разряды, и девушки самостоятельно делают анализы стали. Ответственность – высокая: ведь выпускают военную продукцию. Евгения отработала до октября 1944 года, а затем ее переводят в термический цех, где трудится ее мама. Началась изнурительная работа: по 12 часов, ночные и дневные смены. А тут еще напасть: еще в 1943 году в связи с нехваткой в городе дров их деревянный дом городские власти приказали разобрать, хотя семье и дали ордер на другую квартиру, до работы было очень долго добираться.

Сил не хватало, но чувство долга перед горожанами, перед Родиной придавало энергию. И люди шли и шли трудиться наперекор холоду, голоду и слабости! Запомнился Жене такой эпизод – в термическом цехе нагретые изделия опускали в воду – для закаливания, затем складывали. И как-то раз, побоявшись, что изделия разлетятся, Женя коленкой подправила металлический стержень. Чулок за-

горелся, и Женя получила серьезный ожог, а ноги и без того были больными, опухшими от голода. Когда в городе опять ночами начали курсировать трамваи, входить в них ей было очень трудно. И был с ней случай, когда на работу она поехала через полчаса после мамы. Добравшись до завода, Женя вдруг узнает на проходной, что в трамвай, на котором ехала Пелагея Дмитриевна, попала бомба. Девушке стало плохо, и она потеряла сознание... Оказалось, что мама жива и ее отправили в больницу им. К. Маркса, на Выборгскую сторону.

В горячем цехе Евгения отработала до конца войны, и лишь в 1945 году ее снова перевели в химическую лабораторию... Так девушка сменила отца на производстве.

На родном заводе Евгения Максимовна отработала 46 лет – настоящий ветеран труда! За что и получила соответствующую награду. Еще наша героиня гордится двумя очень значимыми и дорогими ей медалями: «За оборону Ленинграда» и «За доблестный

труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» Ей вручены и юбилейные медали. С 1968 года она живет на территории муниципального округа «Пискаревка» на Меньшиковском проспекте. Растит талантливых внуков, любящих свою страну. Так Андрюша пробует писать стихи. Вот одно из них:

ПИСКАРЕВКА

*От города – вторая остановка –
Есть станция с названием «Пискаревка».
Здесь нет той пышности центральной,
Нет рек, нет шпилей, островов.
Народ живет здесь очень славный
Под сенью зелени лесов.
Парк «Сахарова», парк «Пискаревский»...
Зеленый остров – тихий наш район.
Есть также и район «Приморский»,
Но калинчанам так не дорог он?
О Пискаревка, матушка родная,
Живи, родимая земля моя!
В страницу жизни питерского края
Тебя с любовью мог вписать и я...*

ДДЮТ, «Героям – вечная слава».
Святозар ЖУКОВ, школа № 633, 5 кл.

Фаина Александровна ДЕМИДЕНКО

Фаина Александровна Демиденко, (урожденная Кулакова), с лихвой успела познать ужасы, которые принесла советскому народу война с немецкими захватчиками...

Ее отец, Кулаков Александр Андреевич, служил в войну в одном из подразделений МПВО, а мама, Евпраксия Васильевна, была донором. Когда сомкнулось кольцо Блокады нашего города, Фаина, в числе других подростков, организовала дежурства в парадных. Собирались примерно по десять человек. Гасили «зажигалки», помогали взрослым...

На всю жизнь Фаине Александровне врезались в память события начала войны. В ее школе решили отправить детей в пригород. В Кобону она поехала с младшим братом Юрой, старший брат Женя отправился в «Хвойное». Когда кольцо блокады начало быстро сжиматься, школьников повезли обратно поездом. Причем, охраняло этот состав несколько самолетов. На станциях дети видели окровавленные кровати, матрацы: немцы уже всю бомбили железную дорогу...

Вернувшись домой, пятнадцатилетняя Фаина нигде не могла устроиться на работу. Постоянно встречала она голодных и умирающих горожан, саночки, с привязанными к ним покойниками, которых отвозили на Богословское кладбище...

И вот, по знаменитой Дороге Жизни, Фаина Кулакова едет в машине. На ладожском льду – вода, едут медленно... И вдруг, на глазах у всех, под лед уходит грузовик,

который двигался впереди! Сколько же люди натерпелись страха... После долгих мытарств Евпраксия Васильевна с тремя детьми прибывает в товарном вагоне в Вологодскую область. Ехали туда от Ленинграда девять суток – за 514 километров в село Шексна. До апреля 1945 года их приютили в колхозе. Жили в деревне Курганы, а работали в деревне Игумново. Здесь было много эвакуированных, но из Ленинграда

была лишь семья Кулаковых. В летнее время все школьники работали на полях. Лошадей не было, пахали на быках. На день детям давали 500 граммов хлеба и пол-литра молока. У председателя был строгий порядок. В колхозе работали все, в том числе – приезжие. Так что Фаина трудилась там, рядом с мамой. На один трудодень они получали по килограмму хлеба, а то и более... Разрешалось брать с полей все, что росло на полях. Местные жители очень тепло относились к эвакуированным. Но вот настал апрель 1945 года, и Евпраксия Васильевна «завербовывается» на работу в Ленинград, на завод «Электроприбор». Кулаковы едут в любимый город, и Фаина, наконец, заканчивает десятый класс. Затем – поступает в институт, чтобы стать учителем. Ей хорошо запомнился сентябрь, когда она поехала в институт и обнаружила около дома оцепление. Оказывается по Лабораторной улице везли пленных немцев, к месту их казни – на площадь Калинина... Когда карателям читали приговор, горожане плакали. К брюкам фашистов были прикреплены нашивки. На них – видны цифры:

число загубленных ими на Псковщине советских людей. Среди пленных был немецкий генерал. На его совести – 370 жизней! Висели эти нелюди около трех суток, а наши мальчишки – раскачивали повешенных.

Рассказывали, что пленные немцы, когда шли на работу, на строительство ГЭС, оглядывались на эти виселицы и говорили: «Гитлер капут!» То была показательная казнь...

Фаине хорошо запомнилось 9 мая 1945 года, когда у кинотеатра «Гигант» играл оркестр, выступали артисты. Люди смеялись

и танцевали... Наступили мирные дни и Фаина в 1949 году получает диплом учителя. Преподает до самой пенсии – химию и биологию в средней школе.

В 1947 году Фаина Александровна выходит замуж за Демиденко Василия Александровича. В их семье появляется сын Александр и дочь Людмила. Растут ныне три внуки, три правнучки и один правнук. Сейчас Фаина Демиденко – на пенсии, помогает детям растить внуков и правнуков и очень надеется, что они никогда не испытают того, что выпало на ее долю...

Пленные немцы

Блокадные дни и ночи

Раиса Федоровна РАХАЛОВА

Истории ленинградцев, переживших блокаду, часто похожи друг на друга, с неизменными атрибутами – саночками, студнем из клея, добыванием воды в замерзшем городе. Но за каждой историей судьба человека и испытание, требовавшее всех сил. Те, кто пережили блокаду, понимают – выжить было почти невозможно. Им не нужно много слов, чтоб понять друг друга. Но для новых поколений «блокадный город», «ужасы войны» – только слова, вызывающие что-то в воображении. И стоит отвлечься от смысла слов, почувствовать за ними судьбы людей целого города, истории надежды во время, когда каждый день мог оказаться последним, балансирования на грани жизни и смерти, вспомнить о понесенных потерях и утратах.

Раиса Федоровна Рахалова, одна из тех кто оказались запертыми в городе, осыпавом бомбами и снарядами. Коренная ленинградка-петербурженка, тогда она жила в центре города на Невском проспекте, дом 81, у Московского вокзала.

В 1941 она окончила 7 классов средней школы и поступила в Ленинградский Учетно-кредитный техникум на Фонтанке.

Начало войны застало ее в поселке Вырица Ленинградской области, тогда Раисе шел пятнадцатый год. Ее мама работала воспитателем в детском саду, который выезжал на лето в этот поселок. Мама взяла Раису с собой, оплачивала питание и проживание. О начале войны они узнали от приехавших в поселок родителей подопечных детского сада.

В сентябре 1941 начались занятия в техникуме. Слегка изменившийся уклад жизни еще не давал Раисе понять, что такое война. До самого 8 сентября, когда фашистские самолеты произвели массированный налет на город. Непрерывно слышались взрывы авиабомб, горели и рушились дома, появились убитые и раненые. Но жуткое зрелище еще не вызывало страха, не воспринималось душой. После налета замкнулось кольцо блокады вокруг Ленинграда.

13 октября от туберкулеза умер папа Раисы, они с мамой остались вдвоем.

Мамина сестра, тетя Таня, жившая в том же доме, что семья Раисы, работала на заводе зам начальника цеха и получала рабочую карточку на 250 грамм хлеба и продукты. Раиса с мамой перебрались жить к ней. Тетя Таня командовала всем в квартире, полученный хлеб она делила на части и прятала за большим зеркалом. Раиса боялась ее, добрую, но властную женщину. Через Куйбышевское РОНО мама выхлопотала право на получение тарелки супа. Этот суп разводили водой и ели все.

Начался голод и холод, прекратилась подача электроэнергии, воды, на улицах замер транспорт. Странно выглядели замерзшие на улицах трамваи и автобусы. Окна перечеркнули кресты наклеенных полосой бумаги, над городом появились аэростаты воздушного заграждения. Во всегда шумной квартире стало тихо и темно, только из тарелки репродуктора раздавался мерный звук метронома, часто прерывающийся сообщениями о начале или отбое воздушной тревоги. За водой приходилось идти на колонку во дворе кинотеатра Колизей.

До войны Раиса мало ела, в дни блокадной зимы, греясь у круглой железной печки, она с сожалением вспоминала об этом, теперь приходилось есть даже столярный клей, «дуранда» – считалась лакомством. На улицах появились замерзшие трупы, Раиса видела автомашины, возившие трупы погибших от голода горожан.

Постоянное чувство опасности вызывало у людей апатию, живой интерес вызывали новости о положении на фронтах, люди верили, что блокада явление временное.

Зима была очень холодной, с лютыми морозами. Согревались, кутаясь во все, что было, спали не раздеваясь. Дрова доставали где только могли. Голод и холод не проходили бесследно, постепенно умирали жившие в городе родственники Раисы. Умерших увозили на санках, платой за похороны был хлеб. На Малоохтинском кладбище в одной оградке похоронено семеро родных Раисы, погибших в блокаду. А у нее началась дистрофия, цинга, опухли руки и ноги. Она слабела с каждым днем, могла только лежать в постели.

В конце марта 1942 – люди говорили, что это был последний рейс – Раису с мамой вывезли из Ленинграда на Большую землю. Чрез Ладогу, по Дороге Жизни. Лед покрывал слой воды, доходивший до бортов «полуторки». Идущая впереди машина про-

валилась и моментально ушла под лед. Раиса же с мамой – благополучно добрались до другого берега Ладоги, где их накормили и обогрели, затем, отправили в Рязанскую область, где она работала в колхозе, о чем сохранилась запись. Ее мама там же устроилась воспитателем детского сада.

В ноябре 1945 они по вызову вернулись в Ленинград. Прошли десятилетия, но события блокады не изглаживаются из памяти. О днях беспощадной зимы 1941-1942, Раиса Федоровна вспоминает, навещая могилы погибших в блокаду родственников, все, что тогда происходило, она не забудет никогда.

Через горе и радости мы прошли вместе Соломон Борисович и Лидия Матвеевна ПОРОЦКИЕ

Люди, через многое прошедшие вместе и много лет прожившие рядом, начинают понимать друг друга с полуслова. Их истории нельзя разделить, они живут единой жизнью. Так и семья Пороцких – Соломон Борисович и Лидия Матвеевна. Она, рассказывая свою историю, все время упоминала бы о муже, он о жене. По отдельности, каждый из них рассказал бы только половину истории.

Рассказывая, они продолжают друг за другом, подхватывают с половины фразы, передают историю, заранее зная, кто из них вспомнит больше или найдет лучшие слова.

Соломон Борисович родился 12 марта 1919, а ровно тремя годами позже, 12 марта 1922 года в Ленинграде родилась Лидия Матвеевна. Она окончила школу и в 1939 поступила в Военно-Механический институт

В воскресенье 22 июня 1941 года они собиралась на экскурсию в Петергоф. Потом оба долго хранили красивые билеты на теплоход,

которыми так и не пришлось воспользоваться. Этот роскошный солнечный день, который станет черным днем в истории советской страны, Лидия, студентка 2-го курса Военмеха встречала у себя дома, а Соломон, студент 3-го курса, приехавший учиться из Днепропетровска – в комнате общежития, слушая по радио концерт Утесова. В 12 часов объявили о начале войны.

В первые дни царил хаос. Девушек откомандировали вольнонаемными в действующую армию – 75-ю ремонтно-артиллерийскую базу, располагавшуюся за Богословским кладбищем. Они должны были ремонтировать орудия, хотя и недостаточно разбирались в этом на тот момент. Так Лидия Матвеевна получила статус участника войны, а впоследствии была награждена Орденом Отечественной войны II степени.

До поступления в Военмех, Соломон, окончив сварочный техникум, стал сварщи-

ком 5-го разряда. В мастерской института он работал по этой профессии пока не прекратилась подача электроэнергии и до самой эвакуации совмещал работу со службой в райкоме комсомола, за что получил медаль «За оборону Ленинграда».

В конце августа девушек отозвали на учебу. Соломон и Лидия стали вместе работать в райкоме комсомола Ленинского района – внештатными инструкторами, до эвакуации института 14 марта 1942. Лидия Матвеевна вспоминает: «Работа в райкоме – нужно было обойти предприятия, решить организационные вопросы, выполнить задания Комсомола. Бывало, выходили – и не знали – вернемся или нет, могли погибнуть под обстрелом».

Лидия жила в квартире с младшим братом и родителями. После того, как в общежитие Военмеха попала бомба, семья Лидии приняла Соломона к себе жить.

Голод начал давать о себе знать. У Соломона и Лидии были карточки на 125 грамм хлеба, в райкоме иногда кормили в столовой. Дома сложили кирпичную плиту, когда готовили суп со жмыхом, младший брат Лидии кричал: «Мама, сыпь больше дуранды!». Все свободное время спали, старались больше читать, чтоб отвлечься. Выживали, как могли.

– Продавали вещи, мебель, посуду, – вспоминает Соломон Борисович, – все, что было ценного, меняли на еду. Столярный клей раньше был костяным – варился из копыт, костей и рогов, в пищу шел и он – доставали, покупали и варили из него студень.

– Муж со мной не соглашается, – добавляет Лидия Матвеевна, – а я считаю нам очень везло – и тогда, и потом. В блокаду не умер никто из наших родных. В три соседних здания попали бомбы, а наш дом стоял целым и невредимым. Смогли уехать в эвакуацию.

14 марта всей семьей они прибыли на Финляндский вокзал. Им выдали «эвакоудостоверение», посадили в вагон пригородного поезда и отправили в Борисово-Гриву. Ехали около

двух суток. Вещей разрешалось взять столько, сколько могли унести на себе. В Борисово-Гриве с вещами погрузили на «полуторки», и повезли по льду через Ладожское озеро в Кобону. Все обошлось, проехали удачно. На месте все расположились в заброшенной церкви, стали ждать отправки. Ночью подали товарный поезд, в вагонах нары в два яруса, в середине – печка-буржуйка. Лидия потеряла сознание, как только залезла на полку, Соломона определили вагонным старостой – ответственным за порядок и выдачу продовольствия на станциях. Кормили хорошо, сзади к составу был прицеплен вагон с продуктами.

Путь в Пятигорск продолжался до 11 апреля. На станциях стучали в вагон, спрашивали: «Трупы есть?». От такого становилось не по себе.

В Пятигорске стали работать в совхозе, но продолжалось это не долго. Немец подошел близко к Кавказу, пришлось уезжать.

В конце лета 1942, в 30-градусную жару пешком они отправились в Нальчик, за 70 километров. Шоссе было забито людьми, военными и гражданскими, машинами, лошадиными повозками. Люди уходили от войны, отступала армия, часто видели раненых.

– Отец посадил маму на грузовик, – рассказывает Лидия Матвеевна, – а в Нальчике все встретились.

– Мы пришли в пустой дом, – продолжает Соломон Борисович, – начальство разбежалось. Преподаватели, зав кафедрой – все бросили студентов. Но мы не растерялись. Узнали где вокзал. Из представителей власти остались несколько человек из НКВД. Оказалось, нам нужно ехать дальше. Конечный пункт назначения – Пермь. Уходил последний состав, мест не было.

– Парни на станции увидели платформу, нагруженную гарью, – рассказывает Лидия Матвеевна, – Ребята принялись ее разгружать. Эта платформа осталась единственной, на чем мы могли выбраться. Отец привел откуда-то

полуслепую клячу с повозкой. Использовали ее в помощь.

На маленькую открытую платформу студенты погрузили свой скарб, прицепили ее в конце состава, все устроились сверху. Так от Нальчика добрались до Баку, где и встретили свое начальство.

Дальше, все вместе отправились в город Красноводск (Средняя Азия). И на поезде, через всю Азию, до Перми.

В ноябре 1942 Соломон и Лидия поженились. После Курского сражения – первой большой победы, выбрали имя для первенца. В 1943 у них родилась дочь Виктория. А позже родился сын.

В 1944 году Лидии пришлось уехать с факультетом, полуторагодовая дочь осталась с мужем, но вскоре семья воссоединилась, в марте 1945 года Военмех вернулся домой.

Лидия Матвеевна окончила конструкторские курсы и курсы иностранного языка. Ра-

ботала в Гипростекло, не отрываясь от работы окончила вечерне-заочное отделение института легкой промышленности. Затем, до пенсии работала в научно-исследовательском институте. После выхода на заслуженный отдых в 1977 году, участвовала в деятельности Совета Ветеранов.

Соломон Борисович, вернувшись с институтом в Ленинград, защитил диплом, несколько месяцев работал у конструктора Королева, но отпросился ближе к семье. После, работал в НИИ «Поиск» конструктором, зам начальника отдела. За ним числится 13 авторских свидетельств, некоторые из его разработок сейчас находятся на вооружении армии.

В 1987 году он вышел на пенсию, посвятив себя семье. У них замечательная дочь, во время болезни выходявшая в больнице маму, двое внуков и двое правнуков. Соломон и Лидия уже 65 лет вместе, пройдя через множество трудностей и радостей вместе.

Невский проспект во время блокады

Вера Ивановна УСОВА

Усова Вера Ивановна родилась в Ленинграде в 1929 году. Ее отец работал на заводе «Красный Выборжец» и в первые дни войны ушел на фронт. Мама работала в больнице, а всю войну в госпитале. Сама Вера помогала бабушке по хозяйству, участвовала в полевых работах, ухаживала в госпитале за ранеными. Награждена медалью «За оборону Ленинграда». В этой статье Вера Ивановна рассказывает о себе и своих друзьях, с которыми вместе учились и работала в годы войны.

«Война началась 22 июня, а уже в июле детей со всех районов города эвакуировали в Волосовский район Ленинградской области. У каждого был чемодан или мешок с меткой, в которых были летняя и зимняя одежда. Нас расселили по деревням, но через полторы недели, когда немцы перекрыли железную дорогу, нас возвратили в Ленинград.

В первую зиму войны в нашем микрорайоне закрыли школы. Приходилось стоять в очередях, чтоб отоварить продуктовые карточки. Также мы собирали ветки и палки для печурок, установленных в комнатах.

При тревогах люди с улицы спешили укрыться, и мы, девчонки и мальчишки, надевали противогазы и помогали спуститься пожилым. Потом мы осмелели и стали дежурить на чердаке, где были ящики с песком для тушения зажигательных бомб.

За водой мы ходили на Любашенскую улицу (теперь проспект Металлистов), где была колонка. А когда труба замерзла – на Чугунную улицу или на Неву. Соединяли санки, ставили на них трехведерный бак и ведро и ездили с подругой и моей бабушкой.

Канализация не работала, все нечистоты выплескивались на улицу. Когда кончились морозы, нам и девушкам из МПВО пришлось убирать весь двор. Эти военнообязанные девушки приезжали для разминирования, увозили покойников из кочегарки, куда из квартир выносили умерших.

Нам было по 12-13 лет, мы ходили в школу, где сдавали продуктовые карточки, завтракали и шли на работу в совхоз «Красный Выборжец». В работе случались и неприятности. В июне нам дали задание про-

полоть турнепс, кто-то из нас вытащил его и попробовал – он оказался съедобным. И мы почти всю грядку съели, а ботву посадили обратно. Когда мы пришли на следующий день, увидели грядки пустыми, ботва лежала в стороне... Конечно нас за это отругали.

Осенью начались занятия в 5 классе. По графику мы пилили дрова, разносили по классам и топили печки. Питались также в школе, а на выходной день получали сухой паек. При объявлении тревоги все классы выводили из школы, и мы стояли под воротами жилого дома.

Мы принимали участие в соревнованиях с другими школами – зимой на лыжах, летом в волейбол. Один раз наша школа приняла участие в городских соревнованиях на стадионе «Динамо». По предложению учительницы пения, мы начали заниматься в хоровой студии Дворца пионеров. Мы ездили на радиостудию, и наше выступление передавали по радио.

Весной нас снова призвали на работу в совхоз. Однажды приезжали фотокорреспонденты с фронта, фотографировали нас с работницей совхоза и сказали, что все это покажут

солдатам, что жизнь в городе продолжается. Мы работали до 1 октября, потом нас разделили – мальчики остались в старой школе, а девочек перевели в школу на улице Комсомола, где был госпиталь. Мы стали «шефствовать» по звеньям и пионерским отрядам над ранеными бойцами. Нам определили палаты, куда мы приходили после уроков. Помогали раненым, писали под диктовку письма, давали «концерты» – пели песни, читали стихи. Ходячие выходили в коридор, а для лежащих мы оставляли открытыми двери. Иногда были концерты и для всего госпиталя в большом зале. Нам девочкам давали чинить простыни и наволочки.

В госпитале лежал раненый из партизанского отряда, наш ровесник, мальчик Петя. Мы приносили ему передачи. По нашей просьбе буфетчица от пайка 29 членов отряда откладывала в пакетики булку, песок конфеты – для наших подшефных. А когда мы сдавали экзамены за 6 класс, все наши ходячие подшефные стояли около ограды и кричали, спрашивая, как мы сдали – они всех нас уже знали по именам.

От Дворца пионеров мы выступали в I отделении в филармонии – 400 подростков 12-14 лет, а во II отделении пела Клавдия Шульженко. До сих пор мы вспоминаем, как она беседовала с нами в антракте.

Зимой 1943 года в большом зале исполкома нам вручали медали «За оборону Ленинграда». После экзаменов мы получили

повестки – «Мобилизован на сельскохозяйственные работы в совхоз «Ручьи». Там мы, девочки, работали и жили в бараках. Однажды случился неприятный эпизод. Несколько дней лил дождь, а у нас не было резиновых сапог и мы решили не ходить на поле. Директор построил нас у барака, отругал и пригрозил отдать под трибунал, если мы не пойдём на работу.

На воскресенье нас отпускали домой, а в 8 утра в понедельник мы возвращались на работу. Вспоминая все сейчас, понимаю, что наша жизнь была наполненной. Мы чувствовали, что нужны. Но нельзя назвать это время «хорошим», был постоянный голод, обстрелы и бомбежки. Помню первые числа января 1944 года. Мы с подружкой пошли на елку во Дворец пионеров. У кинотеатра «Гигант» стояло оцепление. Из закрытой военной машины к виселице вывели трех немцев... Так мы присутствовали при повешении врагов... Потом эти виселицы передвинули ближе к Полюстровскому проспекту, они там стояли около недели. Настроение у нас было отнюдь не праздничное. Но когда сняли блокаду Ленинграда – состоялся парад школьных дружин на площади Островского. Каждая дружина шла со своим знаменем, играл оркестр. А вечером на Неве был грандиозный салют с кораблей.

О конце войны мы узнали в 3-4 часа ночи – во дворе стали громко выкрикивать «война кончилась!» Утром мы пришли в школу и нас сразу повели к кинотеатру «Гигант». Там уже были установлены трибуны. Пришли колонны ленинградцев с ближних заводов, и состоялся большой митинг. А потом мы встречали наших солдат у Финляндского вокзала.

Вот так все было и так мы жили. В своей статье я постаралась рассказать о себе и своих подругах. Мы очень благодарны, что в нашем городе создана организация «Юные участники обороны Ленинграда», которую возглавляет Юрий Иванович Колосов и членами которой мы являемся.

Вера Васильевна КИСЕЛЕВА

Люди, создания Божьи, появляются на белый свет не для войны, а для того, чтобы жить, любить, заводить потомство... А предки Веры Васильевны Киселевой, как и она сама, сполна познали горе, которое приносит война. Отец Веры, Шведов Василий Степанович, был участником Первой Мировой войны. Находясь в окопах он «заработал» ревматизм сердца, стал инвалидом. Его сестра Ольга умерла в суровые бло-

кадные дни... Похоронили ее на Охтинском кладбище. Везли сами, на саночках, зашитую в ткань. Тогда часто выкладывали трупы во двор или на лестницу, а утром дворник их подбирал, потом на грузовике трупы везли хоронить на какое-либо кладбище.

Мама Веры, Зинаида Кузьминична, до блокады работала мастером-кондитером на 2-ой Кондитерской фабрике. В блокаду производство закрыли, и маму Веры направили на рытье окопов в район города Пушкин. Оттуда она успела возвратиться в Ленинград последним поездом. Враг быстро наступал... И кто не успел уехать, оказался в оккупации. На опушке леса, соединяющего территорию Пушкина с Павловском, на деревьях сидели «финские кукушки», по беженцам стреляли из пулеметов, усиливая звуки выстрелов громкоговорителями. Так эти фашистские прихвостни заставляли советских людей возвращаться обратно в Павловск.

Зинаиду Кузьминичну направляли на тяжелые работы, в том числе на взламывание

льда. А время было голодное, и стала она дистрофиком II-ой степени. Жили они тогда на 5-ой Советской улице, дом 35.

Вере Васильевне часто вспоминается тот трудный месяц, когда ее, восьмилетнюю девочку, в начале войны эвакуировали с одноклассниками в Любань. Детям приходилось спать на матах, питание было плохое. И Зинаида Кузьминична забрала дочку домой...

Вере никак не забыть тот эпизод, когда перед очередной бомбежкой завывала сирена воздушной тревоги, и жильцы флигеля, в котором жили Шведовы, спустились на 1-й этаж. Вдруг свет погас. раздался сильный грохот и Вера потеряла сознание... Очнулась она от того что мама дергала ее за руку спрашивая: «Ты меня слышишь, дочка?» Девочка ответила, что слышит, и они выбежали на улицу. И увидели разрушенное здание, стоявшее наискосок от их дома. В небе метались лучи прожекторов, а сандружинники пытались разобрать завалы, выволить из-под обломков людей... Напуганная жутким зрелищем Вера два месяца боялась выходить из бомбоубежища...

Прошло военное лихолетье. Вера закончила школу. Встал вопрос о будущей профессии. Повидав много людских страданий, Вере Васильевне захотелось помогать людям всю жизнь. И она решила стать медиком. Закончила Санитарно-гигиенический институт. Вера Васильевна, начала трудовой стаж в 9-ой поликлинике в должности терапевта. Потом уехала на север, где три года отработала

ла фтизиатром. Затем, вернувшись в родной Ленинград, до 1968 года трудится в Госпитале Инвалидов Великой Отечественной войны. Когда в ее семье появился первенец, она уволилась с работы. Своему первому мужу, Ивану Григорьевичу Ситникову, бывшему разведчику, Вера Васильевна подарила четырех детей... Так сложилось, что, имея четверых детей, Вера Васильевна вторично вышла замуж за инвалида Великой Отечественной войны, Киселева Валентина Ефимовича, которому родила пятого ребенка. Ей вручили «Медаль материнства II-ой степени».

Работала она фтизиатром в противотуберкулезном диспансере № 9. На пенсию

Вера Васильевна уходила уже из диспансера №5.

В 2007 году Веру Васильевну Киселеву родной институт пригласил на первый Международный Конгресс, посвященный 100-летию этого учебного заведения. В этом же году она со своими бывшими однокурсниками отметила полувековой юбилей окончания института.

Заботливая и энергичная натура Веры Васильевны помогает ей счастливо жить, растить замечательных внуков в духе добра и взаимопонимания, писать стихи. Одно из них, посвящено дням блокадной поры:

*Блокада – священное слово
Для ленинградца навсегда...
И что бы ни случилось снова,
Его ведь вытравить нельзя!*

*Оно так много значило и значит
Для тех, кто жил на берегах Невы,
Что никакое не излечит счастье,
Тех ран, что в душах наших залегли...*

*Но ни мороз, ни бомбы и голод
Людей заставить не могли
Забывать про честь, посеять в душах холод,
Так, чтоб свою лишь шкуру сберегли.*

*Тогда была я маленькой девчонкой,
Но у меня обязанность была:
Ходила я за хлебом ежедневно
И поручением была горда.*

*Кто в Ленинграде жил в те дни лихие,
Запомнил, что такое черный хлеб,
На что его меняли, как ценили
И вкус, и запах соевых котлет...*

*Я получила хлеб на все семейство,
С авоськой вышла на крыльцо.*

*В руках держала маленький довесок,
Мне так хотелось съесть его.*

*И вдруг ко мне метнулся рыжий парень,
К авоське руки протянул...
Я дико страшно закричала...
И свет в глазах лишь промелькнул.*

*Очнулась, женщина почти седая
Тихонько гладила меня,
Авоську с хлебом мне давала,
И спрашивала, где живет семья.*

*Скосив глаза, смотрела я с испугом,
Как рядом целая толпа, сжав кулаки
На рыжего кричала
Горели ненавистью их глаза.*

*Я, к сожалению мало понимала,
И лишь потом, через года,
Вся сущность человеческих поступков
До моего ума дошла.*

*С тех пор я верю в Человека,
В его хорошие поступки и дела
Без этой веры тошно жить на свете,
Сказать вернее – просто жить нельзя!*

Вера КИСЕЛЕВА

Нина Сергеевна ПИМЕНОВА

Летом 1941 я с мамой отдыхала на даче под Ораниенбаумом. В один из дней мы увидели над лесом парашютистов, подумали, что это учения, но, как оказалось, это был немецкий десант. Вскоре мы узнали, что началась война. За нами приехал папа и увез нас в Ленинград. Мы собирались в эвакуацию, но папа ушел на фронт, а мама – работать в госпиталь. Когда немцы бомбили город, а это часто было ночью, я оставалась в квартире

одна. Было очень страшно. Мы жили на улице Петра Лаврова (Фурштатская), дом 42, на последнем этаже. Управдом предложила переселиться в дворницкую, которая находилась в подвальном помещении.

Недалеко от дома располагался Таврический сад, там я любила собирать желуди. Мама их жарила, молола и варила «кофе», а так же варила студень из мебельного клея, добавляя туда лавровый лист и перец.

Я училась в школе №189 Дзержинского района и окончила 3 класса. А также занималась в хореографической студии Дворца пионеров. Осенью 1941 – зимой 1942 школа собрала учеников, которые остались в городе. Пытались наладить учебу, но в основном, ученики пилили дрова, чтобы топить печи и укрывались в бомбоубежище. Как-то, когда находились в нем, показалось, что в дом, под которым находимся, попала бомба. Но после отбоя тревоги, мы вышли на улицу и увидели, что два дома напротив разрушены, а в одном из них, на уровне третьего этажа через

пролом видно пианино, а на железном выступе висит женская голова с длинными волосами.

Весной школьники выезжали на сельхозработы. В апреле-мае 1942 Дворец пионеров стал собирать ребят, занимавшихся в студиях дворца. Так я возобновила занятия в хореографической студии у педагога Розы Абрамовны Варшавской.

Несмотря на бомбежки и артобстрелы мы продолжали подготовку программы концертов. В один из дней, когда я шла на занятия, начался обстрел. В этот момент я переходила Манежную площадь. И только подошла к Дому Радио, как услышала взрыв снаряда, но я уже успела забежать в подъезд. В это же время еще один снаряд разорвался на Невском проспекте, напротив Елисейевского магазина – попал в трамвай, убив тех, кто в нем ехал.

Во Дворце пионеров летом был организован пионерлагерь, где отдыхали дети города. А воспитанники художественного сектора все лето посещали его ежедневно, приходили утром на зарядку и до окончания занятий. Летом 1942 года стала работать детская фронтовая бригада. Нас приглашали в гости на корабли и в воинские части. Запомнился один эпизод, мы приехали во фронтовую воинскую часть и, только начали концерт, как посыпались снаряды. Всех ребят посадили в автобусы и повезли в город. Было очень обидно нам, а главное, фронтовикам.

В Летнем театре сада Дворца пионеров у нас проходили репетиции, а потом концерты для детей. Участники агитбригады Ленинградского Дворца пионеров были награждены медалями «За оборону Ленинграда», в их числе и я. За активное участие в составе агитбригады, давшей за 42-43 годы более 150 концертов в пионерлагерях, госпиталях и воинских частях

В день прорыва блокады я и мои друзья, собрались на набережной. Видели салют, который был для нас особенным зрелищем. С теми же друзьями – школьными и из Дворца

пионеров, мы были на Невском в День Победы. Были мы и на площади Калинина, когда там стояли виселицы – для немцев. Видели и оставленных на них повешенных.

В 47-м году я закончила школу, пошла работать в НИИ 303 (теперь НПО «Азимут»). Затем окончила Судостроительный техникум. Была в Севастополе, в командировке на кораблях, переданных нам Италией.

В 1951 году вышла замуж, родила сына. В НИИ 303 я работала до пенсии – инженером, старшим инженером. В 61 год ушла на заслуженный отдых.

Во время салюта в честь полного снятия блокады у Троицкого моста

Память сердца

Труженица «Арсенала»

Анна Павловна ЧЕПИКОВА

121

Веселая, никогда не унывающая Анечка Фаворова, (в замужестве Чепикова), с детских лет познала страх не только за себя, но и за родных...

Ее папа, Фаворов Павел Александрович, дворянин по происхождению, окончил кадетский корпус и, естественно, присягал государю Императору. Был честным и принципиальным человеком, как и его отец, Александр Александрович, знаменитый полковник царской армии. (В музее г. Владимира хранится газета, где о нем написана заметка)... Маму Ани Фаворовой звали Ольгой Степановной. Она была домохозяйкой, растила двух дочек, но рано ушла из жизни, Анечке тогда было восемь лет.

Родилась она в Хабаровске в 1926 году. Отец очень боялся, что его семью подвергнут репрессиям за дворянское происхождение. Поэтому Фаворовы часто переезжали из одного города в другой. (Ведь Павел Александрович считался «в розыске»).

Анна Павловна хорошо помнит, как после долгих странствий по стране ее мама – с детьми – приехала в подмосковное Перово. Жили там в бараках, в тесноте, и через год – (в 1934 году), отец вызвал семью в город Ковров. Через два месяца после переезда умирает мама. Папа в это время работает на военном заводе бухгалтером. Вскоре власти узнали о его происхождении, и он был уволен с рабо-

ты. И 49-летний мужчина с двумя маленькими детьми нигде не мог найти работы. Приходилось в платке ходить по деревням, просить милостыню... Наконец судьба над ними сжалась. Его приняли в торг бухгалтером на маленькую ставку. Пришлось подрабатывать в столовой, откуда можно было приносить дочерям суп. Жили Фаворовы в полуподвале, спали на полу – на соломе. Девочки ходили в школу и старались хорошо учиться...

Великая Отечественная война застала 14-летнюю Анну в Ярославле, в Доме отдыха, куда ее отцу дали путевку. Когда они возвращались домой, видели много заплаканных женщин, казалось, будто снится какой-то непонятный сон...

И вот уже хлеб выдают по карточкам, а старшая сестра Лида идет работать на военный завод им. Дегтярева г. Коврова. Для отправки на фронт нужны были свитера, и Анечку устраивают в вязальную мастерскую. Она работает на фанговой машине, выполняя ежедневную норму 5-7 свитеров. Затем Анна переходит на шитье заготовок для сапог, где трудится до 1944 года на заводе «КИРКИШ» под руководством начальника по фамилии Туркин. За это она получила продовольственную рабочую карточку и 700 г хлеба в день. К этому времени папа Ани уже умер и приходилось надеяться

Память сердца

только на себя. Часто посылали ее в г. Гусь-Хрустальный на лесозаготовки и торфоразработки. Не было теплой одежды и обуви, и работали там девчата в холодных полубоотиночках и куртках. Но везде шли на работу безотказно, подбадривали себя песнями, которые всегда помогали и в труде и в жизни...

Война заканчивалась, и старшая сестра Лида уехала в 1944 году в Ленинград работать на заводе «Арсенал», куда в октябре 1945 года прибыла и Анна. Восстанавливали разбитые цеха. Работа была очень тяжелая. А весной и осенью молодежь посылали в совхоз «Гомонтово» – для посадки и уборки урожая. Ходили и работали тогда в парусиновых ботиночках на толстой деревянной подошве...

До отмены продовольственных карточек работали на «Арсенале» по 12 часов...

Но молодость берет свое, и пришло время Анечке влюбиться. То был сослуживец, Александр Николаевич Чепиков. Вместе они прожили в любви и согласии почти 50 лет.

На территории завода были «Петровские домики», где и поселилась молодая семья. Позже они переехали на проспект Мечникова. В семье Чепиковых выросли умные и доб-

рые дочери. Есть две внучки и два правнука. Глава семейства Александр Николаевич, уроженец Ленинграда, пережил блокаду и рассказывал дочкам о трудностях, с которыми столкнулся он с мамой, Марией Адамовной, во время войны...

Для своих сотрудников около кинотеатра «Гигант», – вспоминает Анна Павловна, – завод «Арсенал» строил дома – «пятиэтажки». И после работы люди приходили на эту стройку, посильно помогая – «за квартиру». Тем самым ускорялось строительство жилья. А когда на Новочеркасской площади у дома №41 по Новочеркасскому проспекту строил завод для своих сотрудников высотные дома, то приходилось Ане и ее сослуживицам отодвигать в сторону памятники. Строили на месте бывших захоронений!

Так на основной, вспомогательной и общественной работах текла кипучая жизнь Чепиковой Анны Павловны. Она – и после пенсии – частый гость родного «Арсенала» Ее помнят и уважают бывшие сослуживцы.

Гордится она своими наградами, медалями: «За доблестный и самоотверженный труд в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» и «Ветеран труда».

*Опять война,
Опять блокада, –
А может, нам о них забыть?*

*Я слышу иногда:
«Не надо,
Не надо раны беречь.
Ведь это правда, что устали
Мы от рассказов о войне.
И о блокаде пролистали
Стихов достаточно вполне».*

*И может показаться:
Правы
И убедительны слова.
Но даже если это правда,
Такая правда
Не права!*

*Я не напрасно беспокоюсь,
Чтоб не забылась та война:
Ведь эта память – наша совесть.
Она, как сила, нам нужна.*

Юрий ВОРОНОВ

Я помню все

Вера Леоновна ТУПОНОСОВА

Я родилась в Ленинграде в 1926 году. Великая Отечественная война началась, когда мне было без двух месяцев 16 лет. Училась я тогда в 8 классе, но в школе было так холодно, что замерзали даже чернила, и поэтому учеба была только в первую четверть.

При тревоге все ребята дежурили на крышах домов, где гасили зажигательные бомбы, куда мы приносили песок и воду в баки.

Осенью мы остались вдвоем с мамой – старший брат Александр работал на заводе «Светлана» и был на казарменном положении, сестра Евгения находилась за городом, где рыла окопы, а с 1942 года работала в детском эвакуационно-распределителе, а сестра Евдокия ушла на Ленинградский фронт.

Весной собирали с мамой лебеду, ходили в свиноводхоз, где запасались дурандой. Жить вдвоем на иждивенческие карточки было тяжело, и я устроилась на работу в Коломяги в совхоз «Петрорайсовета», на рабочую карточку. Но работа была очень тяжелая, поэтому, проработав только полгода, я устроилась в больницу Скворцова-Степанова. Но и здесь работать я не смогла, так как в больнице не было отопления. И меня послали вместе с другими ломать деревянные дома.

Зимой 1943 я была на лесозаготовках под Выборгом... Глухие леса, холод, голод – страшно вспоминать – но мы заготавливали дрова. Досталось и летом, когда я работала на торфопереработках в Парголово.

Осенью 1943 года меня отправили в хозяйственную часть больницы Скворцова-Степанова, и там я стала учиться на шофера, так как машины водить было некому.

Машины в городе были газогенераторные, работавшие на деревянных чурках (те, кто в этом разбирается, поймет, как это было трудно!). И, наконец, 27 января 1944 года, наступил праздник снятия блокады Ленинграда – радости не было предела. А в июле 1944 года в Выборгском доме культуры мне была вручена медаль «За оборону Ленинграда».

Так хотелось еще больше помочь городу, уйти на фронт и бить фашистов. В ноябре 1944 года я пошла на ускоренные курсы медсестер в Военно-Медицинскую академию. Закончив их, пошла в военкомат, но на фронт не брали. Правда, поставили на учет и сказали, что при необходимости вызовут.

9 мая 1945 года получила медаль «За доблестный труд в Великую Отечественную войну» и это самая моя дорогая награда, хотя грудь моя в праздничные дни увешана наградами.

Уже после войны, в 1948 году я в Ленинграде встретила свою любовь – Ивана Максимовича Викторчика, с которым мы счастливо прожили 53 года. У нас была любимая дочка Ниночка, которая в 1975 году вышла замуж и родила нам замечательную внучку, Настеньку.

К нашему горю в 1991 году дочь умерла, а в 2004 году мы похоронили моего любимого мужа, Ивана Максимовича. И сегодня моя семья – это любимые люди – внучка Настенька, ее муж Павел и их дочка, моя правнучка, Полинуска. И вот, несмотря на страшные тяжелые годы, прожитые мною, я живу в своей семье, окруженная заботой, лаской и вниманием.

Но память все равно дает о себе знать! Я помню все!

Девочки — станочницы

Раиса Филипповна АНГУДОВИЧ

Раиса Филипповна Ангудович родилась в Ленинграде в 1927 году на улице Розенштейна. Ее отец, Филипп Федорович Ангудович, еще до Великой Отечественной войны служил на Балтийском вокзале главным кондуктором электропоездов. С 1943 года он проходит на ст. Бологое военную подготовку, откуда пришло домой его первое письмо. А в боях на Орловско-Курской дуге он погиб.

Мама, Эмилия Донатовна, до войны работала ткачихой на ткацкой фабрике им. Лебедева. Когда враг подошел к стенам Ленинграда, эту фабрику закрыли. И Раиса мама переводится на работу в обувную артель, где изготавливались солдатские сапоги. За труд ей выдавали ежемесячно рабочую карточку. На младших дочерей: Раю и Лиду (1926 года рождения), Эмилия Донатовна получала иждивенческие карточки. Голод привел этих девочек к дистрофии и они на полтора месяца попадают в детскую больницу им. Пастера. После лечения девочки работают слесарями на заводе «Подъемно-транспортного оборудования». План «делают» на 150%. За это они получают дополнительную порцию шротовой запеканки, а иногда им дают соевое молоко. Их старшая сестра Нина на этом же заводе трудится на токарном станке и находится на казарменном положении. Сестры очень устают... До конца войны младшие сестры проработали слесарями. Затем Рая перешла на фрезерный станок и трудилась рядом с пленным молодым немцем по имени Пюттер. Он очень жалел эту хрупкую девушку и помогал во всем. Даже тяжести за нее поднимал сам. Пленные немцы жили при заводе в бараке, ко-

торый сами же и отремонтировали. Кормили их скверно, но они не роптали.

Раиса Филипповна вспоминает, как она с сестрами и другими девчатами вечером ходила по улице и проверяла: нет ли освещенных окон. Не забыть ей походы за водой. К двухлитровому бидону была привязана трехметровая веревка. Ее опускали в люк, который находился на улице Розенштейна, 39. Оттуда люди вычерпывали драгоценную жидкость. Эти два литра воды Раечка с трудом несла до дома, еле поднималась

на второй этаж. Как сейчас помнит она тот ужас, который охватывал ее при артобстрелах. Тем более что рядом находились Балтийский вокзал и завод «Красный треугольник». Поэтому немцы стреляли по этим целям довольно часто.

Особо запомнился семье Ангудовичей страшный грохот и красное небо во время боев по прорыву блокады Ленинграда. Жителям было и страшно, и радостно.

Раисе Филипповне часто вспоминаются противотанковые рвы, которые она со школьниками копала в 1941 году, и кровавые мозоли на руках во время слесарных работ. Девчонок в цехе тогда никто не обучал этому ремеслу. Смотрели как делают слесарные операции мальчишки на соседних станках, так и сами делали.

С 1956 года Рая работает в ОТК при заводе «Радиотехнического оборудования». Там она и проработала до пенсии...

Раиса Филипповна награждена медалями «За оборону Ленинграда» и «За доблестный труд», а также юбилейными медалями. И, конечно же, она носит гордое звание «Ветеран труда».

Анна Борисовна ЯКОВЛЕВА

Анна Борисовна родилась в 1940 году в Ленинграде. Ее дом стоял на проспекте Мечникова, во время войны он был разобран на дрова. Папа Анечки, Савчук Борис Николаевич, в предвоенное время работал на Ленинградском Металлическом заводе им. Сталина. Он пошел в народное ополчение, был в политотряде и погиб в декабре 1941 года. С фронта он писал жене: «Ни в коем случае не уезжайте из Ленинграда. Город мы отстоим...»

В самом начале войны Галину Николаевну мобилизуют на службу во 2-й отряд 2-й сандрюжины, расположенной на 13 линии Васильевского острова, где она и жила. И маленькая Анечка остается на попечении бабушки, Юлии Константиновны Солнышко, сыгравшей очень важную роль в ее судьбе. Юлия Константиновна всю свою жизнь посвятила медицине после того, как в 1913 году в Елисаветинской общине получила профессию сестры милосердия.

С 1925 года она работает в железнодорожной больнице.

В войну в одном из корпусов больницы жили сотрудники. С 1942 года Юлия Константиновна с Анечкой тоже живут на территории больницы. Иногда к ним приходила мама и приносила еду.

Маленькой болезненной Анечке запомнилось: черная «тарелка» на стене, откуда она слышала голоса Сталина, Левитана, красное одеяло в окне, чайник на буржуйке.

На большой территории больницы были огороды. Там ее сотрудники сажали себе кар-

тошку, используя глазки, срезанные с кожуры. Так, даже в сентябре 1942 года, люди ели свою картошку! На попечении Юлии Константиновны еще был сын, находившийся в Мельничных Ручьях. К нему она иногда носила продукты питания. Так как по карточкам выдавали водку и папиросы, то бабушка их обменивала на продукты. Вторая бабушка Ани работала в этой больнице в прачечной и также помогала растить внуку. Сплоченность медсестер помогала им выжить. Анечка хоро-

шо помнит дружеское отношение к ней всего персонала железнодорожной больницы.

Так как территория больницы позволяла, было решено еще до войны – оборудовать бассейн. К 1941 его обустроить не успели, но желающие там плавали. Большим подспорьем для нужд больных и медицинского персонала стали два фруктовых сада. Работала при больнице своя «овощная» бригада. Там росли яблоки, груши, сливы, вишни, черная смородина и крыжовник. А в большом больничном парке росли грибы, малина и черника! До войны – рассказывали старожилы – парк тщательно убирали. Во время войны там были вырыты окопы. А после нее в этих окопах дети играли в прятки, казаки-разбойники и другие игры.

На собственной лесопилке готовили привезенную древесину для отопления корпусов. В свободное от перевозки раненых время, на санях или телегах, развозили топливо по территории больницы. И в войну они помогали расчищать дорожки от снега с помощью единственного «дворника». Дети со-

трудников железнодорожной клиники, как и Анечка, очень любили прогуливаться по садовым аллеям, играли там в свои незамысловатые игрушки. Подруги мамы Ани дарили их при встречах, и девочка особенно любила играть с тряпичным негром, но – с целлюлоидной головой. Иногда ребята рисовали цветными карандашами в старых альбомах: бумаги для рисования тогда не было...

Странные ощущения остались у Анечки от одной поездки по городу. С бабушкой она возвращалась домой на трамвае. Вдруг он остановился из-за огромной толпы на площади Калинина. Девочка стала спрашивать: «что там такое?» На что ее бабушка, всегда все объяснявшая, вдруг резко сказала: «Идем, идем. Тебе это не надо смотреть». И они пешком шли домой на проспект Мечникова. Позже Ане рассказали, что у кинотеатра Гигант казнили фашистов.

Запомнился Анне Борисовне тот долгожданный день празднования прорыва блокады – 27 января. Все поднялись наверх

4-этажного дома, так как оттуда хорошо был виден салют. Ей запомнился грохот и красивые «шары» в зимнем небе. Не забыть и дирижабли, повисшие над железной дорогой.

В День Победы Аня смотрела красивый салют...

В школу Аня пошла лишь в 1948 году, так как часто болела. Видно сказались нервные шоки военных лет. После школы она решила стать океанологом. Личная жизнь Анны Борисовны сложилась удачно. У нее прекрасный спутник жизни – Виктор Николаевич Яковлев, бывший узник.

Дочь Анны Борисовны пошла по стопам бабушки – стала врачом. В семье Яковлевых растет замечательный внук. 9 мая он каждый год ходит вместе с родными на Пискаревское мемориальное кладбище. А первое посещение Музея Оборона Ленинграда оставило у мальчика неизгладимые впечатления.

Когда совсем не станет нас, пусть кто-то скажет вновь «Спасибо!»

Эльза Евгеньевна МУСАТОВА

Эльза Евгеньевна Мусатова родилась 20 января 1931 года, в городе Пенза, а в 1932 году ее семья переехала в Ленинград. С отцом-инженером, мамой-учителем, сестрой и братом они жили в деревянном доме на Большой Спасской, дом 1/2.

Сейчас она на пенсии, живет в муниципальном округе «Пискаревка».

Эльза Евгеньевна прекрасно владеет словом, ей оказалась не нужна помощь журналиста, чтоб рассказать свою историю. К ее словам не хочется ничего добавлять или отнимать, этот рассказ должен быть таким, как его передала она сама:

«Когда началась война, мне было десять лет. Все началось внезапно – зазвучали сигналы воздушной тревоги, рвались бомбы и снаряды, ночное небо освещали залпы зенитных фонарей. Рушились дома, гибли люди, вспыхивали пожары. Наверное, это свойственно подросткам, мои сверстники и я – не знали страха. Мы не прятались в бомбоубежищах, подражая взрослым, старались как-то помочь. Может, для нас это была игра, но сопряженная с настоящей опасностью.

Мы гасили зажигательные бомбы, собирали вражеские листовки, кипами отдавая их зенитчикам. Читать листовки было запрещено, но дети есть дети, конечно, мы читали. Классический пример содержания – «Бей жида поли-

трука, рожа просит кирпича!»

Недавно я услышала рассказ об этом по радио и вдруг очень четко увидела себя, держащую эти листовки в руках – напечатанные красным шрифтом, будто обогранные кровью.

В дни блокады, самым мучительным и страшным был голод. Его пик пришелся на декабрь 1941 – февраль 1942. Только кусочек хлеба на человека в день, тогда говорили – «Без приварка». Люди умирали на улицах, трупы часами лежали на морозе, а потом их складывали и увозили. Без гробов, без прощальных

слов, без свечей.

Страшным кадром в памяти осталась будка, недалеко от кинотеатра «Минотавр». Она не закрывалась, не могла. Наружу торчали руки, ноги, головы, иногда на вас смотрели мертвые глаза. Трупы увозили, а на следующий день будка наполнялась снова.

Смерть от голода не обошла и нашу семью. 20 января 1942 года, в день моего рождения, умер мой отец. Его похоронили на Богословском кладбище. Это был очень трудный период, не стало даже столярного хлеба и дуранды. Я осталась дома с сестрой и совсем маленьким братом, мама работала в госпитале, приходила к ночи и уходила утром. Как сейчас, вижу себя, тревожно ждущую ее у окна, и вспоминаю радость, когда видела ее – маленькая, хрупкая

женщина в толстом ватнике и ватных штанах, возвращается в дом, где ее ждут трое голодных детей.

Мысли о еде я подавляла чтением. Сидела на кровати, вместе с сестренкой и братом, часто читала им вслух. А особенно мне нравилось листать Библию, хотя не была верующей. Это была красивая 2-томная книга в красном переплете с иллюстрациями Доре. Быть может, это бессознательное приобщение к христианским истинам, стало звеном в цепи событий.

Весной по «Дороге жизни» стали вывозить ленинградцев на Большую Землю. Наша семья отправилась всемером – к нам присоединились мамина сестра с дочерью и бабушка. Но после вернулись пятеро: бабушка заболела в дороге и умерла через пару месяцев, а младший братишка умер от менингита в октябре 43-го.

Мы эвакуировались к родственникам в город Пенза, но скоро вернулись. За то время, что мы провели в эвакуации, город точно окреп, в нем чувствовалась жизнь, он снова дышал. Заработали школы и библиотеки, пошли трамваи, открылись театры. Но остались

следы разрушений – шрамы Ленинграда, оставленные войной, которые нет-нет, но напоминали о прошлом, которое не хотело нас отпустить.

Есть места, связанные с определенными событиями и всегда вызывающие в сознание те же образы. Прошло больше 60 лет, но проходя мимо здания на углу Невского, перед Аничковым мостом, я всегда машинально поднимаю взгляд на окна второго этажа: «Кто там сейчас живет? И знают ли они, что случилось здесь в 1942 году?» Тогда в этот дом попал снаряд, оставив целой лишь заднюю стену. На ней осталась висеть какая-то картина, коврик и зацепившаяся детская кроватка. Таким зданием простояло почти до конца войны, проходя мимо, я чувствовала, что вот-вот услышу детский плач.

Вернувшись в Ленинград, я продолжила учиться, в 1949 окончила среднюю школу и поступила в I-й Ленинградский Государственный Институт Иностранных языков на отделение французского. Закончив с отличием, преподавала на кафедре лексикологии, а после его реорганизации – работала на Иностранном факультете в Университете имени Жданова. Тогда же я работала по линии Интуриста на I Международном фестивале в Москве. В 1936 прошла по конкурсу на кафедру иностранных языков ЛенГИДУВа и занималась подготовкой врачей, направляемых на работу в страны Африки: Алжир, Гвинея, Мали и другие.

В 1965 меня откомандировали на полтора года в Алжир, переводчиком. Присутствовала на выездах по скорой помощи, операциях, а так же работала внештатным переводчиком при Генеральном Консульстве, участвовала во многих культурных мероприятиях. Встречалась с И. Смоктуновским и Л. Чурсиной, приехавшими в Алжир с фильмом «Донская повесть», и два дня подряд синхронно переводила этот фильм алжирским зрителям. Осталась в памяти и встреча с И. Моисеевым, его

ансамбль покорил тогда всех. Жесткий и требовательный в работе, он оказался очень легким в общении человеком и блестящим рассказчиком.

Много путешествуя по стране – пустыня Сахара, города-оазисы, развалины древнего Тимгада, встретила с туарегами.

В 1966 году я вернулась в Советский Союз, и работала в ГИДУВе до 1986 года, когда вышла на пенсию. Занималась наукой, написала много методических пособий, научных статей и справочников. Уже на пенсии, долго занималась синхронным переводом французских фильмов в наших кинотеатрах – «Ночная кра-

савица» с К. Денев, «Парадизо» с Ф. Нуаре, фильмы Ж.-Л. Годара.

Скоро мне исполнится 77 лет. Я очень люблю Петербург, хорошо знаю его улицы и памятные места, музеи. Но склоняю голову перед Ленинградом военных лет. Великий праздник 9 мая... Я знаю его не по рассказам.

Нас, таких, как я, остается все меньше. Несмотря на пережитое, мы не ожесточились, как дети, мы рады любому проявлению добра и внимания к нам. А праздник Победы – наш самый главный, праздник, на который откликаются сердца прошедших через все, что познали мы. Когда-то, я написала эти строки:

ДДЮТ, «Мать». Михаил СНЕГОВ, школа № 633, 8 кл.

*Благодарим за этот День,
В нем – гамма чувств,
В нем – свет и тень,
В нем – боль и радость жизни,
Ибо:*

*Конечно же, наступит час,
Когда совсем не станет нас,
Но кто-то скажет вновь
«Спасибо!»,
Волнуясь и животворя,
В такой же день календаря...»*

Эльза МУСАТОВА

БАЛЛАДА ИЗ КИНОФИЛЬМА

«.. Журавлики-кораблики
плывут под небесами...»
(Кинофильм «Летят журавли»)

1

Не журавли летели по небу,
А весть начавшейся войны, —
Грозна и до конца не понята
Вождём обманутой страны.

И добровольцы неумелые,
Строевики, простой солдат
Ещё не верили, не ведали
Суть первых сводок, жертв и дат.

...Свои ли, вражеские происки
Теперь — лишь факт, а вслед войне
Сюжет кино, правдивой повести
Врезался в память, в сердце мне!

...Казалось, что у той израненной
Берёзы я отца узнал,
Когда свинец на цель направили
И смерти подали сигнал.

Качнулось небо, словно маятник,
Прощально трепетала мысль...
«Видение последней памяти,
Не умирай, остановись!..»

Ведь мы и писем-то не видели,
Мы ждали, верили... Всю жизнь
Идёт известие о гибели!
«Пропаший без вести, вернись!»

...Не журавли летели по небу,
А крик мучительных вестей
Из мест, где кровь солдата пролита
И слезы женщин и детей!

Последний час узнал бы в песне я
И добровольца, и бойца, —
Но до сих пор я жду известия
С войны о гибели отца...

2

Я вспоминаю об отце по рассказам...
Вот он входит в комнату, с покупками и весёлый,
Целуя нас всех по очереди, —
Маму, сестру и меня...

Я вспоминаю об отце по рассказам...

Как он любил гулять со мною на руках
В праздник, когда звучит на улице музыка,
Парят воздушные шары
И улыбок больше, чем людей...

Я вспоминаю об отце по рассказам...

Я пытаюсь представить его себе живым,
Почувствовать ту жизнь,
В которой отец показывал мне мир,
Но чужие слова, такие разные и такие похожие,
Беспомощно цепляются друг за друга...

Я перебираю пластинки, купленные отцом,
Ставлю на патефон одну из них
И рыдание сдавливает меня...

Кто, кто мне расскажет последние его минуты?!
Пропал без вести... без единого письма...
«...пропал без вести...» Для вечной надежды.
Неугасаемая надежда и неизбывные слёзы!
Сокровенные слёзы мамы!

Я вспоминаю об отце по рассказам...

Если бы я хоть вспомнил,
Как звал и лепетал ему «Папа...»

3

Ленинград

Не ложь иллюзий помним, Ленинград,
Но подвиг твой, победу над фашизмом!
Свет славы ленинградцев навсегда
В нас воссиял! — дал нам «Дорогу Жизни»!

...Всё ж псевдонимы чужды городам,
Рождение — судьба их и порука,
И потому уходит Ленинград,
Что защитил устои Петербурга.

Но в День Победы перезвон наград
Под небом ленинградским, — пульс парада!
Особый дар творил в нас Ленинград!
Блокады дни — мощь духа Ленинграда!...

Владимир ДУМСКИЙ

Военные медики

Память сердца

ХИРУРГАМ САНБАТА

*Над болью, куда уж выше,
Парить накануне тьмы...
Воскресшие, воскресивших
В лицо не видели мы.*

*Они склонялись над нами,
Чтоб вызвать в последний бой
Еще не память — предпамять.
Они возвращали — боль.*

*С высот заоблачных в пропасть —
Такие вот выражи.
А вышло, что пропасть — пропуск
В госпиталь, значит, в жизнь.*

*Теперь наша жизнь вторая
Под знаком твоим, санбат.
Родителей не выбирают,
Родителей благодарят.*

*Не часто.
Чаще под старость,
Глядя в лицо судьбе...
Во всем, что после досталось,
Не сами мы по себе.*

*Тот шаг через мостик хрупкий —
Труднейший из наших шагов.
Мы — памятники хирургам
Сороковых годов.*

Герман ГОППЕ

Анастасия Семеновна САМОХВАЛОВА

Существует выражение: «У войны не женское лицо...» Возможно, это и так. Но в годы Великой Отечественной войны, когда вся страна поднялась на защиту своей Родины, женщины наравне с мужчинами выполняли и долг воина. Одной из таких женщин была и моя мать, Самохвалова Анастасия Семеновна.

Она родилась во Владивостоке, а в 1924 году приехала в Ленинград и поступила на биологический факультет Университета. В 1926 году вышла замуж и оставила учебу, но вскоре поступила в 1-й Медицинский институт и с отличием его окончила.

К сожалению, семейное счастье было недолгим. Мой отец, Самохвалов Александр Иванович – главный инженер ГосНИИ Высокых Давлений, погиб в репрессиях 30-х го-

дов и был посмертно реабилитирован в 1957 году.

В 1939 году мама окончила клиническую ординатуру при Государственном Педиатрическом институте и была зачислена врачом-ординатором в клинику болезней уха-горла-носа. В этой должности и застала ее Великая Отечественная война.

Все резко изменилось, многие сотрудники и студенты уходили на фронт, другие эвакуировались. Стал меняться контингент больных – помимо детей с забо-

леванями мирного времени, появились и раненые. Вначале это были беженцы, а с сентября и маленькие ленинградцы.

Хирургическое отделение не могло вместить всех, детишек распределяли по другим

клиникам, в том числе и в мамину. Я помню, как мама рассказывала, что во время сильной бомбежки она посадила к себе на колени 3-летнего раненого мальчугана. Он прижимался к ней всем тельцем, гладил ручкой ее по щеке и, заглядывая в глаза, молил: «Тетя, уйдем! Тетя, уйдем!»

Мама была военнообязанная, но в виду нехватки персонала, дирекция выхлопотала ей бронь. Однако, когда в конце сентября 1941 года она получила повестку в военкомат, своей льготой не воспользовалась и была направлена в эвакогоспиталь №63, 28-й армии, располагавшийся в здании школы на проспекте Энгельса около Поклонной горы.

Госпиталь только начал создаваться, штат состоял из специалистов высокой квалификации, в основном – женщин. К сожалению, почти никто из них не имел опыта работы в области военно-полевой медицины. Но опыт пришел, и даже превзошел практику прошлых лет.

Если осенью поступали раненые бойцы, то спустя несколько месяцев госпиталь стали заполнять истощенные от голода. Нормы питания военнослужащих были выше, чем у гражданского населения, но для взрослых мужчин в боевых условиях этого было недостаточно. К тому же у многих из них в городе были семьи, с которыми военные делили свой фронтový паек. Военное начальство старалось воспрепятствовать этому, но поделать ничего не могло. Мамины коллеги и она

А. Самохвалова на заднем плане с раненым

сама – поступали точно так же. Маму отпускали домой пару раз в месяц, и я помню принесенные ею черные кусочки хлеба и баночку, в которую она по ложке складывала изо дня в день кашу, отрывая от своей блокадной порции.

Летом 1942 года маму перевели во фронтový эвакопункт №139, размещавшийся в здании Академии связи. Там она прослужила до октября 1942 года. Затем маму перевели в один из госпиталей 42-й армии, с которой она прошла весь ратный путь до Победы. В 1943 году ее назначили начальником ЛОР-группы отдельной роты медицинского усиления (ОРМУ) №37. Большую помощь в работе оказывали ведущие специалисты страны, в их числе профессор Д.М. Рутенбург.

Работы было много, но особенно большой поток раненых обрушился в дни снятия блокады Ленинграда. Врачи оперировали без сна и отдыха, даже не пошли на салют.

30 января 1944 года 42-я армия направилась к Пскову. Теперь приходилось лечить и оперировать в полевых условиях. Приходилось работать в палатках, при свете керосиновой лампы... Раненые поступали с осколочными ранениями, реже пулевыми. С войны мама привезла узелок, полный осколков, извлеченных во время операции. Каждый осколок был завернут в бумагу, на которой она записывала имя оперируемого, характер ранения, дату операции и ее результат. В настоящее

время осколки хранятся в Военно-медицинском музее Министерства обороны СССР.

После освобождения Пскова 42-ю армию перебросили в Латвию. Пройдя с боями почти до границы, в составе 2-го Прибалтийского фронта, встретили Победу. Вскоре была проведена фронтовая врачебная конференция, на которой мама сделала два сообщения: о лечении контуженных с потерей речи и слуха и о ранениях носа.

Казалось, что все сделано, но снова началась передислокация – к берегам Тихого океана, на 1-й Дальневосточный фронт. Домой мама вернулась в июне 1946 года из северной Кореи, города Хейдзио.

За годы Великой Отечественной войны мама была награждена орденами: «Красной звезды», «Отечественной войны» II степени (в 1985 году повторно) и медалями: «За оборону Ленинграда» «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» и «За победу над Японией».

После войны она вернулась в ЛОР-клинику Педиатрического института и работала там до 1977 года, вначале врачом-ординатором, а с 1953 года – заведующей клиникой. Ей присвоили звание врача высшей категории. У нее ряд научных публикаций, она выступала с докладами и сообщениями на медицинских конференциях, дважды была участником ВДНХ.

В середине 60-х по заданию выборгского райкома партии в Педиатрическом институ-

те было создано Общество ветеранов Великой Отечественной войны. Мама приняла активное участие в его создании и последующей работе, за что в 1973 году была удостоена «Почетного Знака СККВ».

После выхода на пенсию, она еще 2 года проработала врачом-консультантом в детском санатории «Мальш».

Основа профессии врача – доброта. Мама не только лечила своих пациентов – она их жалела. Страдания войны прошли не только перед ее глазами, они прошли через ее руки и сердце. Она не могла спокойно вспоминать своих раненых и те чудовищные увечья, которые они получали. Мама была разносторонним человеком, так, например, она принимала участие в установлении факта пребывания в Советском Союзе в 1927 году норвежского полярника Р. Амундсена, что было опубликовано в географическом сборнике для детей «Глобус» за 1977 год.

Ветераны 42-й армии ежегодно собирались на традиционных встречах. Среди них был и знаменитый скульптор М.К. Аникушин, участник боевых действий, служивший с мамой в одном госпитале – в мамином архиве сохранились его поздравления с теплыми, добрыми словами. И герой социалистического труда В.Ф. Виноградов, который в свое время оказал поддержку маме, к которой поначалу было настороженное отношение из-за репрессии мужа.

Моя мама, Самохвалова Анастасия Семёновна прожила долгую жизнь и покоится на Северном кладбище. Недалеко от нее обрел вечный покой Горчаков Алексей Степанович – первый председатель Совета ветеранов Калининского района и Новодран Виктор Андреевич, возглавлявший в 80-е годы первичную организацию ветеранов ЖЭУ №22/1.

Пусть будет им вечный покой, а мы, живущие на этой земле, сотворим им вечную память!

Алла Александровна САМОХВАЛОВА

Память сердца

Ласточка из Сибири

Мария Михайловна ВИНОГРАДОВА

Мария Михайловна Виноградова родилась в крестьянской семье, в деревне Ощекулово. После пожара, в котором сгорел дом и имущество, семья переехала в деревню Жохово, что в одном километре от старинного города Бежецк.

В 1941 году Марии исполнилось 20 лет, она работала заведующей библиотекой при Сельсовете, «избой-читальной», как это называли в деревне. 22 июня 1941 она с утра пошла в город, чтобы отдать материю, из которой хотела сшить себе платье к празднику. Навстречу ей

шел муж председателя сельсовета, он выглядел, как пьяный, остановил ее, сказал: «Куда ты идешь!? Какое платье?? Война!»

Мария вернулась домой, рассказала родным. Новость быстро разнеслась по деревне, женщины выходили на улицу и рыдали в голос, плач слышался по всему Жохово.

По деревне понесли повестки, отца призывали в армию. Вскоре его отправят на фронт, где он пропадет без вести. В войну Мария потеряет девять своих родных.

С подругой Клавой Фроловой они записались в городе на курсы медсестер. Учились, продолжая работать.

Зимой начались страшные бои под Калинином (Тверь), хлынул поток раненых. Немцы неистово рвались к Москве. Госпиталь, размещенный в здании бывшей церкви, переполнился обмороженными и ранеными. Вместо учебы, Марию с подругой отправили на практику в этот госпиталь. Она вспоминает: «Нужно держаться, быть твердой, чтобы помочь. Я не представляла, с чем мне придется столкнуться. На практи-

ке в госпитале, чтоб приучить меня к этому, когда привезли военного с посиневшими ногами, врач распорядился, чтоб я удалила ему пальцы. Хирургическими ножницами я резала пальцы, а самой страшно, спрашиваю военного: «Дяденька, вам не больно?» А он отвечает: «Нет. Ничего не чувствую».

Вместе с подругой Клавой они находились в госпитале до весны 1942 года, затем сдали экзамен, получив звания медсестер. А летом вдвоем подали заявления с просьбой добровольно отправить их на фронт. «Поодиночке

мы бы не решились, поэтому все делали вместе с Клавой, – вспоминает Мария Михайловна. – При распределении на Валдае мы с Клавой сказали: пойдем служить только вместе!».

Осенью 1942 Мария вместе с подругой отправилась на фронт, с представителем 30-й отдельной железнодорожной бригады. Через сутки они прибыли на Валдай для начальной военной подготовки. После двух месяцев обучения им дали назначение в 10-й плотницкий батальон, расположившийся в городе Осташкове Калининской области. Сначала девушки удивились – как плотницкий, а где же сражения с врагом?! Оказалось, пока врага не изгоняли с нашей территории, их батальон заготавливал в лесах шпалы.

Мария с подругой прибыли в штаб, главврач, пожилой мужчина, майор медицинской службы, определил Клаву к фельдшеру, а Марию санитаркой к капитану Теплякову.

Вскоре началось наступление, батальон Марии переименовали в 37-й железнодорожный. Тогда и довелось девушкам испытать тя-

готы войны. Их батальон прошагал по стране через Псков, Новгород, Старую Руссу, Эстонию, Латвию, восстанавливая по пути железнодорожные линии, мосты. Отступая, немцы оставляли раскуроченной даже землю, не говоря о взорванных путях и мостах.

Случалось, приходили в деревню, видели хороший дом. На столах оставшаяся от немцев водка и закуска. Тогда, Мария должна была с помощью двух подручных солдат все это уничтожить – продукты могли быть отравлены. Так же приходилось проверять воду в колодцах.

Мария дежурила при работе роты по восстановлению путей. При этом, отступающие фашисты всеми силами старались помешать работам. Не только бомбили и штурмовали самолеты, но даже обстреливали из дальнобойных орудий. И особенно жестоко было под Старой Руссой, где путейские роты снимали старые шпалы, чтобы по рельсам смог пройти бронепоезд, который обеспечил бы перевес наших сил. Работать приходилось ночью, и уходить, как только светало. Застигнутые рассветом, они становились мишенью для вражеской артиллерии, иногда приходилось выбираться под обстрелом крупнокалиберных орудий.

Позже батальон участвовал в восстановительных работах в Эстонии и Латвии, затем началось усиленное наступление наших войск.

При том, что другие железнодорожные подразделения обычно находились в тылу, батальон Марии Михайловны был постоянно на передовой. И в конце 1944 года всю 30-ю Железнодорожную бригаду отправили на отдых в тыл.

День победы Мария Михайловна встретила в городе Красный Лиман в Донбассе. А 7 ноября 1945 она вернулась в родной Бежецк, проведать родных, перед тем, как отправиться работать в Ленинград.

Она закончила курсы машинописи, работала машинисткой, затем старшей машинисткой. Работая ответственно и аккуратно, Мария Михайловна получила допуск к секретным документам. Однажды ей позвонили с завода «Электроаппарат» и пригласили работать в спецотдел, начальником которого она впоследствии стала. Но позже сменила место работы, устроившись работать на насосной станции Василеостровского района, где и трудилась до выхода на пенсию.

МОЯ РОССИЯ

*Россия! Нерушимая держава!
Великая, могучая страна!
Звучат так гордо, властно, величаво
Твои, о Русь, Россия имена!*

*Как много места - не охватит взор:
Дремучий лес и великаны-горы,
Изгибы звонких речек, гладь озер -
Моей Великой Родины просторы.*

*И враг уж не один десяток раз
На землю нашу дерзко покушался.
Но русский за Отчизну жизнь отдаст,
И наш народ врагу не покорялся.
В бою народ российский отличился*

*И в наше время, равно как и встарь.
Его горячей кровью обагрился
Святой свободы, вольности алтарь.*

*Орел двуглавый - царственная птица -
Священный знак свободы вековой.
Всегда пусть будет флаг российский виться
Над вечной, непокорною страной!*

*Рисует память - жизни колея -
Для каждого свои места и лица
От слов «Россия - Родина моя».
Друзья мои, нельзя не согласиться:
Россия в сердце каждого - своя!*

Даниил ВЕРЕТЕННИКОВ

Сопрано из блокадного кольца

Нина Ивановна ФАФАКИНА

В июле 1941 года девушка, недавно окончившая курсы сандружинниц, Нина Ивановна Фафакина была призвана в армию, и с той поры начался отсчет ее нелегкого пути в войне.

В тот же день оказалась она на лужайке в лесу под Выборгом, где развернулся военно-полевой госпиталь, располагавшийся в палатках. В нем она начала свою военную службу в качестве сандружинницы, санитарки. Сюда поступали с фронта раненые, здесь им оказывали необходимую медицинскую помощь, а затем отправляли в госпиталь в Ленинград (ныне больница имени Мечникова).

«Как сейчас помню своего первого раненного», – вспоминает Нина Ивановна. Она даже влюбилась в него, они обменялись адресами, фотографиями, но судьба распорядилась иначе. Он утерять адрес и разыскал ее через 8 лет после войны, но было уже поздно. Она ждала его, потом вышла замуж и к этому времени имела грудного ребенка.

Все крепче сжималось блокадное кольцо, и госпиталь перебазировался в Зеленогорск, затем в Сосновку в Ленинград, потом в ПТУ на Карповке, откуда снова в палаточный городок под Колтуши, Морозовку, а потом на Ораниенбаумский плацдарм в район деревни Большие Ижоры – Томигонтново.

Бои были тяжелые, кровопролитные, раненых поступало очень много, и медперсона-

лу госпиталя было нелегко.

Каждый день тяжелые раны, кровь, стоны раненых. Об отдыхе как-то не думалось, а когда наступали минуты короткого отдыха, то валялись на подушку, как убитые.

Иногда невольно задумываешься над тем, сколько эти хрупкие руки девушек-сандружинниц перетаскали носилок с ранеными, скольким из них оказали необходимую помощь, буквально выходили их.

Подчас, не имея какого-либо жизненного опыта, они на глазах взрослели, становились специали-

стами своего дела.

Была прорвана, а позднее снята блокада Ленинграда, и палаточный госпиталь оказался под Нарвой, а затем прошел Прибалтику, Белоруссию, Польшу, достиг Восточной Пруссии.

«Война – страшное испытание для человека, – говорит Нина Ивановна, – и я тоже испытывала страх, но чувство долга затмевало его, заставляло делать свою работу.

Однажды я увидела, как в стороне от наших палаток бесшумно пронеслись цепи лыжников и решила, что это немцы. Как оказалось позднее, это была наша разведка.

Затем пришлось неделю провести в лесу в палатке с ранеными. Все начальство и легкораненые ушли на новое место дислока-

ции и обещали прислать за нами транспорт. На весь госпиталь осталось несколько санитарниц и повар. Положение было не из приятных, если учесть, что по лесам бродили разбежавшиеся недобитые немцы.

Под Нарвой часть госпиталя была переправлена через реку Нарву, остальная часть оставалась на другом берегу, раненых перетаскивали в лес, и очень вовремя, ибо налетели фашистские самолеты и разбомбили госпиталь. Зрелище было ужасное.

Нелегкой была переправа госпиталя под огнем и бомбежкой через реку Висла в Польше.

Как-то, уже в Германии, пришлось ночью идти через лес, что тоже не очень приятно».

Нина Ивановна помнит случай, когда начальник госпиталя для спасения раненых, угрожая пистолетом, задержал на шоссе попутные машины, погрузил на них раненых и доставил их в госпиталь.

В 1946 Нина Ивановна была демобилизована, поступила на фабрику «Красное знамя», где 35 лет проработала швейей-мотористкой.

Она – инвалид 2 группы, ветеран труда, имеет более полутора десятка правительственных наград. Будучи на заслуженном отдыхе, Нина Ивановна Фафакина 20 лет пела в хоре Дома Медработников имени 10-летия Октября, выступала в составе хора в концертных залах, даже в БКЗ «Октябрьский». Летом, в меру своих сил, трудится она на своем садоводческом участке.

В медсанбате. Наложение шины раненому

Медики Великой Отечественной

Александра Ивановна ФЕЛЬДШЕРОВА

Во все времена, когда где-либо шли военные действия, медики играли важную, а порой и решающую роль. Ведь в трудную минуту и они брали в руки оружие наравне с бойцами. Ставили на ноги даже тяжело больных и раненых, давали свою кровь. Сколько же красноармейцев смогли снова встать в строй, чтобы уничтожить фашистов!

Санитарки в блокадном Ленинграде не только исполняли свои обязанности, но и отлавливали в Неве бревна, вытаскивали, пилили, кололи для отопления помещений. Но над ними была крыша, а каково же было медсестрам, которые сражались за жизнь раненых бойцов под открытым небом и в палатках полевых госпиталей? Таким медиком была-Александра Ивановна.

Она родилась в Ленинграде, в 1940 году закончила фельдшерско-акушерскую школу, после чего работала по специальности. А в августе 1941 года ее, как военнообязанную, призвали в ряды Красной Армии. Вначале был армейский госпиталь (СЭГ). На Ленинградском и Волховском фронтах в госпиталях шла очень трудная и опасная работа в операционно-перевязочных блоках, а условия были разные. Хорошо, если предоставляли больничные помещения, где был свет, водопровод, специализированные операционные и перевязочные. В 1943 подразделение Александры Фельдшеровой переводят под Великие Луки. Здесь условия жизни и работы были очень тяжелыми, привозили много раненых. Медики приспособлялись как могли и с честью выполняли свой долг.

Больших помещений, как правило, не было. Порой приходилось осваивать новые места: строили дощатые помещения, под фундамент выкапывали землю, а то и чистили скотные дворы, вывозили навоз. На их месте пол засыпали песком и обустроивали госпиталь. Оборудовали места для раненых. Операционные и перевязочные находились в палатках. Центральная перевязочная – в большой палатке, рядом вход в операционную, устроенную в малой палатке. К другому входу большой палатки примыкал приемный покой. Из врачей были: хирурги, нейрохирург, невропатолог...

Начиная с 1944 года наша армия стала быстро продвигаться на запад. Александра Ивановна вместе со своими коллегами-медиками добралась до границы Советского Союза. Затем была Прибалтика, Польша и, наконец, Германия!

Когда госпиталь передислоцировали на новое место, сначала его разворачивали, и только потом туда переезжали медики...

Александре Ивановне запомнился раненый лет сорока. Раны осколочные, проникающие – в голову, грудную клетку, в живот. Осколочные ранения в оба бедра, оба плеча. Весь в шинах, два кубика морфия болей ему не снимали... А надо снимать шины, обработать рану и снова поочередно наложить шины. Уходило на все это часа два, а то и больше. Были мы с ним оба «в мыле». Трудно передать, сколько мук, боли и скорби пережили раненые! Многие из своих пациентов Александра Ивановна помнит до сих пор.

Анна Ивановна ВАЩИЛО

В 1921 году, 21 сентября, на Псковщине, в трудолюбивой крестьянской семье появился шестнадцатый ребенок — дочь Надежда. Ее мама Анна Ивановна Андреева, обожала своего мужа Андрея Николаевича, и, как могла, старалась охранять от бед и невзгод своих детей... Но жизнь так сложилась, что после Великой Отечественной войны в живых остались лишь шестеро ее деток: Алексей, Агапия, Елизавета, Надежда, Евдокия и Мария. Шестилетнюю Надю старшие

сестры привезли с собой в Ленинград. Здесь она после окончания школы поступила в Фельдшерский техникум, находившийся на Большом проспекте Петроградской стороны окончила санитарно-фельдшерское отделение. С началом войны Надежду Андреевну призвали в Армию. Она работала старшей медсестрой хирургического отделения в госпитале, расположенном в Смольнинском районе. Тогда среди военных была распространена антисанитария, и Надежду Андреевну направили в санитарно-эпидемиологическую роту по обслуживанию 42-ой Армии, защищавшей Ленинград.

Когда начались бои, Надежду Андреевну перевели в стрелковый полк на должность фельдшера. Во время службы на фронте она дважды была контужена, причем второй раз очень серьезно. Но каждый раз, когда На-

дежду отправляли в медсанбат на лечение, она и там продолжала выполнять перевязочные и другие работы... Медиков не хватало, и Надежда Андреевна, чуть оправившись, продолжала службу. Позднее, в Бехтеревском институте, подтвердили диагноз «контузия», и Надежда получила статус «инвалид Великой Отечественной войны». Молодость, энтузиазм и высокое чувство долга помогли Надежде продолжать борьбу с ненавистным врагом... Когда

она служила в 109 дивизии 381 полка, судьба подарила ей встречу со старшим врачом, Яковом Артемьевичем Ващило белорусом по национальности.

В 1941 году его, еще не закончившего Военно-Медицинскую Академию, направили на фронт. После войны он закончил Академию и получил диплом врача. Надя и Яков полюбили друг друга и создали крепкую семью. У них родилась дочь Ольга, которая подарила старикам внука, и сын Валерий, который, к сожалению, сегодня инвалид...

За участие в освобождении Ленинграда Надежде Андреевне вручили орден «Красной Звезды», медаль «За оборону Ленинграда». Так же ее наградили орденом «Отечественной войны» II степени. Она служила и на Выборгской земле, и под Нарвой, и под Сестрорецком.

Лидия Ивановна ГАЕВСКАЯ

Я родилась в селе Ярышево, Ивановской области. Мой папа был коммунистом, его постоянно пересылали из города в город. Во Владимире он занимал важную должность, потом его отправили в город Задонск, там я окончила 10 классов школы. В 1940 году — поехала в Ленинград, поступать в Технологический институт, но не прошла по конкурсу, а в Технологический институт имени Молотова меня приняли без экзаменов. Начались занятия, а в 1941 — война. 22 июня я шла по делам и прямо на улице узнала о начале войны. Не передать, что творилось на улицах — люди бегают, кто-то плачет. Парней-студентов начали мобилизовывать, три девушки, которые жили со мной в общежитии — пошли санитарками в госпиталь, я пошла на курсы медсестер. Проучилась всего три недели, хотя они должны были быть полугодовые, и мне выдали справку об их окончании. Я отправилась в Выборгский Военкомат, где получила красноармейскую книжку, с этого момента став военнослужащей. Когда я устраивалась в госпиталь, на работу меня принимал будущий мой ректор, который впоследствии выпускал меня из института.

Начались будни медсестры в эвакуогоспитале 1359. Сначала большую часть пациентов составляли раненые. Уколы, перевязки, лежачих больных — нужно накормить, напоить, перестелить. На рентген — нужно спуститься с лесенки, если больной не слишком тяже-

лый — несла на себе. Мы справлялись, хотя условия были сложные. Туалета, конечно, не было — только одно отхожее место и для больных и для персонала. Халаты носили «на три стороны» — загрязнится, выворачивали наизнанку, когда изнанка станет еще грязнее, снова выворачивали. Стирать — не хватало воды. Чтоб только обеспечить водой больных и себя — растапливали снег, к счастью снега было достаточно. Жили в общежитии — приходишь с дежурства, ложишься спать. Уходишь — на дежурство, твое место занимает кто-то другой. В свободное время мы читали. С другими медсестричками жили дружно, старались поддерживать друг друга. Была у нас старшая сестра, кажется, ее звали Александра Ивановна — она водила медсестер гулять в парк Политехнического института — одних нас не отпускали.

Случались и казусные эпизоды. Хотя госпиталь у нас был «сухопутный» к нам направили одного моряка. Переправляясь из Кронштадта, он шестнадцать раз попадал под налет и каждый раз его сбрасывало в воду. На семнадцатый раз его рассудок не выдержал, и его отправили к нам. Когда объявляли тревогу или начинался обстрел, этот моряк срылся с места и бежал прятаться, зарываться. Был и другой такой пациент. При обстреле, снаряд взорвался перед окнами госпиталя, а этот пациент, с ранением в ягодицу и пов-

режденным суставом. Ходить он не мог, но после взрыва как-то сумел добежать до бомбоубежища.

О голоде, лишениях – уже много сказано. О тех временах хорошо расскажет случай, который уже много позднее рассказала мне одна женщина. У нее были валенки – фетровые, и как-то, в этих валенках, она зачем-то пошла, присела отдохнуть, а что дальше – не помнит. Очнулась она оттого, что почувствовала – кто-то снимает с нее валенки. Оказалось – она в морге, и ее раздевают, как труп. Женщина молча ушла, будто ничего особенного не случилось, дожила до 86-ти лет и однажды – пришла ко мне на прием, где и рассказала эту историю.

В госпитале ЭГ 1359 я работала до прорыва блокады, потом всех раненых увезли. Впрочем и мне самой довелось полежать в госпитале – когда мыла окно, упала и повредила ногу.

После прорыва блокады меня перевели в госпиталь 4176 для легкораненых. Из него направляли излечившихся на распределение в воинские части. Я всегда не любила возиться с бумагами, а там меня сделали кем-то вроде делопроизводителя. Мне выделили место, поставили стол, но случилось, я отправляла пустые конверты. С людьми у меня получалось работать лучше. В то же время, когда работала там, еще с несколькими сотрудниками мы ходили на концерты в филармонию.

В 1944 всех нас демобилизовали, я поступила в медицинский институт. Но из-за мигреней вынуждена была его оставить. Тогда я уже встречалась со своим будущим мужем, он был начальником оперативного подразделения главной геофизической обсерватории. От нее для жилья выделили деревянные домики, в таком мы и обосновались. После, я вернулась к учебе, закончила институт и поступила в аспирантуру. Около 30 лет я рабо-

тала ассистентом на «самой трудной» кафедре – оперативной хирургии.

В 1969 году мой муж умер, тогда Обсерватория выхлопотала нам квартиру. Там мы жили с дочкой и внуками, а потом и их детьми, моими правнуками.

Если спрашивают, какое у меня «хобби», я отвечаю: медицина. Люблю лечить. Все удивляются, почему я пошла работать в поликлинику. Но все просто: не люблю, когда больного гоняют по кругу – от одного специалиста к другому.

Работала хирургом, сначала в 51-й поликлинике, потом в 41-й. Поскольку, это не только работа, но и любимое дело, «хобби» – старалась сделать все возможное, не ограничиваться должностными инструкциями, необходимым минимумом. Чтоб лучше понять, что с пациентом – всегда сама мерила давление, не просила сестру. Но поставить диагноз, понять, что с человеком – начинается еще раньше – с того, как больной заходит. Всегда говорила студентам: не пишите, когда входит больной, смотрите за ним, вы поймете половину всего, что нужно для правильного диагноза.

Выйдя на заслуженный отдых, я стала всерьез интересоваться политикой. Слушаю радио, выписываю много газет, хотя зрение уже не то – много читаю. Награждена орденом «Отечественной войны» II степени, медалью «За оборону Ленинграда» и юбилейными медалями.

Война никогда не заканчивается

Вера Вячеславовна СКОРОХОД

Вера Вячеславовна Скороход, коренная ленинградка, родилась 9 марта 1924 года. Папа Веры работал в Палате Мер и Весов, мама была бухгалтером, они жили в доме, напротив Смольного.

Вере было 17 лет, она окончила 9-й класс средней школы. 22 июня 1941 они с мамой пошли на экскурсию в Смольный, хотели посмотреть комнату Ленина. Когда вышли, из рупора висевшего на улице громкоговорителя объявили о начале войны. На улице началась суeta, люди выглядели растерянными, вскоре начали разносить повестки, отца призывали в ополчение.

Вера поступила на 8-месячные курсы медсестер. В госпитале, открытом при медицинском институте на Суворовском проспекте, она проходила практику. Вскоре начались занятия в школе, Вера училась, продолжая посещать курсы. В один из дней, когда она осталась дома из-за болезни, в здание госпиталя попала фугасная бомба.

- Трагедия, – говорит Вера Вячеславовна, – почти никому не удалось спастись. Говорили, что перед тем, как немецкий самолет сбросил бомбы, около здания госпиталя запустили сигнальную ракету, вредитель навел врага. Много раненых тогда погибло, погибли врачи.

Однажды она увидела немецкий бомбардировщик, летевший совсем низко. К нему тянулись светящиеся трассы зенитных пулеметов, подбитый, самолет пошел к земле и упал рядом с Таврическим садом. По-детски не ведая страха, Вера побежала смотреть. По дороге взрывная волна сбила ее с ног и усадила на асфальт.

Вечерами Вера дежурила на крышах домов и время от времени видела, как в небо взлетают сигнальные ракеты – диверсанты наводили вражеские бомбардировщики на цель.

- Самые лучшие и честные люди оказывались среди коренных ленинградцев, – вспоминает Вера Вячеславовна. – А были люди очень разные, были и те, кто продались фашистам, пособничали диверсантам, стали вредителями.

В Ленинграде началась зима, прекратилась подача воды и электроэнергии. В комнате поставили печурку. Дома у Веры было печное отопление, поэтому оставался небольшой запас дров. Когда они закончились, сожгли в печурке все, что могло гореть. За водой Вера ходила к проруби, на набережную Невы.

Вера ходила в театр Комедии, продолжающий работать в блокаду, отключаясь от ужасов военного времени, забывая о голоде и лишениях. В этом театре работала соседка семьи Веры, Фомина – родственница знаменитых Елисеевых. Раньше она владела домом, где жила Вера, а теперь ютилась в маленькой комнатке.

Запасы продуктов вышли, остался перец и приправы. Все ценное продали или обменяли на еду, покупали столярный клей, с оставшимися приправами готовили из него студень. Однажды Вера выменяла мешочек отрубей, но внутри оказались опилки, только присыпанные отрубями. Это было большое горе.

Полученный по карточкам хлеб делили на всех. Как-то, рано утром, Вера пошла получать по карточкам хлеб. По пути находил-

ся дом, с трещиной в стене, оставшейся после наводнения 1924 года. Подойдя к нему, Вера увидела много замерзших, заледеневших трупов, прислоненных к стене, словно жуткие статуи.

В июне 1942 Вера стала медсестрой и начала работать в госпитале при институте усовершенствования врачей. Когда ранили отца Веры, он попал к ней, и дочь выхаживала отца до выздоровления.

Работа в госпитале требовала много сил и терпения, а условия были по-настоящему экстремальными. Когда фугасная бомба попала в музей Суворова, выходящий на ту сторону госпиталя, где находилось хирургическое отделение, взрывной волной выбило не только стекла, но даже оконные рамы. Но самым тяжелым все-таки была работа с пациентами. Некоторых раненых привозили в ужасном состоянии, приходилось постоян-

но присутствовать, видеть человеческие мучения. Она вспоминает: «К чему-то не привыкаешь. Особенно ампутация – сколько бы ни видела, все равно жутко. Пока идет операция, держись. Но, отпадает конечность, операция закончится, выходишь – ноги подкашиваются».

Покалеченные часто не хотели продолжать жить, пытались покончить с собой. Вера Вячеславовна вспоминает эпизод: «Одному из наших пациентов ампутировали обе руки, он искал способ покончить с собой. А спасла его жена, она решила остаться с ним, сохранить его. Решила родить ему ребенка. Только из-за нее он остался в живых. Я горжусь этой женщиной».

Госпиталь работал, возвращая бойцов в строй. Излеченных отвозили на Литейный, откуда сразу отправляли на фронт. Вера сопровождала их группы, видела, как бывшие

подопечные под звуки оркестра уходят на фронт.

Пришла весна. В городе с не работавшей канализацией, нечистоты выплескивались прямо за окно. Но с таянием снега в Ленинграде грозила начаться эпидемия. Тогда люди сами брали ломы и лопаты, чистили, спасали город. Позже, в кинотеатре, смотря кадры кинохроники, на экране Вера увидела свою бабушку, скалывающую отравленный лед.

Еще через много испытаний пришлось пройти Вере, пока не была снята блокада. В 1944 году, вместе с другими девушками, Веру привлекли к восстановлению города. Жили на казарменном положении, но ни напряженная работа, ни тяжелый труд, не мешали девушкам жить дружно, поддерживая друг друга, как одна большая семья. В 1945 году закончилась война. Отпраздновав победу, Вера продолжала работать.

В 1947 году Борис Степанович, раненный военный, которого она выходила, стал ее мужем, в 1948 у них родилась дочь – Ольга.

Вера Вячеславовна закончила медицинский институт, работала в санатории Ленинградского военного округа Сайрала, была заведующей аптекой в Выборгском Приморском курорте. В 1954 году вернулась в ГИДУВ (Государственный институт для усовершенствования врачей).

Затем, работала в Ленинградском НИИ Экспертизы Трудоспособности и Организации Труда Инвалидов. Снова через Веру Вячеславовну проходили искалеченные на вой-

не молодые ребята, не знающие, как им жить дальше. Работая в Ленинградском НИИ экспертизы трудоспособности и организации труда инвалидов, в дни, называемые мирными, Вера Вячеславовна помогала бойцам, возвращающимся покалеченными, сначала из Афганистана, потом из Чечни.

А им было даже сложнее, чем тем, кто воевал в Великую Отечественную, – говорит Вера Вячеславовна, – тогда воины знали что защищают, знали, что в них верят и на них рассчитывают, верили в свое правое дело. Нынешние же воины оказывались брошенными, как только исполнили долг перед государством. Когда видишь все новых и новых, молодых, потерявших на войне руки, ноги – понимаешь, война никогда не заканчивается.

Вера Вячеславовна помогла многим нашим воинам нынешних дней, вдруг ставшими ненужными, не вписывающимися в благополучный мир, в котором «нет войны». Но так же она помогала и тем, кто просто остался один на один с увечьем.

Только в октябре 2005 Вера Вячеславовна ушла на заслуженный отдых, но остается частым гостем в родном институте. Ей часто звонят, спрашивая совета, консультации. Дочь Ольга гордится своей мамой.

Вера Вячеславовна награждена медалями «За оборону Ленинграда», «За доблестный труд», юбилейными медалями, в их числе медаль к годовщине снятия блокады, удостоена нагрудного знака «Отличник социального обеспечения РСФСР».

**85 лет 21 отделу милиции –
история становления,
блокадных лет и наших дней**

Память сердца

КРАТКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

о фондообразователе, при сдаче архивных дел 21 отделения милиции/б.29 Отделение Выб.р-на, б.34-й участок/ с 1919г по 1925г в Архивохранилище № 2 Ленинградского Областного Архива Октябрьской Революции, Отдел Советского Строительства./в 1946 году/

- /милиции временного прав-ва Полюстровского подр-на, Выб. района г.Петрограда/
 16. 3. 1917г
 -... 6. 1917г Полюстровский районный Комиссариат Петроградской городской народной милиции
14. 6. 1917г Комиссариат Полюстровского подрайона г.Петрограда
 -... 8. 1917г
- ... 8. 1917г Комиссариат Полюстровского района г.Петрограда
 -31. 7. 1918г
- ... 8. 1918г Комендатура революционной охраны
 -... 9. 1918г Полюстровского подрайона г.Петрограда
- ... 9. 1918г Комендатура революционной охраны
 -06. 5. 1919г 3-го Выборгского подрайона г.Петрограда.
07. 5. 1919г До 7.5.1919г 3 уч.Выборгского р-на Комендатуры
 -02. 7. 1919г Революционной Охраны г.Петрограда.
 После 3-ий участок Выборгского района
 Сов.Раб.-Крестьянской Милиции г.Петрограда
09. 7. 1919г 34-й участок Советской Рабоче-Крестьянской
 -... 8. 1922г Милиции г.Петрограда
10. 8. 1922г 29-ое Отделение Выборгского района
 -...II. 1922г Сов.Рабоче-Крестьянской Милиции г.Петрограда
- 26.II. 1922г 21-ое Отделение Выборгского района
 Сов.Раб.-Крестьянск.Милиции г.Ленинграда/Петрограда/.

/на ОСНОВАНИИ штампов входящей, исходящей докумен.ации/

Научный сотрудник - МУРАЙ.
 22.05.1946г

85 лет 21 отделу милиции — история становления, блокадных лет и наших дней

149

26 ноября 1922 года, 85 лет тому назад, был создан один из старейших в нашем городе и первый на территории Калининского района – 21 отдел милиции.

Мы предлагаем читателям книги «Память сердца» познакомиться с наиболее важными моментами создания и развития деятельности отдела. А поможет нам в этом Глава Муниципального образования Пискаревка Вера Владимировна Сергеева, которая более 20 лет работала в этом отделе милиции, начиная со старшего делопроизводителя до заместителя начальника отдела по кадровой и воспитательной работе.

В апреле 1976 года, при переезде отдела с Кондратьевского пр. дом 25 в дом 87 по Кондратьевскому пр., где отдел располагается по настоящее время, в архиве мне в руки попал старый фотоальбом с фотографиями сотрудников отдела и описанием событий произошедших в 1949 году.

Впервые я задумалась об истории отдела. И спустя многие годы, совместно с сотрудниками 21 отдела милиции, Е.Н. Солтис, Н.А. Николаенко, Т.Ю. Севастьяновой, провели большую работу в госархивах, собирая по крупицам историю создания нашего отдела.

Итак, я начинаю свой рассказ:

На карте Санкт-Петербурга за 1914 год на углу проспекта Петра Великого (ныне Пискаревский) и Полюстровского проспекта отмечен полицейский участок, который в феврале 1917 года был сожжен жителями заводской слободы и рабочими приневских заводов.

Сразу после февральской революции 1917 года все полицейские учреждения царской России были ликвидированы, но необходимость в поддержании полицейских функций осталась прежней и даже увеличилась в связи с массовой амнистией уголовных преступников, выпущенных на свободу де-

кретом министра юстиции Первого Временного Правительства Керенского. Уже 16 марта 1917 года в здании, расположенном на углу Безбородкинского (ныне Кондратьевского) проспекта Благовещенской (ныне Сибирской), в доме №107/2 был организован Полюстровский районный комиссариат Петроградской городской народной милиции, личный состав которого состоял из студентов тогдашнего Политехнического института

и старшеклассников нескольких окрестных гимназий. Понятно, что такое «воинство» не могло противостоять матерым преступникам, и грабежи на улицах рабочей окраины стали повсеместным явлением. Одним из видов преступлений стали «отъемы оружия у милиционеров, несущих патрульную службу, неизвестными бандитствующими элементами». В связи с этим 16 июня того же года сотрудники милиции были распущены по домам, а правоохранные функции передали Комиссариату Полюстровского района, разместившегося в том же здании и состоящего из солдат запасных частей Петроградского гарнизона. С солдатами, умеющими постоять за себя, преступникам было справиться сложнее, и правопорядок постепенно приходил в норму.

После Октябрьской революции солдаты, большей частью призванные из сельской местности, разъехались по своим деревням. Какое-то время правопорядок на территории поддерживали вооруженные рабочие окрестных заводов, организованные в Комендатуру Революционной охраны Полюстровского подрайона.

Тем временем, Декрет о создании рабоче-крестьянской милиции, подписанный Лениным 10 ноября 1918 года, добрался до нашего города, и Комендатура была преобразована в 3-й участок Выборгского района Советской рабоче-крестьянской милиции Петрограда. Но при этом милиционеры по-прежнему оставались рабочими, занимаясь охраной общественного порядка в свободное от работы время.

С началом восстановления промышленности милиция начала комплектоваться на постоянной основе из лиц, *«изъявивших для этого желание»*. Каждый участок милиции города получил свой номер, вне зависимости от района местонахождения. Так, 3-й участок Выборгского района с 9 июля 1919 года стал именоваться 34-м участком Советской рабоче-крестьянской милиции Петрограда. В то время он состоял из начальника, двух его помощников, шести старших милиционеров и 83-х сотрудников, которые обслуживали огромную территорию, включающие нынешние территории 21-го, 61-го, 62-го и 66-го отделов милиции. Однако по штату тогда полагалось только 102 сотрудника милиции.

После окончания гражданской войны, появилась возможность укомплектовать милицию демобилизованными солдатами. Произошла очередная реорганизация, участки стали именоваться отделениями. С 10 августа 1922 года 34 участок стал 29 отделением Выборгского района Петрограда. Но уже в ноябре количество отделений сократили с 30 до 22, четко очертили границы обслуживаемой

территории. И 26 ноября 1922 года, приказом №75 по Петроградскому губернскому совету, 29 отделение милиции было преобразовано в 21 отделение. Более 21 отделение не переименовывалось. И в 1986 г. сотрудники отдела приняли решение считать этот день днем рождения отдела.

Границы отделения проходили по проспекту Бенуа (Лесной), станции Муринский проспект и далее по границам полей деревни Гражданки до Щигринской улицы, Костромская улица, Политехнический проспект, Чугунная улица, Успенская улица, Арсенальная улица, Полюстровская набережная, Кушелевский проспект, ул. Комунная, (б. Пороховское шоссе), Екатерининский пр., Бирюновская дорога и далее по берегам разлива реки Охты и по границе с уездом.

В те далекие 20-е годы 21 отделение милиции состояло из 6-ти внутренних подразделений – столов, выполнявших различные функции. Уголовно-розыскной стол занимался розыском преступников и похищенных ими вещей. Стол по прописке граждан ведал регистрацией жителей, составлял списки для получения продовольственных и вещевых карточек, сообщал в военный комиссариат сведения о призывниках. Каждый житель, не взирая на возраст, был на учете, но при этом никаких паспортов не выдавалось, т.к. паспортизация началась только в 1932 году. Стол регистрации торговых предприятий выполнял функции нынешней налоговой инспекции – регистрировал их, следил за работой и наказывал в случае необходимости вплоть до закрытия предприятий. Стол по контролю за работой дворников был, пожалуй, самым главным. В 21-м отделении милиции были также канцелярия, ведавшая всей перепиской, которой было не меньше, чем в наши дни, и хозяйственное отделение, среди сотрудников которого был обязателен конюх, – первый автомобиль в отделении милиции появился только в начале тридцатых годов. Далее до 1940 года

отделение территориально находилось в доме №2 по Кондратьевскому пр. на территории завода «Красный Выборжец». В связи с расширением территории завода здание милиции, к тому времени порядком обветшавшее, снесли, а 21 отделение переместилось в здание бывшей школы по адресу: Кондратьевский пр., д. 25 – почти в центре обслуживаемой территории. В 1943 году из Выборгского района был выделен Красногвардейский (с 1946 года, после смерти М.И. Калинина, получивший нынешнее название), и отделению милиции пришлось уплотниться. В этом же здании разместился и райотдел НКВД – нынешнее Калининское РУВД.

Яркой страницей в истории отдела стали Великая Отечественная война и 900-дневная блокада города. Более половины сотрудников ушли на фронт, стали бойцами дивизии НКВД и других воинских формирований, а те, кто остался в осажденном городе, с удвоенной энергией повели непримиримую борьбу с преступностью. Под обстрелами и бомбежками сотрудники 21-го отделения милиции обезвреживали ракетчиков, наводивших вражеские самолеты на мосты,

промышленные предприятия, изготавливавшие военную продукцию, задерживали квартирных воров, мародеров и грабителей, пытавшихся отнять хлебные карточки у женщин, стариков и детей. Спасали ленинградцев из объятых пламенем жилых домов. В сентябре 1941 года при бомбежке завода «Красный Выборжец» погибло шесть сотрудников. 12 декабря 1941 года постовой милиционер Лебедев Дмитрий, задерживая вооруженного дезертира Советской

*Александра Михайловна Лебедева,
сестра Лебедева Дмитрия*

Армии, забравшегося в продуктовый магазин в доме №48 по Кондратьевскому пр., был убит выстрелом из автомата. За годы войны отдел потерял 24 сотрудника. Все они были похоронены на Пискаревском мемориальном кладбище. Чтя традиции предшественников, сотрудники кропотливо изучают историю своего отдела. Так, в мае 1988 года была найдена и приглашена на встречу с ветеранами отдела сестра погибшего Лебедева Дмитрия, сослуживцы которого рассказали ей о последних героических минутах жизни ее брата. Лебедева была потрясена вниманием со стороны сотрудников отдела, ведь прошло 47 лет после гибели брата, и она ничего не знала, как и при каких обстоятельствах он погиб.

Ежегодно 9 мая сотрудники отдела возлагают цветы на могилах своих товарищей.

Соседство отделения и Калининского РУВД продолжалось более тридцати лет. Увеличение штатов милиции, включение в ее структуру новых служб, привело к чрезвычайной скученности. В кабинетах, рассчитанных на двоих, работало по пять-шесть сотрудников. В 1976 году 21 отделение милиции получило новое здание – помещение бывшей бондарной мастерской по адресу Кондратьевский пр., 87, где до революции находилась богадельня. Лепнина того времени сохранилась до сих пор, и, несмотря на все переустройства и ремонты, поддерживается в хорошем состоянии и нынешними хозяевами здания. Сотрудники 21 отдела милиции, а статус отдела был получен отделением в 1993 году, бережно относятся к истории своего отдела и чтят традиции своих предшественников, преумножая их славу.

Сотрудники 21 отдела милиции, а статус отдела был получен отделением в 1993 году, бережно относятся к истории своего отдела и чтят традиции своих предшественников, преумножая их славу.

В январе 1942 года на смену погибшим сотрудникам в 21 отдел милиции пришло молодое пополнение – девять девчат. Среди них была и Стеклянникова Мария Степановна.

Мария Степановна СТЕКЛЯННИКОВА

Я поступила работать в органы милиции в должности паспортистки в январе 1942 года. Январь-март месяцы были самыми тяжелыми для города. Непомерный холод, голод. Большинство предприятий и учреждений уже не работали или эвакуировались.

Работу по учету военнообязанных тогда осуществляли военные столы при милиции. Чтобы учесть, сколько осталось мужчин для службы в армии, нам приходилось ходить по домам и квартирам. Страшно вспомнить. Иногда, придя к подучетному военнообязанному, мы видели его мертвым от голода или замерзшим. Это было страшно и тяжело. Особенно это было в дни, когда нужны были люди для прорыва блокады Ленинграда. На учете людей было много, картотеки полны, а в живых людей оставалось все меньше. Голод и холод косили людей.

Постовые к Финляндскому вокзалу ходили с палочками. Гришу Петрова подстрели-

ли на площади Калинина за то, что он вступил в борьбу за мешок с хлебом в магазине. Еще вспоминается случай – на Боткинской-Лесной в трамвай попал снаряд, погибло 11 человек. Я вещи принесла в дежурную часть, и потом родственники их забирали. Голодными, но на пост шли все. Дух в отделе был боевой. В корпусах, напротив отдела, за зиму 1942 года, все нечистоты сбрасывались за окна. А весной все вышли на уборку города. Все, кто мог ходить, трупы складывали для перевозки на кладбище.

Самыми тяжелыми годами были 42-й и весна 43-го гг. Я помню, в это время нужно было учесть оставшееся в живых мужское население и, конечно, детей. Весной 1943 года люди вышли на уборку Кондратьевского проспекта. Нужно было видеть, кто во что был одет. Страшно на людей было смотреть – мужчин для перерегистрации на санях привозили жены, так как те не могли сами ходить. Когда спрашивали их фамилию, они по-детски называли свое имя. В это время стали очищать город от трупов, а их было много, особенно оставшихся в квартирах. Помню, участковый уполномоченный Александр Иванов решил подъехать поближе к Богословскому кладбищу, это был его участок. Дежурство было необходимо, чтобы не сбрасывали трупы людей. Он сел в грузовую машину, покрытую брезентом. Во время движения, машину качнуло, и он удержался за что-то, а когда позже взглянул – это был мертвый маленький ребенок. Вся машина была наполнена трупами взрослых и детей, которых везли на кладбище.

В военном столе я проработала до 1944 года. После, я несколько месяцев работала в отделе милиции города Петродворца. Туда нас направили, так как там было очень мало работников, а работы прибавлялось. Начали возвращаться жители города. Разыскивали

близких и свое жилье. Всем запрещалось входить в эти дома, так как некоторые были заминированы. Петродворец в то время представлял жуткое зрелище. «Большой дворец без окон и дверей». Самсона нет, канал к Большому дворцу захламлен. Нижний парк был завален деревьями. Каждую неделю устраивали субботники, долго искали солнечные часы, нашли их в воронке от снаряда за Большим дворцом. Так находили и другие вещи из Большого дворца.

В августе 1944 года мне предложили перейти на работу в детскую комнату. В то время возникла крайняя необходимость создания этих комнат. Многие ребята бродили по городам в поисках своих родителей, другие пробирались в теплые города – погреться и сытно поесть. Бывало, придешь на работу, а уже несколько ребят сидят или спят в ожидании. Если это были городские ребята, то предпринимали попытки найти родителей, но получалось крайне редко. На Кондратьевском проспекте, дом 32, сын (к сожалению фамилию не помню) был эвакуирован, а когда вернулся в Ленинград, то матери найти уже не мог, так как она умерла в 1942 году.

Долго искали нескольких ребят из нашего района. Однажды, придя на работу, дежурный сообщил, что группа наших ребят задержана в Баку, куда они поехали поступать в морское училище. Длительное время они говорили ложные домашние адреса, и их называли белорусами. Поэтому их переправили в приемник города Орша и оттуда нам сообщили об их задержании. Эвакуатор привез ребят в приемник Ленинграда, на улицу Ткачей 7, но вскоре почти все они оказались дома, их передали родителям, а часть из них просто сбежала.

К концу войны увеличился поток детей, брошенных родителями. Их оставляли везде: в детских учреждениях, прокуратуре, РОНО. Нам приходилось возить детей в детские приемники, Дома ребенка, которые в это время создавались. Трудно было перенести, когда мы

видели детей, брошенных в крапиву, в канавы. Анечку назвали Крапивиной, так как ее нашли в крапиве, в огороде, на улице Жукова. Серезу нашли на Минеральной улице, на краю канавы, и назвали его Серезжа Канавин.

Восстанавливалась работа школ. Сначала нужно было выявить количество детей. Приходилось ходить по домам, хотя это не входило в наши обязанности. В конце Кондратьевского проспекта жили цыгане. Во главе этого табора был представительный цыган Адалла Федорович. Несколько фамилий он не назвал. Эти ребята позже ходили в школу №146, где успешно учились, а вот мальчика по имени Коля я не нашла, и пришлось идти на следующий день. Каково было мое удивление, когда я увидела, что его дом обтянут шнурком с флажками. Это означало, что в этом доме живет жених, какая уж тут учеба?

Стал работать кинотеатр «Гигант», где каждое воскресенье был детский утренник. Приходилось дежурить, следить за порядком. Проводились с ребятами беседы перед кинофильмом. По выходным дням много времени проводили на территории завода «Красный Выборжец», особенно в зимнее время. На принадлежащем заводу катке, всегда было много ребят. В то время в детской комнате стало работать по два человека. Мы проводили много бесед, выступали на собраниях в школах и жилищных конторах. Наша работа часто сталкивалась с работой оперативников. Были и ребята, которых нам не удалось «спасти». При исполнении работала Комиссия по делам несовершеннолетних. Я не любила отправлять туда материалы, зная, что ничему хорошему в колонии ребята не научатся. Однажды, по просьбе одной матери, я подготовила материал в Комиссию о направлении ее сына в колонию, так как он вышел из ее подчинения. Когда на Комиссии встал вопрос о направлении его в колонию, он обратился ко мне с просьбой поручиться за его дальнейшее хорошее отношение к матери. Я пожа-

лела его, и Комиссия удовлетворила мою просьбу. Так Пушкин Александр Сергеевич стал моим подопечным, а с матерью наладил хорошие отношения. Ребята стали звать его «поэтом», конечно в шутку.

Были и неприятности из-за ребят. В одну из ночей наших ребят задержали в другом районе. В руках и на голове у них были кружки колбасы и большие куски сыра. Они прошли с этой «поклажей» через весь город, а обнару-

За свою историю 21 отдел милиции вырос в своих рядах более 50-ти полковников и одного генерала милиции. О нем мы продолжим рассказ:

Георгий Дмитриевич Зигаленко родился в семье военнослужащего, но отец погиб в Великую Отечественную войну, и воспитывала его одна мать.

В 1952 году он окончил среднюю школу, а в 1956 – с отличием Чугуевское высшее воен-

жили их в одном из сараев. Заместитель начальника управления наказал всех милиционеров, через посты которых прошли ребята. Родителей наказали административно.

Были и комичные случаи. Муж и жена ушли в кинотеатр «Гигант», а девочку 5-ти лет оставили с бабушкой. Около десяти вечера бабушка уснула, а девочка нарисовала губы, подвела ресницы, как это делала мама, и пошла гулять. Постовой милиционер, увидев такого «нарушителя», узнал у девочки фамилию. Он знал всю семью, когда уточнил, где папа и мама, принес ее ко мне. Встретив родителей, просмотревших кинофильм, он пояснил, где их дочь. Так я рассталась с ночной гостьей, это было примерно в половине двенадцатого.

Сейчас очень часто сталкиваюсь с недостатками в работе с несовершеннолетними. Почему можно увидеть подростков 10-11 лет, гуляющими поздно вечером? Почему в ларьках продают поштучно папиросы, сигареты, за которыми на перемене бегают школьники? Обидно, что сегодня не все ребята могут заниматься лыжным спортом, кататься на коньках, роликах. Стоимость занятий – много сотен в месяц, и не все родители могут себе это позволить. Мы все видим, что в работе с подрастающим поколением допускается много ошибок. Поэтому хотелось бы пожелать ответственным за работу с подростками, молодежью, найти резервы и силы, ведь от нас зависит будущее наших ребят.

ное училище летчиков-истребителей. Затем он служит летчиком в авиационной армии противовоздушной обороны ЛВО. В конце 1958 года, в связи с сокращением Вооруженных сил, Георгий Дмитриевич переходит на службу в МВД. И его служба в органах внутренних дел началась в Ленинграде, в Калининском районе на Кондратьевском проспекте, в доме №25, где тогда располагалось 21 отделение милиции. Как вспоминает Георгий Дмитриевич:

«Территория обслуживания 21 отделения милиции включала в себя значительную часть Калининского района. Прежде всего, необходимо было изучить глубоко закрепленную территорию обслуживания, а она была сложной в оперативном отношении и охватывала большой массив – от ул. Жукова, Минеральной, Свердловскую и Арсенальную наб., Кондратьевский пр., ул. Комсомола, Лебедева, Лесной пр., Чугунную улицу и др. и все находящиеся на территории предприятия, организации и Финляндский вокзал.

С первых же дней стало очевидно, что служба в уголовном розыске значительно отличается от службы в армии и требует, прежде всего, психологической перестройки из-за специфики данной профессии, которая заключалась в необходимости проведения оперативной работы в уголовно-преступной среде. Для контроля за происходящими там процессами, необходимо было хорошо знать контингент ранее судимых, антиобщественный элемент и работать с ними, посещать «злачные» места на обслуживаемой территории, проводить работы личным сыском самому оперуполномоченному, когда этого требовала обстановка.

По существующему положению оперативный уполномоченный уголовного розыска являлся старшим для участковых инспекторов, детской комнаты милиции, постоянных милиционеров, несущих службу на данной территории, и это было оформлено организационно в виде создания оперативно-зональных групп. Поэтому уже рядовой сотрудник уголовного розыска исполнял функции руководителя и организатора борьбы с преступностью и был заинтересован в том, чтобы эти сотрудники знали оперативную обстановку, неформально контролировали свой подучетный элемент и места концентрации лиц, ведущих антиобщественный образ жизни и своевременно обменивались с со-

Георгий Дмитриевич ЗИГАЛЕНКО

трудником уголовного розыска полученной информацией. И, очевидно, что чем лучше это делается, тем эффективнее работа по предупреждению и раскрытию преступлений и в целом борьба с преступностью.

Для молодого сотрудника уголовного розыска важно, чтобы в начале службы рядом оказались опытные, преданные своему делу специалисты.

Служба в уголовном розыске требует полной самоотдачи и, если не способен на это, то надо самому признать свою негодность и своевременно уйти. уголовный розыск – это единственная служба, которая способна самоочищаться от неспособных, случайных, непорядочных людей. На тяжелый ежедневный труд способны только волевые, честные, талантливые люди, а таких в уголовном розыске немало».

В становлении Георгия Дмитриевича Зигаленко, как оперативного сотрудника, большую роль сыграл заместитель начальника 21 отделения милиции, Бойцов Николай Григорьевич (позже руководитель уголовного розыска Калининского района). Он часто повторял, что оперативно-розыскная работа, это искусство, причем одно из труднейших. И действительно, практика показывает, что становление оперативного сотрудника уголовного розыска идет в течении 4-5 лет, при условии, что сам он старается стать мастером своего дела.

В 1960 году Георгий Дмитриевич Зигаленко назначен старшим оперуполномоченным 21 отделения милиции. А в декабре 62-го, его перевели в аппарат уголовного розыска ГУВД Леноблгорисполкома. С апреля 64-го он начальник отдела по делам несовершеннолетних, с 68-го заместитель начальника отдела уголовного розыска, с 1970 – заместитель начальника управления уголовного розыска, а 1972-85 – начальник управления уголовного розыска города и области.

За период руководства отделом по делам несовершеннолетних и дальше как руководитель управления уголовного розыска им было уделено большое внимание созданию новых форм профилактики правонарушений несовершеннолетних, в том числе

оперативно-розыскного характера. Вся профилактическая работа с подростками, склонными к правонарушениям и проживающими в неблагополучных семьях была приведена в систему, которая включала круглогодичный цикл работы с подростками по месту жительства. В жилищных конторах города, впервые в стране, были введены должности педагогов-организаторов, на территории каждой была создана сеть детских и подростковых клубов и различных спортивных площадок. В каждом районе были созданы военно-патриотические клубы и лагеря. Так в Калининском районе были созданы военно-патриотический клуб и лагерь «Мужество», который долгие годы возглавлял Михаил Грек.

Для организации работы и методического руководства всей системой работы с трудными подростками средствами ГУВД в Управлении уголовного розыска была создана центральная детская комната милиции (позже инспекция по делам несовершеннолетних), а на базе Дворца Культуры им. Дзержинского было создано специальное отделение, которым долгие годы руководила Максименко Галина Александровна. Вместе с сотрудниками отделения, она внесла большой вклад в становление и развитие всей системы работы с подростками по месту жительства. Ежегодно проводились слеты воспитанников военно-патриотических клубов и лагерей, на которые приглашались руководители различных ведомств города. На одном из слетов в 70-е годы выступал перед подростками Председатель Ленгорисполкома, Сизов А.А.

Понимая важность профилактики правонарушений несовершеннолетних, данное направление деятельности курировал начальник ГУВД генерал-лейтенант Соколов Александр Иванович, а на местах – начальники РУВД. Было налажено взаимодействие с партийными, советскими, комсомольскими органами, различными ведомствами и организациями. Вся работа с подростками в

На встрече сотрудников 21 отдела с ветеранами отделения С.Савченко рассказывает об эпизоде с Лебедевым

Память сердца

городе проводилась на основе комплексных планов, которые рассматривались и утверждались решением сессии депутатов трудящихся Ленгорсовета. Опыт работы Ленинграда был одобрен ЦК КПСС и распространен в масштабах страны.

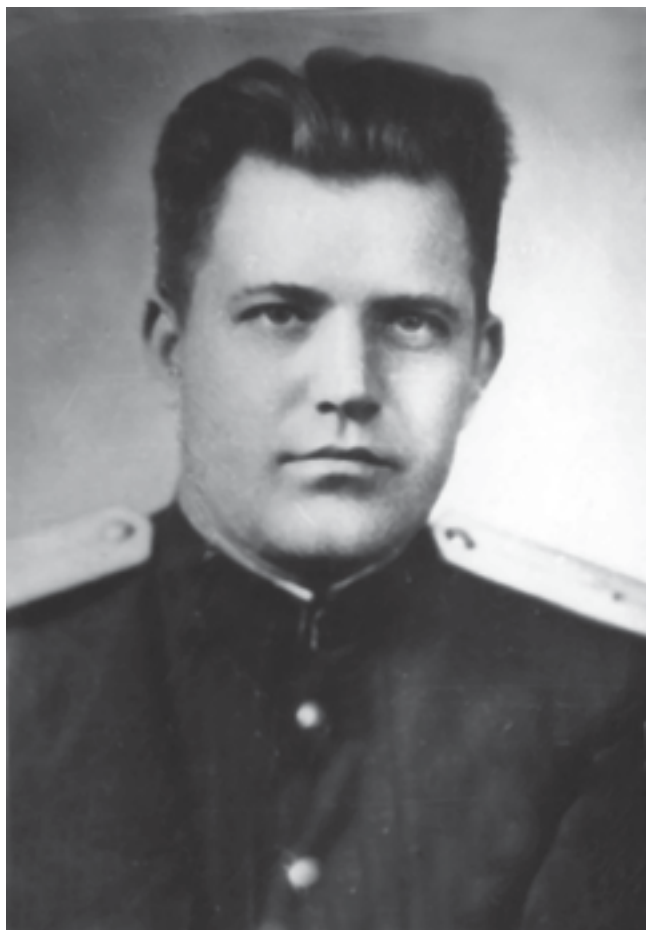
В городе этими вопросами занималась первый заместитель Председателя Ленгорисполкома Бойкова Анна Петровна, позже – Елисеева Наталья Григорьевна, Матвиенко Валентина Ивановна, секретари горкома комсомола Пылин Владимир Васильевич, Петров Борис Михайлович, Храбров Сергей Александрович, зав. отделами Ошеров Михаил Семенович, Булатов Николай Кириллович и другие.

В 1985–1992 год Георгий Дмитриевич Зигаленко работает в должности заместителя начальника ГУВД (Ленинграда-Петербурга и Л.О.)

За период службы Георгий Дмитриевич Зигаленко награжден орденами: «Трудового красного знамени», «Знак почета», медалями: «За отличную службу по охране общественного порядка», «За безупречную службу», 1-ой, 2-ой и 3-ей степени, «Ветеран труда». А также юбилейными медалями и почетными грамотами.

Так прошла служба Георгия Дмитриевича Зигаленко, которую он начал простым работником в 21 отделении милиции Калининского района и закончил генерал-майором ГУВД, в 1992 году он уволился в запас с чувством исполненного долга.

По итогам отчетных периодов, отделение, а после и отдел, постоянно показывал достойные результаты в оперативно-служебной деятельности. Недаром в день 78-й годовщины

Семен Савченко. Прибыл на службу в 1943 г.

отдела, впервые в истории Ленинградской, а позже – Петербургской милиции весь отдел был поощрен начальником ГУВД за достижения в деле борьбы с преступностью.

Сотрудники 21 отдела милиции, совместно с Советом ветеранов правоохранительных органов поздравляют своих ветеранов с юбилейными датами. История отдела продолжается...

*Председатель Муниципального Совета
«Пискаревка»
В.В. СЕРГЕЕВА*

Обращение к потомкам

Я говорю с тобой с военного далека,
 Потомок мой восьмидесятых лет.
 За честь страны погиб в бою жестоком
 Не я один; в живых нас многих нет.
 В живых нас нет! Но знай, мы тоже жили.
 Любили мать, отца, свой город и страну.
 Под Невскою Дубровкой мы головы сложили
 В том 43-м огненном году.
 Мы шли на лед под градом пуль свинцовых,
 Рвалась шрапнель, металл бил в грудь, в лицо.
 Враг не жалел полков, дивизий новых...
 Мы шли на лед, чтоб разорвать кольцо!
 Полки, ведя бои, вгрызались в оборону.
 8-я ГЭС стояла на пути.
 В тех рукопашных гибли батальоны,
 И «Рощу Круглую» никак не обойти.
 Я знаю, милый друг, ты это не изведал,
 Когда в цепи вдруг клич: Ура! Вперед! За Мной!
 А нам в тот день все комиссар поведал:
 Под Невскою Дубровкой вел цепи за собой!!!
 Он сам погиб и нас легло немало.
 В броске через Неву был левый берег взят!
 В тот день Москва салют нам не давала.
 Прорвали мы блокаду! Вдохнул наш Ленинград!
 Ты в нем живешь сейчас красиво и в достатке.
 Так я не жил, а жить хотелось мне.
 Вся молодость прошла в военной плащ-палатке,
 В бою, атаках, дыме и огне.
 Влюбиться не успел, Ни с кем не целовался,
 На Невских берегах я не встречал рассвет!
 Окончив ФЗУ, с окопом обвенчался,
 А было мне тогда всего лишь 20 лет.
 Я говорю с тобой с военного далека,
 Потомок мой, не знающий войны.
 За честь страны погиб в бою жестоком!
 Тебе!
 Тебе теперь беречь покой и Честь страны!

Ветеран Великой Отечественной войны Александр Васильевич ХИТРОВ.
 Служил на крейсере «Петропавловск»

Узники фашизма

11 апреля — Международный день освобождения узников фашистских концлагерей

Память сердца

Перед судом

*Нас вывели – и казнь настанет скоро,
На пустыре нас выстроил конвой...
И чтоб не быть свидетелем позора,
Внезапно солнце скрылось за горой.*

*Не от росы влажна трава густая,
То, верно, слезы скорбные земли.
Расправы лютой видеть не желая,
Леса в туман клубящийся ушли.*

*Как холодно! Но ощутили ноги
Дыхание земли, что снизу шло;
Земля, как мать, за жизнь мою в тревоге
Дарила мне знакомое тепло.*

Муса ДЖАЛИЛЬ

Галина Леонидовна КАРАСЕВА
Председатель Санкт-Петербургской
Общественной Организации малолетних
узников фашистских концлагерей,

Мы свою судьбу не выбирали

Все даль-
ше относит
нас неумоли-
мое время от
грозных дней
Великой Оте-
чественной

войны. Все

меньше свидетелей тех дней остается на земле. Мы – дети той войны, очень скоро останемся последними, в чьих глазах и сердцах отпечаталась жестокая правда Второй Мировой.

Спустя годы, с содроганием думаешь о том времени, не понимая как смог выжить, когда погибли сотни тысяч твоих сверстников – от голода, холода, болезней, непосильного труда, варварских «медицинских» экспериментов, в печах крематория. Казалось бы, война – дети – понятия несовместимые. Однако человеконенавистническая идеология фашизма не делала скидок на возраст.

Страшная статистика фашистских зверств: в концлагерях и гетто, созданных фашистами, были замучены более миллиона детей, до освобождения дожил один ребенок из десяти.

И многие могут рассказать, что только невероятное стечение обстоятельств, часто случайных, позволило остаться им в живых. Нелегкой, а трагической была судьба тех, кто выжил в гитлеровских застенках и вернулся на Родину после Победы. Пребывание в концлагерях, гетто и других местах принудительного содержания у Государства и общества вызвало к бывшим узникам не просто недоверие, но и прямую подозрительность к узникам, закрывающие многим дорогу к учебе и достойной работе. Такое отношение было целиком и полностью сформировано идеологией Советской страны, которая го-

ворила о подвиге народа, полностью игнорируя трагическую судьбу отдельного человека. В итоге мы имели дело со страной, в которой наше поколение было вынуждено скрывать, что с ним на самом деле происходило в годы оккупации, а молодые не знали про подлинное лицо войны.

Открывающиеся постепенно факты у многих вызвали состояние шока и понятное желание уйти от проблем.

Чрезвычайно важно, что люди, прошедшие через фашистские застенки, создали свои общественные организации. И сегодня в Санкт-Петербурге их всех объединила Общественная организация бывших малолетних узников фашистских концлагерей. Память – самое важное, что осталось у бывших узников. Главная цель нашей организации – донести до молодого поколения воспоминания о горьком опыте искалеченного детства, проведенного в фашистской неволе.

На каждой встрече с молодежью, бывшие узники объясняют и рассказывают о важности предупреждения конфликтов на этнической почве, стараются развить у детей чувство сопричастности, сострадания, понимания. А главное, сохранить для потомков свидетельства о преступлениях фашизма

Сегодня в Санкт-Петербурге проживает 18 652 бывших малолетних и 210 взрослых узников фашизма. После всех выпавших на их долю тяжчайших испытаний они, безусловно, нуждаются в понимании, заботе государства и общества. Выражаю сердечную признательность и благодарность депутатам и председателю Муниципального Совета «Пискаревка», Сергеевой Вере Владимировне, за оказание помощи, поддержки бывшим малолетним узникам и дань глубокого уважения к ним.

Александра Михайловна СОКОЛОВА

Александра Михайловна Соколова родилась 25 августа 1933 года в деревне Слобода Тульской области.

Ее папа работал на Кировском заводе, но не успел перевезти семью в Ленинград. В 1941 году он ушел добровольцем и пропал без вести на Ленинградском фронте. Ныне он вместе с братом покоится на Пискаревском Мемориальном кладбище.

О начале войны Александра узнала из сообщения по радио, она запомнила, как запаниковали люди в деревне.

Ей было 8 лет, когда 12 марта деревню захватили фашисты. Сначала по улице проехали немецкие мотоциклисты, за ними тянулись войска на машинах, лошадях, очень много немецких солдат. Они останавливались, обходили дома, во многих останавливались. Александру вместе со всеми жителями согнали в кучу и увели. Пешком их гнали до самой Орловской области, где участок земли огородили проволокой. Для проживания, угнанные рыли себе землянки. Так они прожили во временном лагере три месяца. Там умерла бабушка Александры, заболела тифом сестра Мария.

Семью Александры посадили на телегу и с другими людьми повезли на станцию Долбилово. Там погрузили в телячьи вагоны и выпустили уже в Польше. Разместили в лагере, в бараках.

Уже началась зима. Из Польши повезли в Германию, на открытых платформах, под охраной автоматчиков с собаками. Не доезжая 2 километра до Берлина, людей сгрузили и согнали в лагерь.

Лагерные бараки находились недалеко от аэродрома, Александру с Марией определили мыть самолеты, мама, Елизавета Никитична, на том же аэродроме была грузчицей. На обед узников гоняли 2 километра в лагерь, где приходилось с миской стоять в очереди за похлебкой, затем, обратно на аэродром. В лагере мама

повредила ногу и попала в лазарет, вскоре в лазарете оказалась и сестра, с заражением коленных чашечек обеих ног.

Александра Михайловна рассказывает: Мне было 10-11 лет. Я пролезала под проволокой забора и шла собирать кусочки, наберу чего-то съестного для мамы с сестрой. Вернусь, а меня поймают и закрывают в «холодной».

В 1945 году советские и американские войска начали приближаться к Берлину. Немцы разбежались, остался только один, – вспоминает Александра Михайловна. – Он сказал, что над русскими не издевался. Но нашлись те, кто припомнил ему былое. Немца заперли в холодной, те, кто от него пострадал, ходили ему мстить. Когда 5 сентября лагерь освободили, подошли советские вой-

ска, и немца расстреляли у всех на виду. Нас погрузили в вагоны и отвезли в фильтрационный лагерь № 264 в местечке Зомерфельд. Затем на машинах отвезли в город Белев Тульской области, куда прибыли 5 сентября 1945 года. По пути случился страшный эпизод. Водитель остановил машину, чтоб переночевать. Сам напился пьяным, начал угрожать, а потом сказал: «Я вас всех убью!» Утром он повез нас. Разогнал машину и пустил под откос. На наше счастье внизу была сгоревшая машина. Мы столкнулись с ней, поэтому наш грузовик не начал кувыркаться, и все остались живы. Приехало начальство, нашего водителя арестовали и отдали под трибунал, а нас перегрузили и снова повезли. Когда мы приехали в Белев, маму начали вызывать в КГБ и допрашивать».

Вернувшись, Александре Михайловне довелось работать и кочегаром и дворником. В 1955 году она вышла замуж за Соколова Константина Ивановича, в 1957 году у нее родился сын Валерий, а в 1964 году сын Михаил.

15 лет Александра Михайловна проработала дворником в Калининском районе, по-

том 10 лет техником-смотрителем. Получила квартиру и перешла работать мастером в Спецтранс, где и работала до выхода на пенсию в 1988 году. Она состоит в муниципальном обществе малолетних узников, ведет общественную деятельность. Она связана с районным муниципальным советом. Александра Михайловна инвалид 2 группы III степени, но она ни на минуту не хочет поддаться усталости. Она говорит: «Все время остаюсь в движении. Если остановлюсь, просто начну разваливаться».

РОДИНЕ

*В каждой стране есть патриот,
Отечество что никогда не забудет.
В нашей стране это целый народ,
Свою колыбель он столь преданно любит*

*Знаки России, созданья творцов
Символы столь хороши, как страна,
Они нам достались от наших отцов
Гордость и слава на все времена.*

*Великий герб - орёл двуглавый
Противоречий монолит
Страны историю и славу
Века он многие хранит.*

*О, прекрасный русский флаг
Что гордо развеивает ветер!
Народной веры и свободы знак
Дороже он всего на свете.*

*Гимн государства, что музой навеян,
С музыкой в ритм стучат наши сердца,
Твоё превосходство извело время
Тебе наша верность живёт до конца*

*Ты могуча и прекрасна, как и прежде
И тебя у нас не отнять
Наша гордость и наша надежда
Россия - Родина, мать*

Владимир СРЕБНИЦКИЙ

Память сердца

На шею нам вешали номера

Алла Константиновна РЕНК

Алла Константиновна Грובהва родилась 5 апреля 1925 года в селе Большое Ярославской области. В 1929 году семью ее отца, бывшего белого офицера, раскулачили. Отца сослали в Магнитогорск, старшую сестру забрала бабушка, остальная семья – последовала за отцом.

В 8 лет Алла вернулась в Ленинград, пошла учиться в школу. Летом 1941 года она отдыхала на даче в деревне Поповка. Началась война, немцы быстро приближались. Алла помнит, как пионервожатый говорил: снимайте, прячьте галстуки, немцы уже в Тосно!

В сентябре немцы вошли в Поповку. В этот день дочери ждали маму, работавшую в Колпино. Утром девочек разбудила няня, она говорила: «Вставайте! Немцы!». Алла выбежала на улицу и увидела немецких мотоциклистов. Около дома, где жили девочки, остановилась большая военная машина. Немцы расположились в доме, всех обитателей выгнав на улицу. Ранее сестра приезжала с мужем-летчиком, он говорил, что рядом с домом нужно вырыть укрытия, в этом самодельном блиндаже и разместились теперь с сестрами и няня. Позже к ним присоединилась мама, наконец добравшаяся к дочерям.

Няня ушла забрать из дома какие-нибудь вещи и уже не вернулась. Пионервожатый пришел к девочкам и сказал, что их няня мертвая лежит в канаве. Позже, казнили и самого пионервожатого – кто-то донес на него.

Немцы устроили показательную казнь – повесили его и еще несколько человек, оставив их три дня висеть в петлях.

Девочки старались разжиться необходимыми вещами. Однажды попытались добраться до разбитого склада соли. По дороге встретили еще одну группу подростков с соседней улицы. Когда все шли через поле, начался обстрел, двух девочек из другой группы ранило осколками. Сестры отправились дальше,

но попались патрулю, немцы закрыли их на ночь в сарае для лошадей. Девочки повторяли, что просто возвращаются домой, и утром их отпустили. В другой раз, собрались группой, чтоб наведаться на склад спичек.

Всех жителей согнали в совхозный дом. Аллу немцы поставили мыть посуду в своей столовой. Однажды к ней ввалился здоровенный немецкий солдат, начал хватать и что-то говорить. Она испугалась, разбила котелком окно и сбежала.

Началась зима. Погиб мальчик, знакомый Аллы, Илюша Яковлев четырнадцати лет. Он перебежал через запретную зону, немцы кричали ему, потом застрелили. Алла была на его похоронах, осталось тягостное чувство, которое она помнит до сих пор.

Вскоре жителей погнали из деревни. Они прибыли на станцию Оредеж. Свои вещи оставили у женщины, предложившей помощь, а на утро увидели, что вещи перерыты, а все ценности пропали.

Там же нашелся дед, который очень помог семье. Девочки помогали его дочери молоть муку, за это им перепали лепешки. Однажды дед посоветовал им сходить на поля – под снегом оставались неубранная картошка, турнепс и капуста. До весны они прожили у деда, помогая ему, чем могли.

Угнанных людей погрузили в эшелон, на платформе выдали по буханке жмыхового хлеба, видимо с немецких складов, потому что на буханках был оттиснут год выпуска – 1922 и 1926.

В вагоне познакомились с женщиной из Новгорода и подружились. После они оказались в одном лагере, а уже после войны они найдут друг друга и будут переписываться. В вагонах назначали дежурных – выносить на остановках нечистоты и получать продукты на всех, Аллу назначили дежурной. В дороге она выглядывала в высоко расположенное оконце вагона, и в один из дней увидела, что надписи на указателях на иностранном языке, это была Польша. Мужчина крикнул им: «Это последняя станция. Если хотите бежать, вам помогут». Алла решила бежать, как только ее выпустят из вагона взять продукты. Но мама наотрез отказалась, испугавшись за дочь, и не отпустила ее. Немцам сказала, что дочь больна, за продуктами пойдет другая.

В мае состав прибыл в Дрезден. Алла Константиновна вспоминает: «Людей сгрузили, построили на площади у вокзала. Под мостом находилось строение, там угнанные проходили санобработку. Мне остригли косу, всем выдали тазики. Немцы в противогазах загнали людей в помещение, где было жарко, и стояла страшная вонь. Мама посмотрела на это и сказала: «Усыпят». Потом добавила дочерям: «Держитесь за меня». В помещении мама сама начала терять сознание, мы с сестрой держали ее, чтоб не упала – упавших немцы выволакивали на улицу. Потом нам выдали куски мыльного песка и отправили мыться.

На второй день нас снова построили и на шею нам вешали таблички с номерами, мой был 646 или 648. Нас сфотографировали, выдали спецовки. После отвели к столу, дали сухой паек и кружки с чаем.

Позже всех снова построили, начали приходить немцы – выбирать себе работников. К нам подошла немка, она была в куртке, галифе, сапогах и с кнутом в руках. Она небрежно ткнула меня кнутом, подбежал немец, чтоб вывести меня, но мама с сестрой схватили меня за руку и тянули обратно. Меня так и не смогли вырвать из их рук, тогда немка рассердилась, показала, что трое ей не нужны и ушла».

Оставшихся увели в барак. Потом погрузили на машины, долго везли через лес, пока не приехали к красивому дому.

Алла Константиновна рассказывает: «Приняли нас удивительно хорошо – дали чай в фарфоровой посуде. Потом выдали кусочки черного хлеба со смальцем, объяснив, что это на завтра. Но я не удержалась и свой кусок съела. Утром мама поделилась со мной своим. Нас повели на работу в большие ангары. Выдали кружки, сделанные из консервных банок. Надзирателями были старики и немцы-инвалиды, очень строгие. Я распаковывала ящики с деталями, которые выкладывала на стеллажи. В одном из ящиков я увидела бумагу на русском языке, спрятала ее, думая, что никто не заметит. Но после работы меня обыскали, допрашивали, а после закрыли в карцер. Я только повторяла, что бумагу взяла, потому что у женщин нет ни тряпок, ни ваты».

Всех наголо остригли и отправили в третий лагерь. За колючей проволокой находились деревянные бараки, в которых разместили людей. В последних бараках находились мужчины. Комендантом был одноногий немец в синей форме СС.

Аллу определили в дом для прибывающих с фронта на отдых немецких солдат. Она

стирала белье, размешивала в огромных чанах с горячей водой. Маму и сестру определили носить дрова.

Потом начали выбирать молодых, в сильную группу. Алла попала в сильную, а ее мама с сестрой – в слабую. Алла должна была складывать в штабеля ящики со снарядами. Надзиратель бил по ногам, если ящики стояли неровно, на третий день она совсем выбилась из сил. Когда надзиратель подошел к ней, ящик вырвался из рук и ударил его в плечо. Надзиратель снял винтовку, хотел застрелить. Алла выбежала из ангара и побежала к тому, где работали мама с сестрой. Подбежала к маме, закричала, что ее хотят застрелить. Мама подбежала к своему надзирателю и сказала: «Это дочь моя!» Стала просить. Немец оглянулся, показал на кучу дранок и сказал: «Зарывай!»

Когда прибежал надзиратель Аллы, немец сказал, что к нему никто не входил. Но после работы заключенных пересчитывали, пропажа обнаружилась бы и Алла все равно попала бы к надзирателю. Тогда немец подменил ее – девушку из своей группы провел в строй группы, где была Алла. Надзиратель ее группы пробежался вдоль строя, счет сходил, но девушку, которую искал он не узнал. Каждое утро надзиратель слабой группы прятал Аллу, чтоб она не попала на глаза надзирателю.

Позже у Аллы началась цинга, заболели ноги, и ее определили в столовую мойщицей. Были и побои, один раз Аллу закрыли в карцере – помещении, где можно было только стоять. Там ее укусила крыса.

Советские войска приближались. В один из дней пленников погрузили на машины,

вывезли в какой-то город и оставили на площади у большого здания. Там были люди из других лагерей, а распоряжались несколько человек в форме СС и женщины в черном с крестами. Пленникам указали направление, откуда продвигались советские войска и сказали идти туда.

Пахло дымом, слышались выстрелы. Узники шли вперед, вокруг разрывы. Нашлись люди, кто занялся судьбами узников. Всех привезли снова в Польшу, где узников допрашивали русские офицеры. Начали составлять списки, очень многие были из Ленинградской области. 18 мая Аллу с семьей привезли в Тосно, снова начались допросы. На это время всех разместили в разбитом доме. Мама сообщила папиной сестре, работавшей прорабом в АТУЛ, и та прислала для Аллы вызов в Ленинград. А маму с сестрой отправили в Нурну на торфоразработки. Позднее Алла с тетей выхлопотали и маму с сестрой.

Алла приехала в Ленинград. Дом, где они жили, был разбит. Тетя устроила ее работать – восстанавливать город.

В 1965 году Алла Константиновна вышла замуж за Отто Вильгельмовича Ренка – шведа по национальности. Она устроилась работать администратором в кафе. После, работала уборщицей. Сказывалось подорванное здоровье, в 50 лет она ушла с работы.

Алла Константиновна состоит в Обществе малолетних узников Калининского района, являясь его активисткой. В Калининском районе более 1800 бывших узников. 11 апреля 2008 года Общество отметит 20-летний юбилей.

МЫ УЗНИКИ КОНЦЛАГЕРЕЙ.

*Перед войной была пора
Для нас, детишек, золотая.
Играли мы в своих дворах
О светлом будущем мечтая.*

*Но сорок первый наступил
И был для нас он страшным годом:
Он наше детство прекратил.
Он поднял тьму над небосводом,*

*Он нас заставил повзрослеть.
Тревогу, страх в умах посеял.
С лица земли всех нас стереть
Фашизм кощунственно затеял.*

*Отцы и братья воевать
Ушли на фронт с нечистой силой.
А матерям мы помогаем
Считали долею счастливой.*

*Война жестокою была.
Сломить нас силою пытались.
Но неприступна, как скала,
Страна Советов оказалась.*

*Вот под Москвою враг разбит,
Под, Сталинградом отступает.
Советским людям вновь грозит
Несчастье, что судьба не знает.*

*Одна Россия треть почти
В руках во вражеских оказалась.
Решил всех нас он увезти,
Что в оккупации остались.*

*И в эшелоны всех людей
Грузить с отправкой на чужбину
(Подростков, женщин и детей)
В плохую начали годину.*

*Сегодня статус нас, людей,
Что на чужбине оказались:
Мы узники концлагерей!
Мы малолетками остались.*

*Подумать только - сколько лет,
До пенсии все ж дотянули.
И как сказал один поэт:
Невзгоды Вас сверхчасто гнули!*

*Мы жили честно и всегда
Трудились, верили и ждали.
Но всё же в жизни никогда
О лагерях не забывали.*

*Пусть на висках уж седина,
Пусть в мозолях наши руки,
Желаем людям всем добра,
Не повторите наши муки.*

Василий АЛЕКСЕЕВ

Семья железнодорожника

Нина Васильевна СПИРИДОН

Я родилась 19 ноября 1935. Отец Воронков Василий Трофимович 1902 года рождения, работал слесарем 7-го разряда в паровозном депо, а мама из-за болезни была домохозяйкой.

22 июня началась война, немцы двигались стремительно. Отец в то время работал и жил в депо в деревне Васкины Нивы. Когда ему разрешили забрать семью, мы уже уехали. Он пришел за нами, а выбраться оказалось невозможно – немцы перекрыли все дороги. Попытался уйти вместе с мужем своей сестры, но того ранили, пришлось вернуться. А вскоре деревню занял враг.

Нам немцы разрешили вернуться в Любань, мы шли, видя разоренные и сожженные деревни. В Любани все взрослое население немцы заставляли работать. Отец отказался работать слесарем, чинить немцам паровозы, сказав, что был чернорабочим и возил на тачке уголь.

В один из немецких праздников рабочим выдали по пачке табака, а отец сказал: «Этим бы табаком, Гитлеру глаза засыпать!» Кто-то, подслушав, передал это немцам, и отца забрали. Отправили в концлагерь, а освободили его уже американцы. В лагере у отца образовался рак губы, после освобождения его прооперировали в Германии, в октябре 1945 он вернулся в Россию с санитарным поездом. Он снова устроился слесарем в депо и умер от рака в 1968 году, уже пенсионером.

В Любани был небольшой лагерь пленных русских солдат. С другими детьми я хо-

дила туда, если было у нас что-то из еды – передавали солдатам через колючую проволоку. Немецкая охрана гоняла нас, но мы все равно приходили.

Оккупанты были разными. В нашем доме жили австрийцы, конюхи, которым война была не нужна. Они давали мне хлеб. А чистые арийцы были злые, один побил меня за то, что я плакала от голода.

В поисках еды, дети ходили к немецкой кухне, собирать банки из-под консервов – добрать то, что оставалось на дне и стенках. Нас заставляли учиться, и в 1943 я пошла в школу. Немцы издали учебники на русском языке, учили разным предметам и немецкому языку, иногда водили в церковь – молиться за победу, но каждый молился за свою. Немецкие молитвы не помогли, наши войска наступали. И 8 октября 1943 нас погрузили в товарные вагоны, вывезли в Латвию, а кого-то и в Германию.

Солнечным морозным днем нас выгрузили в чистом поле на станции Мейтене в Латвии, погнали в лагерь. Нас кормили баландой, а затем начали раздавать хозяевам на «работу». Я, мама и мамина сестра попали на Маевский хутор. Там мы жили и работали, пока не пришли советские войска. Наше жильё было маленьким и холодным, с земляным полом и множеством блох. Мама с сестрой ухаживали за скотом – коровами, лошадьми, множеством свиней, а я некоторое время пасла овец. Мы сажали корнеплоды и сеяли зерно, про-

пальвали посадки летом, а осенью собирали хозяевам урожай. Зимой начиналась молотба. Взрослые по очереди молотили, детей заставляли топтать оставшуюся солому, чтобы не разваливались стога.

Когда пришли советские войска, нам посоветовали возвращаться домой. Так мы снова очутились в Мейтене, где в одном здании ютилось множество русских, среди них и семьи железнодорожников. Мы обратились в Управление железной дороги, и нам дали товарный вагон. До Любани ехали целый месяц, за это время все в вагоне завшивели, питались, чем придется.

В Любань вернулись в начале февраля. Наш дом оказался занят, пришлось всем ютиться в 8-метровой комнатке. И снова начались наши мытарства – долго не хотели прописывать, мама не могла устроиться на работу, а меня не брали в школу. Учитель-

ница, Рагозина Валентина Ивановна, взяла меня в 1-й класс тайком от директора, и я очень благодарна ей за это. А прописаться нам помогли особисты, которые освободили нас в Латвии и некоторое время жили на нашем хуторе. Они же дали маме ордер на работу на Ижорский завод.

В 1954 я закончила школу и пошла работать в депо, где работал папа. Была счетоводом, бухгалтером, техником по ремонту подвижного состава, заместителям главного бухгалтера. В 1972 закончила железнодорожный техникум. Машинистом электровоза в депо работал Иван Иосифович Спиридон. Он стал моим мужем.

Дочь и зять окончили институт Железнодорожного транспорта, теперь дочь работает в депо, а зять в метро. Внучке 17 лет, она учится в Политехническом университете.

Советских женщин немцы увозят в Германию

Тяжелые воспоминания

Нэлли Филипповна ГЕРЛЕМАН

11 июля 1937 года в деревне Григорьевка Калужской области в семье крестьянки, Акулины Алексеевны родилась дочка Нэлли. Ее отец, Филипп Лукьянович, председателя сельсовета, на тот момент уже был в ссылке в Мордовском округе. Как рассказывала Нэлли мама, поповская дочь, работавшая у отца секретарем, написала на него доклад. В 1942 году, он погиб в боях под Ржевом.

Нэлли жила с мамой, бабушкой, сестрами – Пелагеей и Александрой и братом – Алексеем. Старший брат, Николай, учился в ленинградском ФЗУ, сестра Мария, работала учительницей младших классов в другой деревне.

Девочке исполнилось 4 года, когда она увидела немцев, это было лето 41-го. Нэлли стояла на окне, смотрела на улицу, когда появились мотоциклисты в черном – фашистские каратели. В деревне поднялся шум, все полетело вверх тормашками – ревели моторы, метался скот, взлетала домашняя птица. С криками: «Халыт! Халыт!» – фашисты выгоняли людей из домов. Почти все они были в черной форме СС.

Мама затолкала детей в подвал. В нем и пришлось семье жить следующие два года. Нэлли Филипповна вспоминает:

«Мы с сестрой вылезали из погреба, выходили на улицу. Немцы были разными. Бывало, один даст нам что-то из еды, другой

увидит – отберет, еще и побьет, чем под руку попадется. Немцам, которые заняли наш дом, бабушка пекла блины. Помню, бабушка хотела дать нам один, немец отобрал блин, и отхлестал меня им по лицу. Однажды нас сестрой чуть не убили. Немец дал нам что-то, другой увидел – снял оружие, пошел к нам. Сестра схватила меня за руку и побежала. Мы успели спрятаться в подвале, иначе нас бы прикончили.

В районе нашей деревни действовали Людиновские партизаны. Они совершали налеты, если убивали кого-то из немцев – всех закрывали в погребе до выяснения. У нашей соседки был большой насыпной погреб, всех сгоняли в него, и готовы были сжечь».

В июне 43-го Нэлли с семьей погнали в Германию. Шли обозом, сотни людей из разных деревень, нескончаемым потоком. Впереди шли солдаты СС, охраняли конвоиры в зеленой форме. Отстающих били, гнали почти сутки напролет – несколько часов сна на голой земле и снова вперед.

Людей пригнали в Смоленскую область, город Рославль. Устроили быструю помывку в бане – всех вместе, женщин, мужчин, детей и загнали в лагерь для военнопленных. Земля, обнесенная колючей проволокой и небо над головой. Спать приходилось на голой земле, чтоб не замерзнуть, ложились рядом, согревая друг друга. Маму и бабушку утром угоняли на работу, вечером, они возвращались к дочерям

измученными и обессиленными. В этом лагере один немец так ударил Нэлли по ногам, что из коленных чашечек пошла кровь, шрамы остались у нее до сих пор. А ее сестре Пелагее телегой переехали ноги, после этого одна нога у нее стала короче.

В конце сентября 1943 года, немцы погнали людей дальше, в Западную Белоруссию. Наступающая советская армия нагоняла, вскоре немцам стало не до пленников. Семью Нэлли оставили в деревне Стрелово, под Брестом. Мама с бабушкой нашли стог сена, вырыли в нем подобие норы, первое время семья жила там.

В деревне жило много поляков. Старшая сестра Нелли и бабушка -пристроились няньками к польским детям, мама работала в поле, жала рожь, а брат – пас хуторских коров.

Нэлля Филипповна рассказывает: «Однажды мы с сестрой Шурой прибежали к Алексею, где он пас коров. Леша надоил нам молока. В это время подошли немцы. Сказали Алексею, что он кормит партизанских дочерей. Нас сестрой поставили на колени. Алексей бросился к фашистам в ноги, сказал, что мы его сестры. А фашисты сказали – дочери партизан. Мне сунули пистолет в рот и сестре. На наше счастье подошел хозяин Алексея, сказал: это его сестры».

В районе Бреста шли жестокие бои, начались бомбежки и обстрелы деревни. Нелля и ее родные бегали к реке Буг, укрываясь под ее берегами. В июне 1944, наши войска освободили Стрелово. В конце 1944 года семья Нэлли отправилась на поезде обратно. В вагонах не было мест, ехали на крыше. Дети развлекались, на ходу бегая по крышам вагонов.

Когда семья добралась до родной Григорьевки, они нашли там пепелище – уцелела только баня. Все возвращавшиеся ютились у этой бани, пока не устраивали себе жилье. Семья Нелли соорудила себе землянку.

Зимой 1945-46 годов сестра Мария и ее муж-фронтовик переехали в Григорьевку. Они помогли построить дом, где разместились всей семьей.

В сентябре 1945 года Нэлля пошла в школу, и в 1955 году окончила 10-й класс, чуть-чуть не дотянув до медали. Она отправилась в Ленинград, поступать в институт. Но в ее судьбу вмешался брат. Сказав: «Кто тебе будет помогать, пока учишься?» – он устроил ее в железнодорожный техникум. Нэлля сдала экзамены на «отлично», поступила на самое сложное, паровозное отделение, позднее переквалифицированное в тепловозное. По окончании, Нэлле предложили выбор, куда отправиться работать: Ленинград, Тюмень, Омск, другие города. Нэлля выбрала романтический Север. Ее определили в Кандакшское электровозное депо, в котором производился ремонт тепловозов на должность техник техбюро и техник по замерам. Нелля вспоминает: «Все были в отпуске, на работу меня принимал мой будущий муж Георгий Александрович Герлеман. В кабинете он сидел с другом, начальником технического отдела Алексеем Антоновичем. Позже, муж сказал мне – когда я вышла из кабинета, Алексей сказал ему: «Вот, будет тебе жена». Слова оказались пророческими.»

Нэлля Филипповна поступила на заочное отделение учебно-консультационного

пункта Ленинградского института инженеров железнодорожного транспорта. А в конце 1958 года, вышла замуж. В 1959 году родился сын Николай. Северный климат был вреден ребенку, а у мужа заканчивался 9-летний договор, и в 1961 молодая семья переехала к родителям мужа, в Ленинград. С 1961 года Нэлля Филипповна стала работать старшим техником локомотивного отдела на Витебском отделении Октябрьской железной дороги. А с 1965 инженером цеха эксплуатации локомотивного депо Ленинград-Сортировочный Витебской Октябрьской железной дороги.

В 1967 году окончила институт. И до 1989 года продолжала работать в депо на разных инженерных должностях. И до 1993 года работала

в локомотивном депо Ленинград-Финляндский Октябрьской железной дороги, а с 1 февраля 1993 года ушла на заслуженный отдых.

На пенсии Нэлля Филипповна вместе с мужем воспитывала внуков. Сегодня ее старшему внуку уже 24 года, младшему скоро исполнится 22. Нэлля Филипповна говорит: «Мы с мужем поддерживаем друг друга, он старается помогать».

Сейчас время, когда наша страна начала подниматься с колен. Те, кто работают, могут жить лучше, чем жили мы. Но ветеранам, пенсионерам, особенно тем, кто лишен поддержки, приходится очень сложно. Хотелось бы, чтоб правительство больше внимания уделяло молодым и воздало ветеранам по их заслугам».

На оккупированной земле
и в тылу

ЧЕМ ПОМОГ ФРОНТУ?

Память сердца

Мальчишкам 1943 года

*Еще один снимок нетленный —
Вот стайка босой детворы,
Далекой, но незабвенной
Суровой военной поры.*

*Им трудное выпало детство,
И сердце болит за детей,
Война им послала в наследство
Груз боли, тревог и смертей.*

*Они были частью народа,
Его разделяли судьбу,
Мальцы сорок третьего года
С врагами вступили в борьбу.*

*Вели боевую разведку,
Ночами ходили на связь,
Непросто ему, малолетку.
Давалась болотная грязь.*

*Но не было мысли звончее —
Во всем походить на отцов,
И не было лучше, ловчее,
Надежней для связи гонцов.*

*Невидимой птицей летела
По селам желанная весть:
«Читайте!» — на солнце белела
Газета «Народная месть».*

*Из леса, с печатной машины,
В мешке нес газеты пострел,
Он шел сквозь заставы и мины
И знал: за такое — расстрел!*

*И ветры колючие дули,
Враги нападали на след,
И молча вставали под пули
Солдаты в одиннадцать лет.*

*Но тою же птицей летела
Все та же желанная весть,
И вновь на заборах белела
Газета «Народная месть».*

*Где ты, белобрысый воитель,
Что щурясь глядишь в аппарат?
А, может, ты в школе учитель,
Истории учишь ребят?*

*Ты им расскажи про засады,
Про свист пролетающих пуль,
Как клали под рельсы заряды,
Как бил из винтовок патруль.*

*Как сутками шла канонада,
Как кровью горели снега,
За Родину драться как надо,
Спасая ее от врага!*

«Репортаж из-за линии фронта», с. 91

Федосья Ермолаевна ЯКОВЛЕВА

Мои дедушка, Ермолай Иванович и бабушка Прасковья Сергеевна Болдякины жили на псковщине в деревне Сиверст в 80 километрах от города Великие Луки. Когда началась война им было уже под 100 лет. Детей у них было много. Революция и коллективизация разбросали всех по разным республикам и городам.

Моя мама, Яковлева Федосья Ермолаевна, в 1914 году приехала в Петербург 19-летней девушкой.

Сначала работала прислугой у богатых, после революции – на фабрике и на военном заводе. В июне 1941 мне было 4 года. Война застала нас в деревне Сиверст во время маминого отпуска. Тяжесть военного лихолетья легла на плечи женщин, спасавших своих детей. Мама рассказывала моей дочке Даше о войне. Один из рассказанных военных эпизодов лег в основу сочинения, которое дочь написала, когда училась в 3-м классе, в 1983 году. А в 1986 году нашей бабушки Фени не стало. Даша очень любила бабушку, долго отказывалась верить в ее смерть.

Спустя много лет я нашел в Дашиных тетрадях это сочинение, на нем карандашом была сделана приписка: «Бабушка моя и сейчас жива».

Дашино сочинение на уроке истории прочитала моя внучка Анечка и внук Павлик, ученики 111-й школы Калининского района. А сегодня мы рады, что это сочинение пуб-

ликуется на страницах замечательной книги «Память сердца».

Яковлева Федосья Ермолаевна

Во время войны под Великими Луками шли ожесточенные бои. Некоторые места по несколько раз переходили из рук в руки. Все взрослые мужчины воевали. Если территорию удавалось временно захватить немцам, то часть не совсем еще старых мужчин, женщин и подростков организованно уходили в леса. Там со-

здавались партизанские группы, доставлявшие немцам много неприятностей. Оставшиеся в деревне женщины и мальчишки помогали партизанам продуктами и передачей сведений о фашистских подразделениях.

Однажды моя бабушка Феня несла еду людям в лесу. Она шла по лесной тропинке. На дне шайки, деревянного ведра, в плотно завязанном глиняном горшке находилась еда. В шайку было налито пойло для теленка. Был жаркий полдень. Вдруг на опушке показались четверо немецких солдат с автоматами. Окрик! Подошли. Допрос. Бабушка не растерялась. Она стала рукой размешивать пойло, образно приговаривая: «Му-у-у, му-у-у... Телка... Пить-пить...» Народная смекалка помогла бабушке. Немцы не догадались. Но напоследок один из них замахнулся ногой и хотел ударить по ведру. Но бабушка ловко увернулась. Найдя в себе силы, она с шутками и смехом уверенно направилась дальше.

Немцы шутя решили ее припугнуть, несколько раз крикнули вдогонку: «Бах-бах! Тра-та-та! Тра-та-та! Пух-пух!» Но бабушка чувствовала, что опасность миновала и смеясь продолжала свой путь. Еда и сведения были получены в этот знойный день партизанами.

Много смелых и сильных духом людей родилось на псковщине. В соседней деревне Каменка дед Матвей завел немецкий отряд глубоко в дремучий лес, где и принял геройскую смерть.

Но еще много героев остались безвестными. Это они ковали судьбу своей Родины.

В деревне Сиверст на псковщине мы с мамой прожили всю войну. Когда весной 1946 вернулись в Ленинград, наша 11-метровая комнатка в коммуналке на Большой Посадской д. 9/5 была занята. Судилась мама за жилплощадь до самой зимы. Это время мы жили на чердаке того же дома, а в холода ночевали в прачечной на деревянных крышках над котлами. Кормились шелухой от картошки и другими отходами с помойки, подбирались.

Отсудив часть комнатухи, мама устроилась уборщицей на «Ленфильм», а я пошел во 2-й класс школы №85. Маме было уже за 50 лет, она была подвижной, сухонькой и всегда веселой. Стирала людям, убирала, мыла полы, умела всем угодить, она не дала нам умереть с голоду.

Я старался маму не огорчать, учился хорошо. Занимался спортом, имел разряды. Государство помогало одежкой и обедами в школе.

В 1956, когда мама уже была на пенсии, я окончил Радиотехникум (ул. Чайковского, 11) и ушел добровольцем в армию.

После Армии окончил ЛЭТИ имени Ульянова (Ленина). Почти 40 лет отработал инженером в оборонной промышленности. В

Л.А. Яковлев с дочкой Дашей

1990 году был избран народным депутатом по Калининскому району.

Мамину родную сестру, Дарью Ермолаевну Семенову с сыном Володей, война застала там же в деревне Сиверст. Володю взяли в учебный отряд, обучили стрелять и отправили под Великие Луки, он попал в один батальон с Александром Матросовым. В первом же бою получил ранение – пуля попала в легкое. Через два года он умер.

Муж Дарьи Ермолаевны в блокадном Ленинграде работал токарем на военном заводе, он умер от голода, когда украли его хлебные карточки.

У третьей маминой сестры, Анны Ермолаевны Ивановой, сына, Александра Павловича Иванова, после окончания железнодорожного техникума обучили летному делу. Самолет сбили, Александр Павлович попал в плен. На Украине с Юрием Медведевым организовал подпольную группу. Их деятельность отображена в книге «Это было под Ровно». Ордена и почести пришли к нему незадолго до гибели на 60-ом году жизни.

Много детей и внуков было у деда Ермака, все участвовали в военных событиях. О каждом можно рассказать героическую историю. Но мы не герои, мы обыкновенные советские люди.

На оккупированной земле

Елена Васильевна ДОРОФЕЕВА

177

Когда началась Великая Отечественная война, мне исполнилось 8 лет. Мы жили на Украине. Папа работал директором совхоза. Фашисты быстро продвигались по стране, и отец решил нас эвакуировать. Мы договорились с возницей, снарядили однолошадную повозку, сзади привязали корову и всей семьей – бабушка, мама, моя сестра 12-ти лет и я, отправились по проселочным дорогам.

Ночевали, где придется, однажды нас даже разместили в сарае, где содержали больных лошадей. К счастью, ни мы, ни наши животные не заболели.

Конечно, очень далеко нам уйти не удалось. Возница мечтал завладеть лошастью, поэтому и согласился нас сопровождать. И когда мы достигли соседней Сумской области, Правдинского сахарного завода, где полным ходом шла эвакуация людей и оборудования, возница нас спешно высадил, а сам на повозке вернулся домой. Что с ним случилось после, мне неизвестно.

Мы были в отчаянье – чужое место, нет знакомых, нет средств к существованию. Поезда на восток уходили переполненными, уехать мы не могли. Администрация завода посоветовала занять любую освободившуюся квартиру, чем мы и воспользовались.

Вскоре фашисты заняли завод, оставшиеся жители прятались в подвалах домов, оборудованных под бомбоубежища. Все затаились, в округе стало тихо.

Одним утром мы увидели, что в нашей квартире хозяйничают захватчики, а в сарае сидел на скамеечке немец и доил нашу корову. На нас прикрикнули: «Вэк, вэк!» и прогнали.

После мы жили в постоянном страхе, хотя мы и были чужие, почти никто не знал о нас, боялись, что выдадут, как семью коммуниста.

Однажды увидела около нашей двери веревку, сложенную петлей. Со мной случилась истерика – подумала, что пришли нас вешать.

Мне пришлось встречаться с антифашистом, по пути поранила ногу проволокой, кровь текла ручьем. Поблизости прогуливался немец, он взял меня на руки, принес в амбулаторию, обработал рану, пригласил прийти на перевязку.

Выжить во время оккупации нам помогла наша корова – кормилица. Мама вместе с другими женщинами работала, обрабатывала землю – вместо лошади впрягалась то в плуг, то в борону. Иногда мы с мамой ходили по деревням, меняли всякие хозяйственные мелочи на продукты. Если задерживались до ночи, добрые люди оставляли нас ночевать, угощали «кисельком» – водой, заправленной крахмалом или мукой.

В горе человек обращается к Богу – в 9-летнем возрасте меня крестили. Происходило это в какой-то крестьянской хате, на стенах в ней висели иконы, священник читал молитвы и рисовал крестики на лице.

На входные дни взрослые и дети отправлялись за ворота завода, где по дороге про-

ходили колонны наших пленных, надеясь увидеть родных или чем-нибудь им помочь, передать кусочки хлеба или картофеля. Конвоиры не разрешали приближаться к колонне, но мы старались передачу подбросить под ноги пленным. А однажды встретили отца – он шел в рваной одежде, заросший, изможденный. Смогли только обменяться взглядами.

Территория завода несколько раз освобождалась нашими войсками – иногда, всего на одну ночь, и снова оказывалась в руках фашистов. Но долгожданный день, наконец, настал. Мы находились в подвалах, слушали, как стреляли «катюши» и «ванюши». К тому времени уже научились различать по звуку, и с радостью подсчитывали, сколько снарядов выпущено и насколько близко подошли орудия.

Нашему ликованию не было предела, когда услышали русскую речь: «Не бойтесь, выходите!», – и увидели красные звездочки на головных уборах освободителей.

Позже папа вернулся домой. Его угоняли в Германию, работать на шахте. Там немецкие врачи ставили над ним эксперименты – вшили металлическую пластину в кость черепа.

После войны над нашей семьей нависла угроза – ходили слухи, что всех, кто был на оккупированной территории и в плену, этапируют в Сибирь, но слухи остались слухами. Мы вернулись в Полтавскую область, а затем переехали в Харьковскую.

Мы в ответе с тобой

*Мы все в эти дни войну вспоминаем
И подвиг страны в эти дни вспоминаем.
Пусть мы родились уже после войны,
Для нас эти дни, несомненно, важны.*

*Мы очень гордимся победой большой.
Она принесла нам и мир, и покой.
Советские люди себя не жалели,
Фашистов сломить силой духа сумели.*

Спустя много лет отца восстановили в членстве КПСС, он работал на административных должностях.

Мама работала в детском саду, сестра закончила Харьковский Гидрометеорологический техникум и трудилась до пенсии на Камчатке. Я в 53-м окончила школу, в 59-м – Харьковский Медицинский институт, стала врачом.

Мой муж, Виктор Самойлович, был военным, вместе с ним я объездила Чукотку, Тюменскую область, среднюю полосу. Долго работала врачом в поселке Рыркарпий. С 1975-го проживаю в Ленинграде-Петербурге, сейчас на заслуженном отдыхе, ветеран труда.

*В Европе немало людей полегло,
И было, конечно, нам всем нелегко.*

*Давайте хранить нашу Землю от войн,
Теперь за нее мы в ответе с тобой.
Пусть дети растут, и сады зеленеют,
Политики мира быстрее умнеют.
Пусть будет всегда только мир на Земле
Ведь это так важно и мне, и тебе.*

Яна ПОСМИТНАЯ

Маргарита Алексеевна СИНИЛИНА

Родители Маргариты Алексеевны Синилиной жили и работали в Ленинграде, но родилась она в Пензе, куда мать уехала к своей маме после развода. И здесь Маргарита прожила всю войну в тяжелейших условиях. И вот ее воспоминания:

Когда началась война мне было 11 лет. Был ясный теплый день – воскресенье и многие уехали отдыхать за город. Мы с друзьями пошли купаться. Ничто не предвещало беды, и вдруг зловещая тишина накрыла наш городок.

Стали отбивать такт рупоры мегафонов, люди прислушивались, и вдруг громкий голос Молотова донесся из микрофонов с обращением к народу – торжественно, как приговор – на нашу страну напала Германия без объявления войны, нарушив договор о мире. Все люди, кто был на улице, словно окаменели, никто не ждал и не предчувствовал этой страшной беды.

К вечеру мужчинам стали разносить повестки из военкоматов. У нас в семье было трое мужчин – три маминых брата, самому младшему, Леше, было 19 лет. Соорудили ему мешок, положили белье и немного еды. На следующий день ушли на фронт Михаил и Андрей, которые так и не вернулись домой – пропали без вести. Дядя Леша прошел всю войну до конца. Он был в окружении на Украине, когда немцы заняли деревню. Одна женщина спрятала 8 раненых солдат у себя в погребе, среди которых был и дядя Леша. Через неделю наши отбили эту деревню и всех бойцов отправили в госпиталь. Уже после войны дядя переписывался с этой жен-

щиной и даже ездил к ней на встречу – ведь она спасла ему жизнь.

А мы, остальные члены семьи, остались в городе. Продукты в магазинах все пропали, ввели продовольственные карточки, но отovarивали в основном хлебные карточки. Мы с бабушкой получали по 250 грамм, а мама и тетя, как служащие, по 400 грамм. Очередь занимали в 2 или 3 часа ночи – иначе хлеба могло не хватить.

Зимой маму и тетю послали рыть окопы. Вся Пенза была опоясана рвами, были жуткие морозы. Нормы были большие – 1 кубометр земли, причем промерзшей.

Маме приходила замерзшая и голодная, а ели только хлеб и пили кипяток. Я помню ее озябшие руки красные и скрюченные, которые она грела в моих волосах.

Мама стала сдавать кровь, за это ей давали дополнительный паек. Потом она устроилась в госпиталь – их там кормили обедом, а я к этому времени приходила к госпиталю. Мама выносила что-то от своего обеда, и я тут же все съедала.

Лежали в этом госпитале раненые с ампутированными конечностями. Я до сих пор помню одного паренька Васю, лет 20-ти. У него не было обеих ног, и передвигался он на самодельных колесиках. Но Вася всегда со мной шутил и разыгрывал меня, а я не понимала, как он может радоваться и смеяться.

Потом мама вышла замуж за работника своего госпиталя, Кудрявцева Матвея Яковлевича, и они уехали в город Хвалынский, куда его назначили по службе.

И настали тяжкие времена. Тетка Тася жила у подруги, а мы с бабушкой остались вдвоем. Ребенок 12-ти лет и старая беспомощная бабуля. На двоих мы получали 500 грамм не очень качественного хлеба. Я не очень хотела идти домой, так как меня там ожидала нетопленая комната, в углах которой был иней, и голод, так как хлеб был съеден еще утром. Когда я подходила к дому, уже темнело и слышался плач бабушки, даже не плач, а вой с причитаниями. Сколько горя и безысходности было в этой душе – три сына на войне, и ни от одного нет весточки...

В 1942 году бабушка умерла. Когда ее хоронили – это был маленький худенький трупик. Я бросила школу и пошла работать нянкой к соседке, тете Вере – у нее были два мальчика 3-х и 4-х лет, а сама она работала на вещевом рынке.

Враг уже подошел к Москве, немецкие бомбардировщики стали летать над Пензой, но бомбили они Балашов, в котором находились заводы, эвакуированные из Пензы. Но страх был великий. Когда появлялись самолеты, меня била дрожь. Я шептала: «крестик над Пензой», думая, что это защитит город.

Через год мама забрала меня в Хвалынский, а отчим уехал за новым назначением и пропал... Мы с мамой остались одни.

Нас все лето посылали работать на поля совхоза, норму мне давали как взрослым. Было очень тяжело, ведь я никогда не работала на земле, приходила с поля, валясь от усталости.

Через год приехал отчим, оказалось, что он ле-

жал в госпитале – весь 1941 год он воевал, подорвав здоровье.

Победу я встретила на Украине, на станции Знаменка, где служил отчим.

Радость, что война окончена была велика, все плакали и обнимались, кто-то от радости, кто-то от горя – ведь многие потеряли своих близких.

Отчима вскоре комиссовали по состоянию здоровья. Сам он был ленинградцем, и в июле 1945 мы приехали в Ленинград, где у него были две небольшие комнатки в коммунальной квартире. Он получил звание майора, был награжден многими орденами и медалями, но так их и не получил – так как не пошел в военкомат, а в 1947 году – умер.

В 15 лет меня устроили ученицей в парикмахерскую. Паспорта у меня еще не было. От работы нас частенько посылали на разгрузку дров – они были сырые и тяжелые, я очень уставала.

Отменили карточки, стало легче с питанием. Закончилась моя история военных лет, началась мирная жизнь.

Я работала в Ленинграде на заводах «Мезон», «Позитрон», на тяжелых производствах, продолжала работать на пенсии.

В 1958 году умер один из моих двойняшек, это сильно меня подкосило, но я выстояла. Был рядом и любимый человек, с 40 лет он был инвалидом 2 группы, в 1978 году он умер. Сегодня я могу рассчитывать только на себя. Моя жизнь никогда не была легкой, сейчас мне так же тяжело, а из-за возраста многое стало сложнее. Но я человек волевой и умею преодолевать трудности.

Раиса Александровна ПЕТРОВА

Петрова Раиса Александровна родилась в Сестрорецке, 17 января 1933 года. Ее отец был начальником цеха на заводе, а мама работала преподавателем в школе. Перед началом войны она взяла отпуск и отвезла Раису с сестрой к родственникам в Белоруссию.

В 11 часов мама Раисы села на обратный поезд в Ленинград. В тот день дочери видели ее в последний раз. Обрато мама не вернулась, ее судьба осталась неизвестной. Возможно, ее поезд попал под бомбежку. А в 4 часа того же дня по радио объявили о начале войны.

Раиса с сестрой остались в поселке городского типа Клястицы на попечении дедушки с бабушкой. В начале 1944 года в Клястицы вошли немцы. Жители убежали в лес, там рыли землянки, устраивались жить в них. Бабушка Раисы заболела тифом и умерла, вскоре умер и дедушка. С девочками осталась их тетя с дочерью. Однажды к землянкам пришел полицай с солдатами, крикнул: «Рус, выходи!» Из землянок вышло около 50 человек. Их собрали и повели в поселок. Всех загнали в здание пекарни и закрыли. Тетушкина дочь нашла лазейку и рассказала о ней. Рядом с пекарней находился лес. Когда патруль отошел, они сбежали, добрались до леса и спрятались в болоте. Долго стояли в жиже, потом кто-то закричал: «Партизаны!». Партизаны отбили у немцев запертых

в пекарне и увели с собой, к ним присоединилась тетя и девочки.

Затем, тетя с дочерью уехала к мужу, а Раису с сестрой забрали в Клястицкий детдом.

Дети с персоналом уходили от немцев, постоянно переезжали, так Раиса с сестрой оказались в Риге и Вильнюсе, а потом в городе Советск под Калининградом.

Время было голодное, детей перевозили на открытых грузовиках. Раиса запомнила, как однажды директор остановил машины перед капустным полем, чтоб дети смогли поесть.

Война закончилась, Раиса ходила в 4 класс. Она списалась с тетушкой. В начале 1948 года за ней приехал дядя и забрал в Ленинград. Он работал дворником, жил в 14-метровой комнатке-дворницкой, поэтому мог принять у себя только Раису, а ее сестра оставалась в детдоме. Там она окончила медицинский техникум, по распределению попала в Казахстан, где прожила 28 лет.

А Раиса пошла в вечернюю школу, одновременно – устроилась работать на «Красный треугольник». 12-летняя, она работала по 8 часов и училась. В 1950 году она закончила 7 классов и поступила в заводской техникум Химической Промышленности. Окончив техникум, Раиса продолжила работать на «Красном треугольнике», так и проработала 42 года, пока не ушла на заслуженный отдых мастером смены.

Она ударник коммунистического труда, Ветеран труда, неоднократно отмечались ее заслуги перед производством, Почетный доктор.

У нее сын и дочь. У сына – две дочки, а у дочери – два сына. Раиса Александровна говорит: «У меня золотые дети!» Она гордится своими детьми и очень довольна, как складываются их жизни. Раиса Александровна полна оптимизма, скоро она отметит юбилей – ей исполнится 75 лет.

Детство, которого не было

Надежда Ивановна ДВОРЦОВА

В 1941 году Наде Дворцовой было около шести лет. Она жила в деревне Коровино в Тверской области, неподалеку от города Торжка. Наши войска, в войну дислоцировались в соседнем болоте, которое простирается на много километров. Со двора семьи Дворцовых был проход в эти топи, а в самом доме находился штаб наших войск. Папа Надежды, Дворцов Иван Васильевич, со старшей дочерью Ниной был в армии. Когда в ноябре 1941 года фашисты захватили Коровино, то всех жителей загнали в окопы, а деревню полностью сожгли. В сопровождении собак людей погнали в сторону Ржева под постоянными бомбежками. Сверху летали самолеты. Когда немцев под Ржевом разбили, они при отступлении продолжали гнать русских узников. Так, в январе 1942 года в деревне Мрылёво, во сне умерла сестра Нади, Вера, 1937 года рождения, с которой она спала на одной скамейке. Когда ее похоронили на соседнем огороде, фашисты трижды разрывали могилу, думая, что там что-то спрятано... Затем советских людей погнали по льду Волги в сторону Вязьмы. Был виден на берегу огонь, куда бросали ослабевших русских людей... (Через тридцать лет, проезжая через Волгу из Ржева №1 во Ржев №2, Надежда Ивановна узнала это страшное памятное место, А женщины – пожилые, ехав-

шие с ней в одном автобусе, подтвердили правдивость ее рассказа). Далее людей погнали к Смоленску. А брата Лешу отправили из-под Вязьмы в сторону Германии. Но он по дороге бежал и попал в подразделение войск И.Б. Тито.

После Смоленска была Белоруссия, здесь Надя с братом «ходили по миру». Последнее место пребывания в плену семьи Дворцовых и других советских граждан была Могилевская область, Кругляндский район, деревня Пасырево. В лесу оказались партизаны. Они посыла-

ли днем детей-несмышленишек проверять, в каких домах живут немцы или полицаи. А ночью устраивали на недругов облавы. Были ночные бои. И дважды Надюша стояла «под дулом» фашистского пистолета. (Тот крупный белообрый немец до сих пор стоит перед ее глазами)! Летом два дня немцы отступали, а пленные во время боев сидели в лесу в воронках. А в последнем из них Надю оглушило... Наконец, войска Советской Армии освободили этих пленных. «Вы – свободны, вы – наши!» – кричали воины. Это был апрель 1944 года. Людей погрузили в машины и повезли на станцию Круглово. Наконец, мама Наденьки, Евдокия Васильевна, вздохнула с облегчением. Затем всех погрузили в товар-

ные вагоны и отправили в Смоленск. Оттуда – домой, в соседнюю деревню Бибиково, на мамину родину. Там стали «строиться». Родителям пришлось и тогда туго, было очень голодно. В колхозе папа работал бригадиром. Старшие обрабатывали землю «на своих плечах», а дети работали наравне с ними на полях... Осенью Надя пошла в школу босиком, а по школе ходила в чулках. В 1952 году Надежда приезжает в Ленинград, к чужой, очень доброй женщине, Анастасии Ивановне. Живет у нее один месяц, потом – устраивается на работу. В 1976 году Надежда Ивановна выходит замуж за офицера Советской Армии, Тимофея Семеновича. Трудилась она лишь в двух организациях. С 5 ноября 1952 года в ВСОЛК ВМФ. А с 1979 года и до пенсии – на военном заводе. Последняя (1990 г.) долж-

ность – технический секретарь. Дворцова Надежда Ивановна в трудовой книжке имеет 26 благодарностей! Ей вручали семь грамот за отличную работу, и сейчас она ветеран труда, активная общественница.

Колхозники отправляют хлеб партизанам

Воспоминания о войне

Любовь Дмитриевна ТАКШИНА

Мои родители – отец Такшин Дмитрий Федорович 1892 года рождения и мама Такшина Екатерина Петровна 1898 года рождения пережили по две голодовки в 1918 и 1933, перенесли по два тифа, а отец, участник I мировой войны, пережил еще и империалистический плен. Мой брат, Иван Дмитриевич, участник Великой Отечественной войны, до самого конца воевавший в пехоте. А брат Сергей, 1931 года рождения, после всех перенесенных тягот ушел из жизни в 46 лет. Он был удивительным человеком, всегда отзывавшимся на чужую беду.

И совершенно естественно, что я Любовь Дмитриевна Такшина родилась в 1937 году не совсем здоровой, с многими хроническими болезнями. Войну 1941 года я встретила в истощенном виде. Жили мы тогда в Донецке.

22 июня 1941 года из репродуктора на столбе я услышала, что началась война. В силу своего возраста я никак не восприняла это сообщение, только запомнились напряженные лица взрослых. Но не более как через месяц война накатила со всей своей жестокостью.

Вначале прошли по улицам города запыленные бойцы с повязками на голове или на руках. Родственники, узнав своих, выдергивали их из рядов, чтобы оказать помощь. Затем начались бомбежки заводов, фабрик, которые оказались в руинах. Деревянный барак, в котором мы жили, сгорел как свеча при первой бомбежке.

На окраине города мы с мамой нашли семью, взрослую дочь с парализованной матерью, которые нас приютили.

В городе появились каратели СС. Каждый день два офицера-карателя и полицей заходили в каждый дом и задавали одни и те же вопросы: «Где есть раненый русский солдат? Мясо, яйца, млеко е?»

Ежедневно они проверяли подвалы, чердаки и, естественно, само жилье. Чтобы не быть угнанными на работу в Германию, жители города прятались, а раненых заранее отправляли подальше от своих домов.

Я, в силу своей истощенности, непригодная для угона в Германию и для забора крови оставалась за дежурную за горсть крупы. Это была стандартная плата за работу.

Одиночные расстрелы были у нас каждый день. Массовые казни, путем повешения, один раз в неделю. Все, кто хоть как-то мог двигаться, обязаны были присутствовать при казни, население просто стогнали насильно.

В 1943 году немцев выгнали с Донбасса. Они ушли, угнав скот для прокорма своей армии.

Врачи, учитывая мое истощение, каждый раз обещали мне еще 1 год жизни. В школе я была самая маленькая, самая истощенная, стриженная под ноль, ведь с моим диагнозом весь затылок представлял сплошную рану, покрытую сукровицей. Поэтому сидела за партой в платочке. Но, тем не менее, я никог-

да не ощущала себя ущербной и, даже в таком виде, была избрана старостой класса.

В 1947 на Украине был повторный голод, вследствие неурожая. Наша семья выжила благодаря помощи родственников, проживавших в России. Жертв голода было больше, чем во время войны. До 1948, в результате всего этого ужаса, мне так и приходилось ходить со стрижкой «под ноль» вместо косичек и бантиков. Восстановилась я благодаря спорту, хотя была освобождена от обыкновенной физкультуры. В течение нескольких месяцев добивалась разрешения на занятия спортом, причем в тайне от родителей. Поняла меня только доктор-пенсионерка, в прошлом сама занимавшаяся спортом. Спасибо ей большое!

Уже 51 год я живу в Ленинграде-Петербурге, ставшем для меня любимым городом.

Сюда я приехала по направлению СЕВЗАП-ТРАНССТРОЙ. Эти долгие годы я с большой радостью и удовлетворением работала в ведущих институтах города, выполняя ответственные задания.

В 1983 Судьба свела меня с изумительным человеком Владимиром Ивановичем Моисеевым, с которым мы прожили 21 год. (О жизни и деятельности В.И. Моисеева читатели могут узнать в первой книге «Память сердца»). К сожалению, в 2004 году его не стало. И сегодня я одна продолжаю свою нелегкую жизнь. Но я рада, что у меня есть друзья, с которыми мы пытаемся радоваться жизни и, вспоминая о прошлом, думаем о том, чтобы только не было никогда войны, которая приносит столько горя и боли всем людям.

РУССКОЙ ЖЕНЩИНЕ

*...Да разве ж об этом расскажешь —
В какие ты годы жила!
Какая безмерная тяжесть
На женские плечи легла!..*

*В то утро простился с тобою
Твой муж, или брат, или сын,
И ты со своею судьбою
Осталась один на один.*

*Один на один со слезами,
С не сжатými в поле хлебами
Ты встретила эту войну.
И все — без конца и без счета —
Печали, труды и заботы
Пришлись на тебя на одну.*

*Одной тебе — волей-неволей, —
А надо повсюду поспеть;
Одна ты и дома и в поле,
Одной тебе плакать и петь.*

*А тучи свисают все ниже,
А громы грохочут все ближе —
Все чаще недобрая весть.
И ты перед всею страной,
И ты перед всею войною
Сказалась — какая ты есть.*

*Ты шла, затаив свое горе,
Суровым путем трудовым.
Весь фронт, что от моря до моря,
Кормила ты хлебом своим.*

*В холодные зимы, в метели,
У той у далекой черты
Солдат согревали шинели,
Что шила заботливо ты.*

*Бросались в грохоте, в дыме
Советские воины в бой,
И рушились вражьи твердыни
От бомб, начиненных тобой.*

*За все ты бралась без страха,
И, как в поговорке какой,
Была ты и пряхой и ткахой,
Умела — иглой и пилой.*

*Рубила, возила, копала, —
Да разве же все перечесть?
А в письмах на фронт уверяла,
Что будто б отлично живешь.*

*Бойцы твои письма читали,
И там, на переднем краю,
Они хорошо понимали
Святую неправду твою.*

*И воин, идущий на битву
И встретит готовый ее,
Как клятву шептал, как молитву,
Далекое имя твоё...*

Михаил ИСАКОВСКИЙ
1945

Антонина Михайловна ТИХОМИРОВА

Моя собеседница, жительница «Пискаревки», ветеран известного на весь мир объединения «Светлана», Антонина Михайловна Тихомирова. Родилась она в 1928 году. Много сил и энергии отдала производству на этом предприятии – с 1944 года и до выхода на пенсию! Не изменила «Светлане»... А ведь трудное детство и юность закаляют людей, вырабатывают в них прекрасные человеческие качества, тем более, если и родители – замечательные люди.

Отец – Жарков Михаил Иванович и мама – Жаркова Мария Алексеевна, вместе с детьми трудились в колхозе, в деревне Бор Бежецкого района Тверской области. Во время Великой Отечественной войны фашисты не захватили этот район, и колхоз функционировал, несмотря ни на какие трудности. Когда расширяли соседний аэродром, то на его строительство часто посылали от колхоза и взрослых и молодежь. Кто был постарше, выкорчевывал деревья. А подростки на лошадях возили туда из карьера песок. В зимнее время, когда трассу заносило снегом, ребят направляли ее рассчитывать. Ведь по ней шли машины с продовольствием и боеприпасами для фронта...

В остальные дни молодежь, наряду со взрослыми, трудилась на колхозных полях. Незабываемы и ночные дежурства на телефоне – в сельсовете. Ведь могли придти важные сообщения и спать не полагалось. Девушки – по двое – сидели и мечтали о мирной жизни, о простом женском счастье... И вот пришло это долго-

жданное время. В июле 1944 года Антонину в числе других ребят мобилизуют в Ленинград на восстановление разрушенного города. Сначала люди едут поездом: из Кашина, Бежецка и т.д. – до ст. Сортировочная г. Ленинграда. А здесь их встречают мастера производства. Антонину направляют на завод №729, (впоследствии – «Светлану»). Начинается освоение новой профессии. Тонечка встречает прекрасного человека, бывшего партизана, Тихомирова Евгения Ивановича.

В псковских лесах Евгений, одноклассник Тони, партизанит до прихода наших войск. А его сестра, оставшись дома, была угнана немцами в сторону Германии... Лишь в Латвии ей удалось остаться, где проживает и сейчас... Антонина выходит за него замуж. Дарит ему сына и дочку. Не забыть Антонине Михайловне и тот день, когда в наш город – уже после 9 мая 1945 года – вошли солдаты Ленинградского фронта: сколько было ликования, цветов, слез!

Сейчас Антонина Тихомирова, отработав на «Светлане» и станочницей и оператором на вакуумных установках, находится на заслуженном отдыхе. Воспитывает внука, рассказывает ему о своей военной юности...

И каждый раз, когда Тонечка смотрит в небо и видит летящие самолеты, ей вспоминается военное время, их гул. Сердце наполняется радостью – и она внесла свою лепту, хоть и маленькую, в дело освобождения своей Родины от фашизма.

Олег Алексеевич ПАВЛИХИН

Олег Алексеевич Павлихин родился в 1935 году в семье столяра, Алексея Дмитриевича и швеи, Антонины Ивановны. Война забрала у него родных, отец погиб на фронте в сентябре 1941 года, мама умерла в блокадном Ленинграде в январе 43-го. Осиротевшему ребенку досталась судьба воспитанника детского дома, без надежды вернуться в родной город. Годы закалили Олега Алексеевича, научили справляться с трудностями. Свои воспоминания о войне, Олег Алексеевич передал для «Памяти сердца»:

Иногда меня спрашивают: Что ты помнишь о войне?

Мне было 6 лет. Жили мы на проспекте Майорова. В разгар белых ночей 1941 года наш город вдруг сразу изменился, стал строже, напряженнее. Исчезли улыбки и смех. Все с тревогой стали прислушиваться к радиорепродукторам. Это были первые тяжелые военные сводки. На улицах стали появляться танки, рабочие носили на руках огромные аэроплатформы – мы называли их «колбаса». Потом мы увидели первые вражеские самолеты, вокруг которых вспыхивали разрывы снарядов наших зениток. Затем узнали, что один из сбитых самолетов упал в районе Таврического сада. Тревога все нарастала.

Отец не приходил с работы уже неделю, и вдруг появился на пороге дома в полной военной выправке. Он поднял меня на руки, прижал к себе маму. Она заплакала, а следом и я. Встреча и прощание длились пять минут. Больше мы его не видели. Он погиб через два месяца в боях за город Великие Луки.

Я пока продолжал ходить в детсад, что был напротив дома на улице Римского-Корсакова, а после сада вместе с соседом Витькой Кутузовым стали таскать на чердак песок для тушения «зажигалок». Он в ведерке, а я в бидончике. Сквозь чердачное окно во время переделки мы смотрели на крыши домов притихшего города с затемненными окнами и на лучи прожекторов.

20 августа наш детсад повезли на вокзал. Это было похоже на массовый выезд на дачу. Погода была отличная, настроение веселое.

Нас рассадили по вагонам, вместе с мамами. Угощали сладостями, лимонадом и вдруг!.. Родители сразу исчезли, а поезд тронулся. Все матери стояли за окнами, обливаясь слезами, в ответ заревел и весь вагон. Тогда я видел маму в последний раз. Она умерла в блокаду, в январе 1943 года.

А нас ждал долгий путь на восток, эвакуация. Наш путь пролегал через Вологодскую, Костромскую, Кировскую, Молотовскую, Свердловскую, Челябинскую области и через Удмуртию. Помню остановки в селах, где оставались 1-2 месяца, но фронт приближался, и мы вновь пускались в путь. Однажды мы наблюдали воздушный бой над селом. Вечерело, поэтому мы не смогли разглядеть, чей самолет упал.

На всю жизнь я запомнил страшное событие осенью 1941 года на станции Буй. Нас привезли на вокзал, но объявили задержку посадки из-за недавней бомбежки. У нас на глазах растаскивали разбитые вагоны, выносили убитых и раненых. Мы стояли, прижавшись к воспитателям и с ужасом смотрели на кровавые останки, слушали стоны раненых. Так в 6 лет я заглянул в кровавую

насть войны, и только тогда по-настоящему понял – какое это великое горе!

Потом бомбили и наш эшелон, но нам повезло больше. Машинист дергал состав то взад, то вперед и это нас спасло. Большую часть пути мы ехали по ночам. Конечным пунктом было село Беликуль, что в ста километрах от Челябинска. До места нас доставили в широких санях, укрытых большими тулупами. Стоял декабрь 1941 и конца войны не было видно.

В годы войны нас назвали «Ленинградский интернат» и насчитывал он более 200 человек. У нас был свой персонал и воспитанники в возрасте от 4 до 16 лет. Несколько старшеклассников впоследствии ушли от нас на фронт, некоторые из них погибли. Когда приходило известие о гибели или тяжелом увечье, в интернате наступал всеобщий траур.

В 1942 году, после ранения к нам приехал новый директор Николай Васильевич Зименко, после, ставший диктором ленинградского телевидения. Хорошо помню, как мы разучивали новый Гимн Советского Союза под мандолину, на которой играл директор. Он же рассказывал о меняющемся положении на фронтах, делая пометки на карте страны. Собирался весь интернат и много местных сельчан. Как все ликовали, когда флажки стали передвигаться на запад!

В эти тяжелые годы нам очень помогла наша ленинградская атмосфера и дружба. С малых лет нас приучали к труду. В первую военную зиму я и мои сверстники теребили овечью шерсть, местные бабушки пряли ее, а затем нас учили самим вязать для себя носки и варежки. Исключения не было никому, действовал негласный закон войны. В 7 лет мы работали полдня в колхозе на прополке ржи. Иногда колючие сорняки были выше нас, а руки все в занозах и ссадинах. Еще мы летом собирали лекарственные травы для фронта – горицвет, ромашку. Став постарше, мы учились столярному делу. Обеспечивали себя столами, тумбочками, табуретками. Под руководством старших, строили большую баню, овощехранилище, скотный двор. Девочки обучались домоводству.

С 10 лет мы сами косили сено для коров, пасли свиней, ездили на быках за дровами, обеспечивали себя водой и топливом.

Отдельно хочется сказать о пропитании. Голодная смерть нам не грозила, но голодных дней и недель было предостаточно. Еще учась в начальных классах, мы заготавливали молодую крапиву и лебеду для супа. За селом было много старого навоза, там мы собирали шампиньоны. Они, как гирлянды под Новый год, висели и сохли у нас под потолком. Лес дарил ягоды и грибы, река – рыбу. Был у нас и свой огород – наша надежда и подмога.

В военные годы случалось, что на завтрак была каша на воде и морковный чай, на обед – щи из крапивы, на ужин чай, иногда с сахарином. Все понимали, что стране трудно и не роптали.

Когда мне исполнилось 10 лет, случилось еще одно потрясение. Май 1945 года – Победа и надежда на возвращение. И вдруг мы узнаем, что вернутся в Ленинград лишь те, у кого живы родные. А мы? – нас остается треть сирот. Всю войну нам передавали приветы от родных, чтоб уберечь нашу психику. Сначала хотелось убежать, добраться до Ленинграда своими силами. Даже стали собирать единомышленников и сушить сухари, но поняли нелепость этой затеи и смирились.

Так мы превратились в детдомовцев. Вскоре к нам прибавилось еще столько же сирот.

Да, я бывший детдомовец, но не считаю себя ущербным и обездоленным. Война тяжело ударила нас, но ленинградский дух помог нам выстоять и крепко встать на ноги.

Олег Алексеевич отслужил в рядах Советской армии и только через 19 лет смог вернуться в родной Ленинград. С огромной благодарностью вспоминает он своих довоенных соседей дома 37 по проспекту Майорова, которые помогли ему восстановить документы и вернуться. Сейчас он на пенсии, у него с женой, Тamarой Петровной, двое детей и двое внуков.

Олег Алексеевич помнит все, что с ним было и никогда не забудет.

Уроки доброты

Кир Сергеевич ЖУПАХИН

Наступило лето 1941 года. Мы с братом Леней перешли в 5-й класс. Отца не было уже третий год, нам сказали, что он умер. Старший брат Сергей оставил институт и поступил на работу. Наша мама, Анастасия Георгиевна, снова с трудом достала деньги, чтоб отправить нас в деревню под Гатчиной.

В субботу 21 июня Сергей приехал нас навестить, мы целый день гуляли в Гатчинском парке. В воскресенье мама отправила меня за молоком. Подойдя к станции я увидел толпу, собравшуюся у столба с репродуктором, передавали выступление Молотова о нападении фашистской Германии.

Увидев войну, многое пережив, я сделал свои выводы.

Я думаю, что не какая-то абстрактная, а конкретная и простая человеческая красота

спасет мир. Например, такая, щедрые уроки которой мне посчастливилось получить от многих людей, будучи еще мальчишкой, в тяжелейшие для страны военные годы. Доброта бывала разной – суровой, строгой, требовательной, реже мудрой и мягкой. С братом Леней мы пользовались требовательной, самоотверженной и нежной добротой родных. Наша мама в блокадные дни отдавала нам с братом большую часть своего скудного пайка. Она слегла первой, а за ней и я. Леня, совсем недавно просто ходивший в школу, забирался на крышу дома и тушил «зажигалки» с дядей Борей, известным артистом Блиновым, игравшим Фурманова. Леня ходил за хлебом и водой, носил вещи на Сенной рынок и менял их на хлеб. Его доброта к маме и ко мне не знала границ. Он делал буквально

Леня и Кир с мамой Анастасией Георгиевной. 21 июня 1941 г. Завтра была война

все, о чем его просили, в наших глазах став настоящим героем блокады. Но спасением для нас стал приезд моего брата Сергея, добровольцем ушедшего на фронт. Отличившись на фронте, он получил краткосрочный отпуск и в апреле 1942 года он смог вызволить нас троих с другими семьями офицеров из Ленинграда. Так мы оказались в селе Винницы Ленинградской области.

Летом 1942 год умерла мама. Сергей на пару дней приехал с фронта и договорился с местным крестьянином Иваном Федоровичем Калининым о временном опекунстве над нами. Доброта Ивана Федоровича и его жены была сурова и требовательна. Он учил нас работать по хозяйству, а его жена готовила для нас, «мужиков», разные блюда.

Осенью мы с братом пошли в 5-й класс. Из занятий в Виннице запомнились только мучительные уроки английского языка. В октябре все закончилась неожиданным наступлением немцев. Сборы были недолгими – одни на защиту, другие в тыл. Второпях мне, тринадцатилетнему, вручили компас, подобие карты и поручили вести обоз из десятка лошадей.

До Озер добрались только ночью, сразу стали искать ночлег. Достучался я только в третью избу, меня впустили, расспросили, дали переодеться и уложили. Я был поражен той неожиданной добротой. В моей памяти остался образ красивой женщины лет 25, заботливо хлопотавшей надо мной. Это была Лидия Леонидовна Штиглиц.

Вместе с Иваном Федоровичем и его женой мы обосновались в Озерах. Письма от Сергея не приходили, зимой 1942-43 мы с братом остались одни из нашей семьи. Чем могли, мы помогали Ивану Федоровичу – ловили рыбу и зайцев, делали все по хозяйству, но, видимо, условия опекунства со смертью Сергея нарушились. Ближе к весне он по-мужски поговорил с нами и переехал с женой в другую избу.

К весне мы совсем отоцали, но уроки посещали регулярно, и получали отличные оценки. Уроки математики, вел директор школы, Георгий Иванович Спирков, депутат Верховного Совета Союза. Для всех он был непререкаемым авторитетом. У взрослых он снискал уважение самоотверженной работой депутата, а дети уважали его за какую-то особую, строгую доброту и справедливость. Он никогда не повышал голос, укоризненно-го вопроса было достаточно, чтоб виновному захотелось провалиться сквозь землю.

В один из дней, ближе к концу урока, кто-то из ребят не смог решить задачи из-за незнания таблицы умножения. Георгий Иванович помрачнел, а в классе воцарилась тишина. Я в это время перешептывался с братом, и был настигнут вопросом Георгия Ивановича: Ну-ка, Кир, иди к доске, напхни нам, сколько будет 9×8 и реши задачу». Во мне отец находил недюжинные аналитические способности и всячески стался их развить. Я выполнил задание и написал на доске формулу, заменяющую таблицу умножения и выведенную во время моей вынужденной блокадной «лежки», когда я, по совету мамы, пытался не думать о пище и размышлял о таких несъедобных вещах, как свойства натуральных чисел: $A \times B = 10x(A+B-10) + (10-A) \times (10-B)$. Я гордо заявил, что она получена мною и представляет всю таблицу умножения, однако, решение по ней проще, если сумма множимого (А) и множителя (В) больше 10.

Моя формула для умножения работала! Я увлекся и не заметил, что класс опустел. Мы с Георгием Ивановичем как бы поменялись ролями. Он слушал и улыбался, потом остановил меня и подозвав моего брата стал расспрашивать нас об отношениях с опекуном, как мы питаемся, живем.

На следующий урок Георгий Иванович привел молодую учительницу немецкого языка. Я сразу узнал Лидию Леонидовну, женщину, хлопотавшую надо мной той

памятной осенней ночью, когда я прибыл с обозом в Озеры. С этой минуты мои симпатии были всецело на ее стороне. Но симпатии остальных учеников ей еще только предстояло завоевать. А сидели перед ней усталые, полуголодные, плохо одетые дети. В поведении их чувствовалась скованность, натянутая сдержанность и равнодушие.

Запомнилось то, что в начале поразило, а потом вызвало взрыв восхищения – мягкость, почти материнская нежность в ее обращении с детьми, чарующая доброта, идущая от самого сердца. Атмосфера на уроке постепенно теплела, лед напряженности таял, появлялось ощущение домашнего тепла.

Брат ответил на вопрос Лидии Леонидовны, что немного знает немецкий язык. Она тут же радостно и громко объявила классу, что один из братьев Жупахиных может немного говорить по-немецки, и попросила Леню что-нибудь сказать. Он начал по памяти быстро пересказывать детские анекдоты отца. А Лидия Леонидовна, смеясь, начала переводить классу. Вскоре смеялся уже весь класс!

Спирков, как депутат, решил нашу и Лидии Леонидовны судьбы, отправив нас с братом воспитанниками в детдом, а Лидию Леонидовну в детдом ведущим воспитателем. В 1944 году она добилась нашей отправки в Ленинградский областной детдом и в августе мы с братом были уже в родном городе. В сентябре начали учиться в 7-м классе школы №181.

В июле 1945 директор Виглин с другими ребятами, награжденными медалью «За оборону Ленинграда» поставил нас на трибуну рядом с Говоровым, устроившим Парад Победы в Токсово. Так незабываемо кончилась для нас война.

После 8-го класса мы с Леней поступили в Ленинградский Электротехнический техникум, а позднее в ЛЭИС им. Бонч-Бруевича. Я успешно окончил аспирантуру, работал у известных ученых, принимал участие в разработке исследовательской аппаратуры. Защитил кандидатскую диссертацию, став кандидатом физико-математических наук. У меня около ста опубликованных работ и изобретений, имею восемь правительственных наград.

Урок в ленинградской школе зимой 1941-1942 г.

Дорогие друзья!

Вы перевернули последнюю страницу воспоминаний жителей МО Пискаревка о Великой Отечественной войне во второй книге «Память сердца». Мы уверены, что прочитанное всколыхнуло пережитое в сердцах участников войны, а люди младших поколений по-другому взглянули на известные им события.

Со дня Победы прошло 63 года. Многие изменилось за это время. Единственное, что осталось неизменным, - это Память! Не только Память разума, но Память души и сердца. Именно их люди, пережившие войну, стараются не только сохранить в себе, но передать следующим поколениям.

Для сохранения памяти и гордости за подвиги наших старших поколений - трудятся педагоги, депутаты МО Пискаревка, посильную помощь оказывают ветераны и очевидцы минувшей войны. Во всех образовательных учреждениях округа, в учрежде-

ниях дошкольного и внеклассного воспитания проводятся встречи ветеранов с детьми и подростками. Но силы участников боевых действий убывают, на смену им приходят люди, встретившие войну детьми и подростками. В своей работе они используют имеющиеся у них архивы, некоторые из своих материалов они оставляют в учебных заведениях для военно-патриотической работы.

Для учащихся проводятся экскурсии по местам боевой славы. Безусловно, заслуживает внимания работа школы № 184, в которой организованы классы с профессиональным уклоном МЧС. И стоит вспомнить, что сегодняшнее МЧС является наследником МПВО. Можно говорить о преемственности - ведь ученики класса МЧС готовятся к решению тех же задач, которые раньше стояли перед МПВО защищавшим Ленинград. И сегодня учащиеся этой школы гордятся тем, что именно МПВО Ленинграда первым в

стране награждено Красным знаменем за заслуги в годы Великой Отечественной войны. Вступая в классы МЧС подростки торжественно приносят клятву служения Родине.

Программа обучения систематически совершенствуется. В настоящее время разрабатывается курс служебного и военного собаководства.

В своей творческой деятельности дети часто обращаются к истории нашего города. Можно привести два примера. В мае 2007 года участниками спортивного клуба был проведен футбольный матч в честь «Блокадного матча», состоявшегося в мае 1942 года на стадионе «Динамо» (Крестовский остров), осажденного Ленинграда. Для оформления первой и второй книги «Память сердца» были использованы рисунки учащихся ДДЮТ и некоторых школ округа.

Очень трепетно к встрече с ветеранами готовятся воспитанники Центра реабилитации и милосердия (РиМ). Несмотря на то, что природа сурово обошлась с этими де-

тьми, доброта и интерес к жизни не покидают их, и дай Бог им счастья!

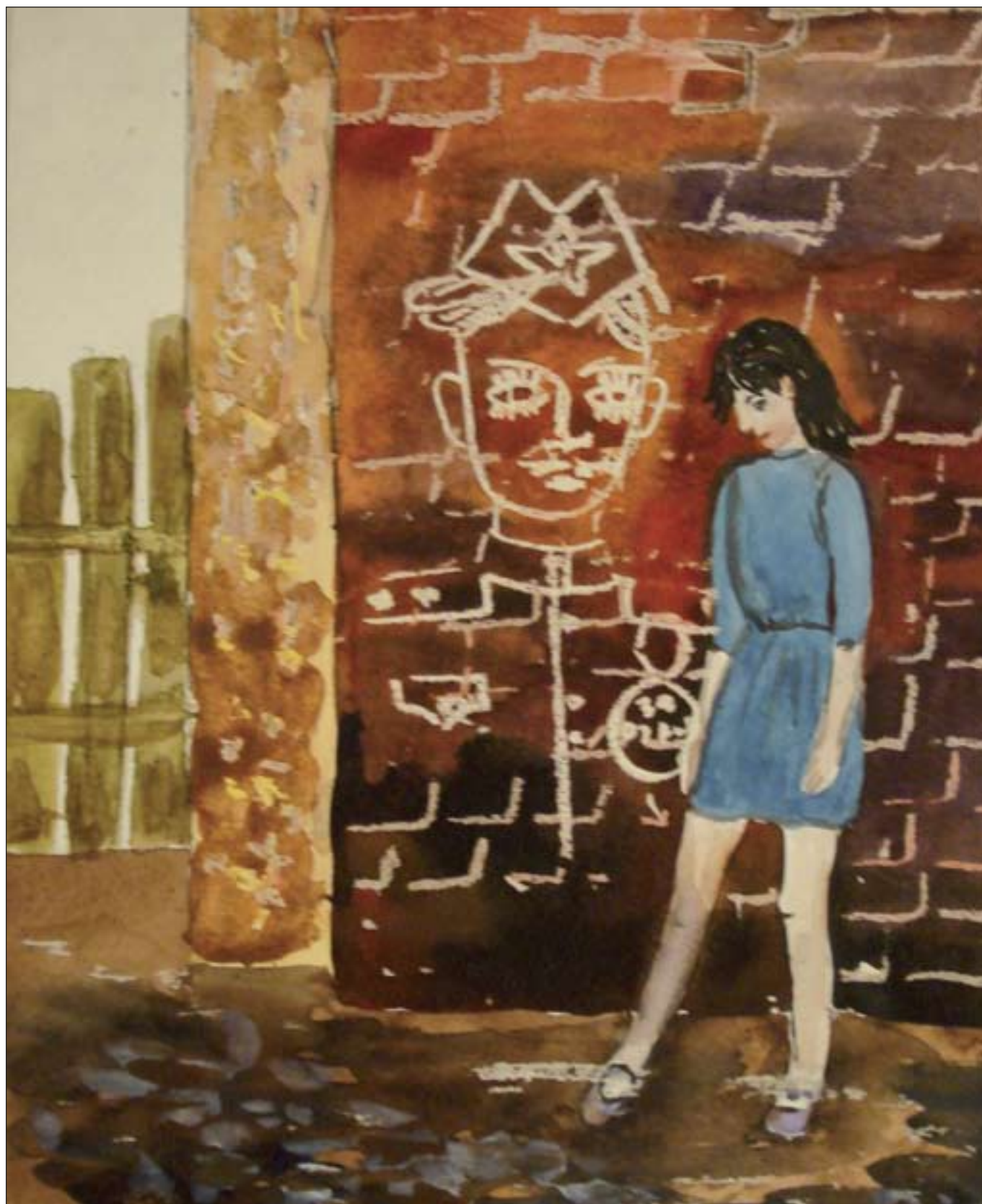
В последние годы интерес юного поколения к истории Великой Отечественной войны заметно возрастает. Ярким свидетельством тому является статья Суценко Е.А. «Память в сердце стучит», опубликованная в этом же сборнике.

Мы часто сетуем на молодежь и выражаем опасение, что с течением времени, люди, которые отстояли мир в грозные годы войны, проявили величайшую самоотверженность, будут забыты – напрасно!

Ведь мы, пережившие военное лихолетье, ничего и никого не забыли. Так разве наши дети, внуки, правнуки... хуже нас? Ведь у них также есть сердце, а раз оно есть, то значит есть и будет вечно ПАМЯТЬ СЕРДЦА!

*Совет ветеранов
Великой Отечественной войны и труда
МО Пискаревка,
ОО «Жители блокадного Ленинграда»,
ОО бывших малолетних узников
фашистских концлагерей*

ДДЮТ, «Мой дедушка». Алена ГОЛОСОВА, школа № 137, 6 кл.

Память сердца

*«Пискаревки России»
Разбрелись по России,
Вечным сном ленинградцы
Спят в чужой стороне.»*

Уже много лет работает детско-юношеское общественное объединение (ДЮОО) «Память сердца» (школа №79 Калининского района), объединившее в своих рядах школьников 6-11 классов, девизом которых являются слова, утверждающие важность деятельности гражданско-патриотического предназначения:

*«От сердца к сердцу
Память мы несем».*

Здесь мы предоставляем слово Сущенко Екатерине Алексеевне, руководителю этого объединения, автору программы с названием «Пискаревки России»:

Давно прошла война, но память сердца хранит не утихающую боль о близких и родных, не пришедших с войны, о всенародном человеческом горе.

Когда думаешь об этом, невольно мысль приводит на Пискаревское мемориальное кладбище – самое крупное захоронение периода Второй мировой войны. Это общенациональный памятник истории нашей страны, на 28 гектарах которого за блокадные и военные годы захоронено почти полмиллиона (490 тысяч) защитников непокоренного города. Этот печальный рекорд занесен в «Книгу рекордов Гиннеса».

В местах всенародной памяти горит Вечный огонь, зажженный от неугасимого факела Пискаревского мемориала: на мемориальном комплексе Серафимовского кладбища, которое является вторым после Пискаревского по числу захоронений в годы Ленинградской блокады, в городах Сертолово и Кириши Ленинградской области. В Ярославле и в Вологде он зажжен на «ленинградских» мемориалах, увековечивающих память погибших в эвакуации ленинградцев.

На Нюрнбергском процессе называлось количество жертв блокады – свыше 632 тысяч человек. Узнав эту цифру, за которой стоят человеческие жизни, мир содрогнулся. Сегодня, по данным архива Пискаревского мемориала и исторической науки, эта цифра приближается к полутору миллионам человек.

К сожалению, на наш взгляд, эти данные далеко не полные, так как до сих пор еще идет работа в Архиве Пискаревского мемориала по созданию «Книги Памяти Ленинграда 1941-1945 годов», куда в результате поисковой работы вносятся все новые имена погибших в блокаду. Не учитывается и такой очень важный момент в истории войны и блокады, как эвакуация.

Никто не знает, сколько эвакуируемых ленинградцев погибло по дороге на Большую землю, когда их вывозили из Ленинграда. Порой, обессиленных и истощенных от голода людей, не выдержавших тяжести пути, целыми вагонами мертвыми выгружали на железнодорожных станциях. Так возникали в России ленинградские захоронения (Ярославская, Вологодская, Рязанская «Пискаревки»). А сколько их еще неизвестно?

Мы считаем, что должна быть составлена и карта ленинградских захоронений в России, которой до сих пор нет, чем мы сейчас и занимаемся.

Формула истинного патриотизма и служения Отчизне, которая злободневна и сегодня, очень четко была сформулирована в начале XIX века великим русским поэтом А.С. Пушкиным. Это «любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам», через которые мы узнаем историю Родины, обретаем незабвенную Память.

Комплексная долгосрочная программа включает в себя три направления патриотической работы учащихся: «Пискаревки города», «Пискаревки Ленинградской области», «Пискаревки России», каждое из которых имеет свои цели и задачи, зиждется на проектах-акциях внутри своего направления.

ДЮОО «Память сердца» организует и проводит систематическую работу по изучению истории Великой Отечественной войны и блокады Ленинграда, вовлекая в свою деятельность ребят из района и города, совместно с ветеранами войны и блокады.

В январе 2005 года совместно с Советом ветеранов Калининского района (председатель Калинин В.И.) организовали и провели экспедицию по местам прорыва блокады (Усть-Ижора – Марьино – Ивановский рубеж – Невский пятачок – Синявинские высоты) с проведением кратких митингов у памятных мест. В январе 2007 года делегаты объединения вместе с Санкт-Петербургской общественной организацией «Жители блокадного Ленинграда» (председатель правления Скрипачева И.Б.) совершили автопробег по местам прорыва блокады, побывав на Румболовских высотах, в Борисовой Гриве, Ваганове, Осиновце. Участники автопробега посетили памятники «Зеленого пояса славы»: «Цветок жизни», «Каменный дневник Тани Савичевой», «Румболовская твердыня», «Катюша», памятник авиаторам, «Разорванное кольцо», курган Славы в поселке Осиновец, закладной камень, на месте которого будет стоять памятник «Всем, погибшим на Ладогe». На карте «малых» Пискаревок Ленинградской области были отмечены посещенные нами места доблести и славы.

А после первой долгосрочной экспедиции по пути эвакуационных эшелонов по маршруту: «Бологое – Валдай – Лычково» родилась акция «Ленинградские дети», посвященная увековечению памяти ленинградских детей, погибших в июле-августе 1941 года на железнодорожной станции Лычково, установлению памятника на месте трагедии.

Посещение с. Лычково Новгородской области в октябре 2004 года стало рубежным в работе ДЮОО, оказалось, что мы первые за 60 лет ленинградцы-петербуржцы, приехавшие поклониться памяти погибших детей. А, узнав о том, что ветераны Лычково проводят Все-

российскую акцию «Ленинградские дети», мы включились в нее и стали инициаторами и организаторами этой акции в Санкт-Петербурге.

Акцию ветеранов поддержала губернатор Санкт-Петербурга Валентина Ивановна Матвиенко, она помогла транспортировать памятник волгоградского скульптора В.Фетисова из Волгограда в Лычково, за что ей все очень благодарны.

Нашу инициативу поддержал «Союз юных петербуржцев», и акция стала городской, в нее включились 64 школы города, 6 детских общественных объединений, 3 Дворца творчества юных, предприятия города, ветераны войны и блокады, всего свыше 34 тысяч человек.

4 мая 2005 года на открытии памятника присутствовали 100 школьников из Санкт-Петербурга – активные участники акции – моряки, кадеты, отряд МЧС, а также «Ветераны Лычково» (те, кто детьми пережил эту трагедию, кто спасся из горящих вагонов, разбомбленных фашистами, или был на привокзальной площади в то время).

В тот день отряд, представлявший детей Ленинграда военной поры и детей современного Санкт-Петербурга, как клятву произнесли у памятника:

*Память в сердце стучит,
Их безгрешные души
Забывать мы не вправе,
Сколько б лет ни прошло.*

По инициативе ДЮОО «Память сердца» в Лычково был заложен Парк Памяти, а привокзальная площадь стала называться площадью Памяти.

Посадка парка Памяти стала совместной традицией школьников Санкт-Петербурга и Лычково, ежегодно для ее проведения выезжают два автобуса петербургских ребят вместе с ветеранами и блокадниками.

Сегодня акция «Ленинградские дети» переросла в движение. Лычково стало объектом детской заботы петербуржцев, так как школьники города участвуют в создании в селе музея

*Памятник ленинградским детям на месте трагедии на пл. Памяти в п. Лычково.
Архитектор В. Фетисов*

«Ленинградские дети», посадке Парка, дружат с детьми и ветеранами, разыскивают «ветеранов Лычково».

Долгие десятилетия лычковская трагедия была «белым пятном» в истории, хранящимся под грифом «секретно», и вот 4-5 марта 2007 года в Санкт-Петербурге, на ленинградской земле, была проведена первая в истории города встреча советов ветеранов с. Лычково и Демянского района Новгородской области с ДЮОО «Память сердца» и правлением Санкт-Петербургской организации «Жители блокадного Ленинграда» с участием представителей Законодательного собрания Санкт-Петербурга, куда были приглашены «ветераны Лычково», проживающие в Санкт-Петербурге и Ленинградской области. Это стало большим событием всеобщей Памяти о погибших и оставшихся в живых ленинградских детях.

«Ленинградские дети» – наша боль, долг и покаяние, поэтому члены ДЮОО, став финалистами Всероссийского детского форума в рамках Всероссийской акции «Я – гражданин России» в 2006 году в детском центре «Орленок» провели Всероссийский день Памяти ленинградских детей. О работе по сохранению памяти погибших ребята рассказали детям всей России. Они провели факельное шествие, во время которого в воды Черного моря был опущен скорбный венок Памяти, а на следующий день были проведены дискуссионные столы по проблеме «Дети и война». Особенно актуальной эта проблема была для детей из г. Моздока, которые не понаслышке знают, что такое война.

На мемореальной плите братской могилы ленинградских детей указано время трагедии – август 1941 года. По архивным данным мы установили точную дату – 18 июля 1941 года. В связи с этим хотим установить там небольшой мемориал с ленинградской символикой.

В ноябре 2007 года ДЮОО стало победителем всероссийского конкурса социального проекта «Наши родители» в номинации «Бесценный опыт» выступив с проектом «Покаяние». Деньги полученные за грант, будут вложены в строительство мемориала.

В 2005 и 2007 годах представители объединения, пригласив учащихся города, побывали в городе Тихвине, где в октябре 1941 года были разбомблены железнодорожные эшелоны с эвакуированными ленинградцами, среди которых были и дети. Так родилась новая акция, страшная по своей сути – «Детские Пискаревки».

А 11 октября 2005 года в поселке Осиновец, на знаменитой Дороге жизни, по инициативе ДЮОО «Память сердца» был дан старт новой межрегиональной акции «Ладожская волна», посвященной увековечению памяти всех, погибших в годы войны и блокады в Ладожском озере, так как оно также является, к сожалению, не «малой Пискаревкой».

В ходе действующей ныне акции, среди учащихся города уже проведен конкурс

проектов памятника. Победители конкурса вместе с архитектором Л.Аристовым работают над памятником «Всем, погибшим на Ладоге».

Акция проводится при поддержке Международного благотворительного фонда «Защитников Невского плацдарма».

23 февраля 2006 года в пос. Осиновец Лен. области при широком участии общественности был торжественно открыт памятный знак, свидетельствующий о месте установления будущего памятника – в березовой аллее.

26 мая 2007 года, накануне Дня города и Дня защиты детей, совместно с ребятами Калининского, Невского и Выборгского районов, ветеранами войны, блокады и Ладожской военной флотилии в Осиновце была проведена «Зеленая вахта памяти», во время которой участники высадили зеленые насаждения, рассаду цветов.

В сентябре 2008 года «Союзом юных петербуржцев», школьниками города, общественными организациями, участниками региональной акции «Ладожская волна» будет установлен памятник «Всем, погибшим на Ладоге».

Это рассказ о самых важных, главных делах объединения. ДЮОО «Память сердца», которое продолжая работу по программе «Пискаревки России», и в будущем будет проводить целенаправленную героико-патриотическую

*В мастерской архитектора Л.Аристова.
Один из вариантов памятника
«Ладожская волна»*

работу, вовлекая в нее всех, кому интересна эта деятельность.

Мы благодарны участникам наших акций за помощь и поддержку. Особую благодарность выражаем правительству Санкт-Петербурга во главе с губернатором В.И. Матвиенко, высоко оценившим нашу патриотическую деятельность, наградив ДЮОО «Память сердца» пятью компьютерами.

Также мы благодарим руководство Муниципального Совета «Пискаревка», Сергееву В.В., за предоставленную возможность рассказать о нашей деятельности во втором томе уникальной книги «Память сердца».

*Дети XX и XXI века обсуждают проект
памятника «Ладожская волна»
с архитектором Л.Аристовым.*

Память сердца

«Все, что было не со мной, – помню...». Строка из стихотворения Роберта Рождественского во многом определяет содержание и глубину эмоциональной памяти поколений, рожденных в послевоенную пору.

Прошло более шестидесяти лет, как отгремели первые праздничные салюты Победы. Привычным стал за эти десятилетия праздник 9 мая. День, когда в эфире звучат песни военных лет, на телевизионных экранах парадно шествуют ветераны с орденами и медалями на груди, встречаются боевые друзья и подруги, грустят об ушедших, невольно задаваясь горьким вопросом: «Кто следующий?».

«Человеческий дух похож на электрическую лампочку, – любил повторять художник, мыслитель Николай Константинович Рерих – ее нужно включить в живую сеть некоего вселенского тока».

Что значит «живая сеть вселенского тока»? Как включить «лампочку» воображения, сострадания, сопереживания, ответственности за то, что происходит вокруг нас и с нами?

На уроках эстетики я предложила студентам Художественного училища имени Н.К.Рериха тему сочинения, своеобразного эссе – «Память о войне». Не книжные, не телевизионные, не киношные, т. е. не «вторичные» впечатления, а свои собственные, связанные с семьей, домашними фотографиями, встречами... Да мало ли возможности у художника увидеть, почувствовать «следы», оставленные неумолимым временем.

Представляют несомненный интерес, как «воспоминания» студентов 80-х годов, чьи родители были опалены огнем войны, так и сочинения молодых людей начала нового столетия, чьи бабушки и дедушки были детьми войны. В этой эстафете Памяти надежный залог их душевной зрелости, нравственного здоровья и развития творческого потенциала молодых художников.

«Война для меня – это реальное горе и страдание близких, – пишет Игорь Орловский. – Это изувеченная рука деда. Это то, о чем не любят вспоминать мои родственники, пережившие ее. Мне кажется, что этим молчанием они отказывают в существовании такому явлению, как война. Но она присутствует где-то рядом. Молча и грозно. К сожалению, не только тенью прошлого».

С болью пишет о страданиях родителей Виктор Бишоков: *«Моя мама пошла на фронт в 17 лет, а в 18 она была уже седая. В первом же бою на Невском «пяточке» из двадцати четырех сандружинниц, с которыми она вместе училась на краткосрочных курсах, в живых осталась только мама. Тяжело раненую, ее отправили в госпиталь. Потом было еще несколько ранений... Мой отец четыре раза горел в самолете. С детства я вижу, как мучают родителей полученные раны. Война ненавистна мне, потому что через много лет ночью зажегся свет, и я слышал тихий разговор, звуки склянок, запах лекарств...»*

Силой воображения Анна Ильюшина возрождает трагические будни блокадного Ленинграда: *«Среди разрушенных домов в центре города, в пустой квартире, в которой почти нет мебели (всю ее сожгли холодной зимой), сидит мальчик. Это мой папа. Он прижимает к груди книгу. Может быть, он один во всем доме, а может и на всей улице. Он ждет свою маму. Я видела его детскую фотографию. Коротко стриженный мальчик восьми лет в стареньком пальто, из которого он вырос. Худая, тонкая шея, осунувшееся лицо и строгие, какие-то очень взрослые глаза... Война сделал сильными наших родителей, закалила их. Закалила и нас. Мы благодарны тому поколению и будем у него учиться».*

По-своему видит блокадный Ленинград Елена Миляева: *«Я родилась в Нижнем Новгороде, а когда переехала с семьей в Петербург, все изменилось в моей жизни. Я ходила по улицам и представляла разрушенные дома,*

Виктор Сергеевич Новиков

замерзшие трамваи, как не было света в узких дворах-колодцах, как приходилось доставать воду, топить печи, стоять в очередях за кусочком хлеба. Мне были интересны не общеизвестные факты, а воспоминания очевидцев на выставке «Неизвестная блокада» в Музее обороны и защиты Ленинграда. Казалось, все было против того, чтобы люди могли жить, а они упорно вставляли каждое голодное утро и жили. Поразительно, какая сила есть в человеке! У каждого ленинградца своя история, своя трагедия, своя борьба и своя жизнь.

Наверное, каждый когда-нибудь задумывается: «А зачем я живу?»

Интересно, в блокадном Ленинграде люди, которые жили бок о бок со смертью, о чем они думали? Для чего и для кого они жили? На зло? Или во имя добра? За идею? А может быть, просто по инерции? По природному инстинкту сохранения? Как они спасались от мысли о неминуемой и скорой смерти? Или они пере-

стали ее бояться? Они жили на тонкой грани между жизнью и смертью. Если где-то еще теплилась жизнь, то обязательно недалеко была чья-то смерть.

Именно эту грань мне хотелось показать в своей композиции.

...Трамвай, в котором тело неживой, умершей женщины. Да и трамвай сам по себе неживой, вмерзший в рельсы, засыпан снегом. Никто на нем никуда не поедет. Тем более эта женщина. Она уже припорошена снегом, который летит из разбитого окна. В вагоне полумрак. Но за окнами ясный, морозный день. И идут люди. Потихоньку, один за другим, но идут. Их объединяет одно – ЖИЗНЬ».

Разбуженная память молодых людей, студентов скульптурного отделения, помогла им выполнить почетный заказ: траурную урну для священной земли Пискаревского мемориала.

А случилось это так. Наше училище находится в Калининском районе, улицы и площади которого помнят блокадное лихолетье. Готовясь к празднованию 50-летия Победы над фашистской Германией, преподаватели скульптурного отделения, заслуженный деятель искусств Виктор Сергеевич Новиков и заслуженный работник культуры Эдуард Робертович Озоль, предложили студентам выполнить памятный знак на дороге, ведущей к Пискаревскому кладбищу, где покоятся сотни тысяч ленинградцев.

Мы обратились к сотрудникам музея Мемориала и встретили на проявленную нами инициативу неожиданно раздраженную реакцию.

Лилия Никитична Маркова, человек страстно преданный своему делу, рассказала, что много лет разные художники по просьбе руководства пытались сделать памятный сосуд для земли кладбища, но так никто и не смог довести начатое до конца. «А люди приезжают со всех концов света и спрашивают у

нас, как увести эту священную землю?» – с болью завершила свой рассказ Лилия Никитична. И, уже потеряв надежду, робко предложила: «Может быть, вместо какого-то «памятного знака» ваши студенты сделают урну для нашей Земли?»

Работа началась с посещения Пискаревского мемориала. День выдался морозный, скрипел снег под ногами. Дорога от пропилеев к монументу матери-Родины показалась нам очень долгой. Мы шли мимо братских могил, гражданских и воинских, читая высеченные на них даты: 1941, 1942, 1943...

Почти полмиллиона человек... Сквозь тишину зимнего дня торжественно и скорбно звучал реквием Моцарта.

Задание увлекло студентов. Из множества вариантов предложений, скульпторы-педагоги вместе со студентами остановились на коллективном авторстве, взяв лучшее из разных эскизов. За основу был принят элемент чугунной решетки: ваза с наброшенной на нее траурной тканью, на которой изобразили барельеф монумента матери-Родины, написали «Никто не забыт и ничто не забыто». На дне вазы, выполненной из керамики, сделали отверстие для священной земли, которую предварительно подвергли обжигу.

Случилось, казалось бы невероятное. Во время обжига земли в училище на трех этажах стоял нестерпимо тяжелый запах. Что это было? Химическая реакция или напоминание через полвека о страшных днях блокады, о смерти и мужестве людей, отстоявших Город?

Сегодня эти урны можно встретить в музеях Великой Отечественной Войны, памяти жертв Холокоста в городах Ближнего, Дальнего Зарубежья – от Лондона до Тель-Авива, от Бреста до Новороссийска...

Траурная урна для священной земли Пискаревского мемориала

«Уходит эпоха людей – свидетелей и участников войны, – пишет Таня Жукаркина. – Цивилизация вступила в новый век, с огромной скоростью несется вперед. Не знаю, туда ли? Мы растем в достаточно свободном мире, где есть и добро, и зло... Бомбежки в Ираке, Афганистане, Чечне... Террористические акты... За политическими распрями стоят люди, их жизнь и их смерть. Вспоминаю слова моей бабушки: «Живите в мире». Она часто их повторяла нашей семье. Но я думаю, что они могут быть обращены ко всем людям нашей, такой оказывается небольшой планеты, от имени поколения, которое пережило Войну: **«Живите в мире!»**

*Энна РОМАНОВСКАЯ,
заслуженный работник культуры РФ,
методист Санкт-Петербургского
художественного училища им. Н.К. Рериха.*

Ветеранский вальс

Слова ветерана Великой Отечественной войны Л. С.Рахалова

Музыка композитора ветерана Великой Отечественной войны Г. Н. Кононова

В медленном вальсе кружатся они, Все в седине кавалеры и дамы,
Все они – дети прошедшей войны, Их называют теперь ветераны.
Детство и юность спалило войной, Им всем знакомы война и блокада,
Сколько таких не вернулось домой, Сколько погибло сынов Ленинграда!
Припев:
Район Калининский,
Мы славим свой район,
Гордимся мы
Советом ветеранов,
Мы здравицу тебе
от всех, от нас поем,
И вспоминаем про войну,
про боль и раны.

В медленном вальсе кружатся они,
Все в седине кавалеры и дамы,
Все они – дети прошедшей войны,
Их называют теперь ветераны.

Детство и юность спалило войной,
Им всем знакомы война и блокада,
Сколько таких не вернулось домой,
Сколько погибло сынов Ленинграда!

Припев:

Район Калининский,
Мы славим свой район,
Гордимся мы
Советом ветеранов,
Мы здравицу тебе
от всех, от нас поем,
И вспоминаем про войну,
про боль и раны.

Мелодия вальса и зал весь в огнях
Вновь возродили картину былую,
Воспоминания о грозных тех днях,
Молодость нашу, как вихрь, огневую.

Оркестр звучит, как победный салют,
Вальс наш давно позабытый и старый,
Вальс ветеранский, особенный вальс,
И кружатся в танце за парюю пара.

Припев:

Район Калининский,
Мы славим свой район,
Гордимся мы
Советом ветеранов,
Мы здравицу тебе
от всех, от нас поем,
И вспоминаем про войну,
про боль и раны.

ВСТУПЛЕНИЯ

Депутаты Муниципального образования Муниципального Совета Пискаревка	3
Валентина Ивановна Матвиенко, губернатор Санкт-Петербурга	5
Вадим Альбертович Тюльпанов, председатель Законодательного Собрания Санкт-Петербурга	6
Нина Владимировна Шубина, председатель Комитета по работе с исполнительными органами государственной власти и взаимодействию с органами местного самоуправления	7
Борис Александрович Орлов, председатель правления СПб отделения Союза писателей России, капитан I ранга	8

МПВО ЛЕНИНГРАДА

75 лет МПВО Ленинграда	11
Л. А. Беляев, начальник ГУ МЧС России по СПб, генерал-майор внутренней службы	11
А. Г. Иванов, начальник ГУ по делам гражданской обороны и чрезвычайным ситуациям СПб	11
Т. А. КИСЕЛЕВА. Мы были юными и смелыми. (Я. Белоусов)	16
М. И. ПЕТРОВА. «Есть женщины в русских селениях...». (Л. Третьякова)	18
З. П. ГЕРАСИМОВА. Не забыть тех дней в МПВО... (Л. Третьякова)	20
Р. В. ТИМАКОВА. Они были палочками-выручалочками. (Л. Третьякова)	21
Т. Г. ДЕМЕНТЬЕВА. Я – человек выносливый. (Я. Белоусов)	23

РОДИНА-МАТЬ ЗОВЕТ!

Иван Иванович Корбутов, председатель Совета Межрегиональной Санкт-Петербурга и Ленинградской области организации ветеранов Всероссийской общественной организации ветеранов (пенсионеров) войны, труда, Вооруженных сил и правоохранительных органов	27
П. М. БОРОДУЛИН. Память сердца. (Я. Белоусов)	28
Н. В. КЛИНИХИН. История героя. (Я. Белоусов)	30
Н. Я. РЕДКОБОРОДОВ. Штурман легендарной подлодки. (Л. Третьякова)	33
Г. Я. ГАМПОЯН. От буденовки до папахи.... (Я. Белоусов)	36
Н. А. КАРПОВ. В логове врага. (Л. Рахалов)	38
И. Н. ГОРБЕНКО. Мужчины отказывались верить, что мы тоже воевали... (Я. Белоусов)	40
В. К. БЕРЕЖНОЙ. Под покровом ночи. (Л. Рахалов)	43
Г. М. БЕЛЯЕВ. Молодой гвардеец. (Л. Третьякова)	46
С. А. МАШНИЦКИЙ. История моего отца. (Я. Белоусов)	47
П. П. ПЕТРОВ. Я клянусь мстить врагу жестоко и беспощадно! (Л. Рахалов)	50
А. С. ИСАКОВ. Жизнь решалась секундой. (Я. Белоусов)	51
Л. П. ШПАК. В отблеске партизанских костров. (Л. Рахалов)	54
А. И. БЕЛОЗЕРОВА. О поваре ротном замолвите слово... (Л. Рахалов)	56
А. Т. ПЛАТОНОВ. Молодой артиллерист-разведчик. (Л. Третьякова)	57
Б. В. ТРЕТЬЯКОВ. «Мужчинами нас сделала война». (Л. Рахалов)	58
Г. П. БОРИСОВ. Ленинградцы в боях под Москвой и Сталинградом. (Я. Белоусов)	60
И. И. СОРОЧКИН. «Только есть ощущения ясные не напрасно прожитых лет...». (Л. Рахалов)	62
В. Г. КОНЫШКОВ. Сын полка – и «вычислитель», и снайпер. (Л. Третьякова)	64
Н. М. АРЕФЬЕВ. «Мы перед нашей Россией и в трудное время чисты». (Л. Рахалов)	65
И. А. БАШАРГИН. «Переправа, переправа! Берег левый, берег правый...». (Л. Рахалов)	67
Л. М. ФЕЛЬМАН. Путей он легких в жизни не искал. (Л. Рахалов)	69
В. Я. ДЯЧЕНКО. Вся жизнь на службе Родине. (Я. Белоусов)	71
Н. Н. РОМЕНСКИЙ. И в бою и в труде! (Л. Рахалов)	73
И. Д. ДМИТРИЕВ. Боец, педагог, заслуженный лесовод. (Л. Третьякова)	75
В. Е. ЛЕВАНОВ. От юнги до академика. (Л. Рахалов)	77
С. А. ЧУКСАНОВ. Небеса войны	79
Ф. К. КОЛЬЦОВ. Война – тяжелый ратный труд. (Л. Рахалов)	82
Б. В. СИЗЬМИН. Хранимый Судьбою. (Я. Белоусов)	84

БЛОКАДА

Ирина Борисовна Скрипачева, Председатель С-Пб ООО «Жители блокадного Ленинграда»	89
И. М. АГАПОВА. Судьба актрисы. (Л. Третьякова)	90

М. С. ЕГОРОВА. История в сером граните. (Я. Белоусов)	93
Г. Н. КОНОНОВ. Мальчик с улицы Чайковского. (Л. Рахалов)	96
Н. С. ТАРАКАНОВА. Дневник пионервожатой. (Я. Белоусов)	98
А. П. ХЛЕБНИКОВА. Нельзя убить доброту. (Я. Белоусов)	101
Н. Т. БАШКАТОВА. Очерк – воспоминание	104
Е. М. ЗУБЕНИНА. Маленькая лаборантка с военного завода. (Л. Третьякова)	106
Ф. А. ДЕМИДЕНКО. Она видела повешенных фашистских карателей. (Л. Третьякова)	108
Р. Ф. РАХАЛОВА. Блокадные дни и ночи. (Я. Белоусов)	110
С. Б. и Л. М. ПОРОЦКИЕ. Через горе и радости мы прошли вместе. (Я. Белоусов)	112
В. И. УСОВА. Юный участник обороны Ленинграда	115
В. В. КИСЕЛЕВА. Война и семья Веры Киселевой. (Л. Третьякова)	117
Н. С. ПИМЕНОВА. Представления под обстрелом. (Я. Белоусов)	119
А. П. ЧЕПИКОВА. Труженица «Арсенала». (Л. Третьякова)	121
В. Л. ТУПОНОСОВА. Я помню все. (Л. Третьякова)	123
Р. Ф. АНГУДОВИЧ. Девочки – станочницы. (Л. Третьякова)	124
А. Б. ЯКОВЛЕВА. Анна помнит салют в день прорыва блокады... (Л. Третьякова)	125
Э. Е. МУСАТОВА. Когда совсем не станет нас, пусть кто-то скажет вновь «Спасибо!»	127

ВОЕННЫЕ МЕДИКИ 131

А. С. САМОХВАЛОВА. У войны не женское лицо! (А. А. Самохвалова)	133
М. М. ВИНОГРАДОВА. Ласточка из Сибири. (Я. Белоусов)	136
Н. И. ФАФАКИНА. Сопрано из блокадного кольца. (Л. Рахалов)	138
А. И. ФЕЛЬДШЕРОВА. Медики Великой Отечественной. (Л. Третьякова)	140
А. И. ВАЩИЛО. Ващило – славное семейство медиков. (Л. Третьякова)	141
Л. И. ГАЕВСКАЯ. Медицина – моя профессия и увлечение. (Я. Белоусов)	142
В. В. СКОРОХОД. Война никогда не заканчивается. (Я. Белоусов)	144

85 ЛЕТ 21 ОТДЕЛУ МИЛИЦИИ 147

85 лет 21 отделу милиции – история становления, блокадных лет и наших дней. (В.В. Сергеева)	149
---	-----

УЗНИКИ ФАШИЗМА 159

Галина Леонидовна Карасева, председатель СПб Общественной Организации малолетних узников фашистских концлагерей. Мы свою судьбу не выбирали	161
А. М. СОКОЛОВА. Все время в движении. (Я. Белоусов)	162
А. К. РЕНК. На шею нам вешали номера. (Я. Белоусов)	164
Н. В. СПИРИДОН. Семья железнодорожника. (Я. Белоусов)	168
Н. Ф. ГЕРЛЕМАН. Тяжелые воспоминания. (Я. Белоусов)	170

НА ОККУПИРОВАННОЙ ЗЕМЛЕ И В ТЫЛУ 173

Ф. Е. ЯКОВЛЕВА. Спасая своих детей, женщины спасали Россию	175
Е. В. ДОРОФЕЕВА. На оккупированной земле. (Я. Белоусов)	177
М. А. СИНИЛИНА. Мои воспоминания о Великой Отечественной войне	179
Р. А. ПЕТРОВА. О судьбе мамы я не знаю до сих пор. (Я. Белоусов)	181
Н. И. ДВОРЦОВА. Детство, которого не было. (Л. Третьякова)	182
Л. Д. ТАКШИНА. Воспоминания о войне	184
А. М. ТИХОМИРОВА. Ветеран «Светланы». (Л. Третьякова)	186
О. А. ПАВЛИХИН. Помню	187
К. С. ЖУПАХИН. Уроки доброты	189

Заклочительное слово от Совета ветеранов МО Пискаревка 192

Память в сердце стучит. Е.А. Сущенко	195
--------------------------------------	-----

Живите в мире. Э. Романовская	199
-------------------------------	-----

Ветеранский вальс	202
-------------------	-----